

СМЕНА

2006

ИЮНЬ • 6

108 Ох уж эти мужья!

129 Божий одуванчик — семь жертв...

134 Скромная звезда?!

**Альфонс
Муха
стр. 11—21**

Основан в январе 1924 года

2006 • ИЮНЬ (1700)

Главный редактор

Михаил Кизилев

Зам. главного редактора

Тамара Чичина

Главный художник

Надежда Веселова

Над номером работали:

Башкеев Максим

Вартанян Галина

Исмагилова Олеся

Калинина Людмила

Молчанова Надежда

Подоляк Кирилл

Подорванова Светлана

Силакова Марина

Чейшвили Владимир

Учредитель — ООО «Издательский дом журнала «Смена»

Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Набор, верстка и оформление

ООО «Издательский дом журнала «Смена».

Отпечатано в ФГУП «Смоленский

полиграфический комбинат»

по адресу: 214020, Смоленск,

ул. Смольянинова, д. 1.

Журнал выходит

12 раз в год.

© «Смена», 2006

Проект осуществляется при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Подписной индекс в почтовых отделениях **70820** (по каталогу Агентства «Роспечать»)

ISSN 0131-6656

Наш журнал вы всегда можете купить в киосках сети

«Аргументы и факты»

Адрес редакции:

Бумажный проезд, 19, стр. 2, Москва, А-15, ГСП-4, 127994.

612-15-07 — для справок.

Факс (495) 250-59-28.

E-mail: jurnal@smena-id.ru

www.smena-id.ru

Отдел распространения: (495) 257-31-37

sales@smena-id.ru

Сдано в набор 15.04.2006.

Подписано к печати

18.05.2006.

Печать офсетная.

Заказ № 13195

Тираж 50 000 экз.

Цена свободная

Журнал зарегистрирован в Комитете Российской Федерации по печати
Per. № 014832

ЧУДЕСА НА ПЛАНЕТЕ

Денис Логинов
Помпеи 4

ВСЕМИРНАЯ ГАЛЕРЕЯ

Ирина Опимах
Альфонс Муха 11

ИЗДАЛЕКА

Любовь Русева
Русская Палестина 22

ДЕТЕКТИВ

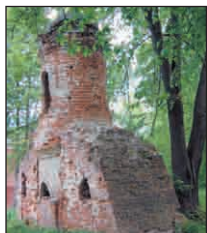
Андрей Ивахненко
Десять миллионов по шкале Бофорта 32

ЖИТЕЙСКИЕ ИСТОРИИ

Светлана Бестужева
Госпожа генеральша 108

КРИМИНАЛ

Екатерина Постникова
Кто кого? 129

ЗВЕЗДЫ ЭКРАНА

Владимир Кислов
Скромная звезда **134**

НЕФОРМАТ

Анатолий Пимонов
**Пришельцы.
 Откуда они пришли?** **144**

ТЕХНОКРАТ

Максим Севрюков-Кистерев
Это коварное светило! **150**

КОМПЬЮТЕР

Просто Кир
Как дилетант дилетанту **154**

СТОП-ТУР

Татьяна Полева
Государево село **159**

МУЗЫКА

Анжелика Подоляк
Горячие финские парни **175**

МОДА

Алла Пустынова
**Будем модными, веселыми
 и счастливыми** **182**

О РАЗНОМ

Анастасия Климская
Записки «громоотвода» **164**

Анна Шеркунова
**Божество, которое умеет
 танцевать** **170**

Полина Теслер
Красота за пять копеек **178**

КРОССВОРД **188**

ЭРУДИТ **190**

РЕКЛАМА **192**

Шарль Эксбрайя. Клан Морамбер

В небольшом городке Аннонее провинции Ардеш был найден труп молодой женщины, в котором опознали местную жительницу Ивонну Салиньи. Полиция пришла к заключению, что это — самоубийство, и дело закрыли. Но через некоторое время появился еще один труп — был убит ее отец — горький пьяница Барнабэ. Стало ясно, что обе эти смерти связаны между собой и были насильственными. Кто стоял за этим жестоким преступлением? Расследованием занялся комиссар уголовной полиции Леонс Серниль, приехавший в Аннонее, чтобы разворошить осиное гнездо самого старейшего и влиятельного семейства городка — Морамберов.

В августе 79 года весь цивилизованный мир содрогнулся от ужаса — произошло мощное извержение вулкана Везувий, и огромная территория — от Геркуланума до Стабий — оказалась погребена под мощным слоем пепла и магмы. Были разрушены два больших города Помпеи и Геркуланум, а также несколько меньших поселений. Часть населения смогла спастись, но огромное количество людей погибло. Эта катастрофа стала страшным напоминанием людям об их беспомощности перед силами природы, перед необъяснимым гневом богов.

ПОМПЕИ

Помпеи — древний город. Еще в VIII веке до н. э. здесь поселилось древнеиталийское племя осков, именно они и дали название городу. Вокруг Помпей — плодородные почвы, климат здесь — благоприятнейший, географическое положение весьма выгодное — все это не могло не привлекать к нему самых разных правителей: он принадлежал и этрускам, и грекам, и самнитам, а в 310 году до н. э. римляне присоединили Помпеи к своей империи. В 89 году до н. э. помпейцы попробовали стать независимыми, но римские легионеры под предводительством Суллы быстро погасили их порыв. И Помпеи получили название «Колония Корнелия Вернерия Помпеянорум».

Город быстро рос. В 1 веке до н. э. — это большой, по тем временам, культурный и торговый центр. Тут строится огромный амфитеатр на 200 тысяч зрителей, Одеон, жилые дома, храмы и термы, лупанарии (публичные дома) и многочисленные лавки с самым разнообразным товаром. Здесь мостятся улицы, а дома украшаются прекрасными мозаиками.

В 62 году, в феврале, за 17 лет до знаменитого извержения Везувия, город потрясло страшное землетрясение — это было первое и весьма грозное предупреждение. Большая часть домов оказалась разрушенной, множество народа погибло под завалами, а уцелевшие в жуткой панике бежали за пределы го-

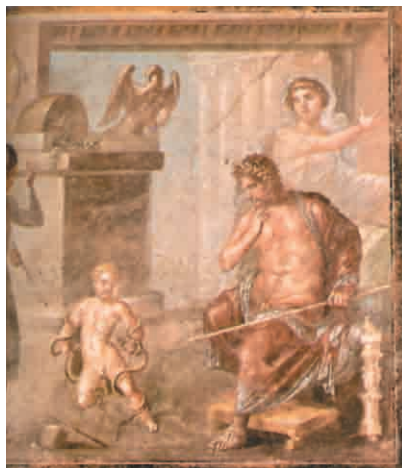
рода. А потом, когда все успокоилось, люди снова вернулись в Помпеи.

Постепенно жизнь налаживалась. Помпеи быстро отстраивались, и в городе вновь появились богатые аристократические семейства. Они возводили себе роскошные дома — с двориками, садами, украшенные скульптурами и прекрасными мозаиками и фресками. Тут были роскошные террасы — с них открывался чудесный вид на живописные окрестности: купальни с мраморными бассейнами и мозаичным полом; помещения для библиотек и святилища богов. В каждом доме был гинекей, женская половина, на которой проистекала жизнь дамской части семейства. В каждом доме имелась своя цистерна, вода в которую поступала со ската крыши, кроме того, был в Помпеях и акведук — вода из него подавалась в термы, общественные фонтаны и в самые богатые виллы. Канализация обслуживала лишь общественные уборные. В городе были тротуары с каменными переходами, дорожное движение регу-

лировалось строгими правилами. У городских стен и вокруг Форума вырастали гостиницы и конюшни, было в городе и кладбище — некрополь у городских ворот. Целая улица мертвых. Гробницы богато украшались статуями и барельефами.

На месте старых зданий появились новые, а на месте прежних хозяев города — новые богачи. Среди них были и рабы, выкупившие себя и свои семьи или получившие свободу за долгую верную службу.

Петроний писал, что бывшие рабы в Помпеях совсем обогатели и лезли всюду, куда только можно, а их сыновья, получив образование, стремились занять командные посты в городском управлении. Естественно, это не могли принять высокогородные аристократы и патриции, изо всех сил противящиеся натиску черни.

Правили Помпеями два регента, двуумвиры. Их избирали на пять лет. В обязанность их ближайших помощников, эдилов, входило: организация зрелищ, городское благоустройство, надзор за общественными зданиями и регулирование продовольственного снабжения. В верховном совете было 100 членов, избираемых за особые заслуги. Все объявления о событиях городской жизни, реклама, новости, предвыборные воззвания, писались в форме рисунков и надписей на городских стенах. Тут же порой появлялись

и любовные послания, и впечатления чужестранцев, волею судеб оказавшихся в городе, и призывы сводников и жуликов всех мастей.

Строительство требовало больших денег, и власти города одной из своих главных задач видели привлечение в город капиталов. Вся их деятельность посвящалась этому. Правда, один район города не требовал заботы. Он и так процветал. Это — квартал лупанариев, публичных домов, которых в Помпеях насчитывалось целых тридцать! В лупанариях всегда были посетители, приносившие владельцам заведений очень хорошие деньги. Эти дома украшала замечательная живопись вполне откровенного характера, здесь подавали соответствующие разжигавшие страсть вина и яства — все служило делу продажной любви. Персонал набирали из рабов обоего пола, особое предпочтение отдавалось выходцам из восточных провинций. Проституция в Риме рассматривалась как обычный вид хозяйской деятельности, вроде строительства или ткачества, недаром Калигула даже ввел налог на оказание сексуальных услуг.

По праздникам помпейцы шли в театр — здесь устраивались пышные представления, обязательно включавшие гладиаторские бои. Перед представлениями в городе развешивали объявления — рекламная шумиха была не меньше, чем теперь вокруг какого-нибудь международного футбольного матча.

Спустя 17 лет после землетрясения помпейцы успокоились — в суте дней они не думали о том, что боги, предупредив однажды, могут снова обрушить на грешных людей свой гнев, и уже более страшный, более разрушительный.

Известный в городе прорицатель говорил о том, что город ждет катастрофа, но ему не верили — ведь землетрясение он не предсказал. И 24 августа 79 года началось как всегда — люди занимались привычными делами: рабы принимались за работу, ремесленники — за свое ремесло, патриции — за государственные дела, их жены и дочери занимались утренним туалетом, а проститутки отдыхали после бурной ночи.

Около десяти утра произошло извержение Везувия. Мощные подземные толчки, падающие с неба

камни, пепел, потоки раскаленной магмы, летящие с неба куски пемзы застали жителей врасплох. И как назло, в тот день ветер дул в сторону Помпей, неся с собой удушливые газы. Перед природным катаклизмом все оказались равны — и беспомощны. Не понимая, что происходит, — ведь Везувий спал более 1500 лет! — люди пытались укрыться в домах, в подвалах, и там их настигало удушье или просто заваливало падающими стенами. Многих смерть нашла не дома — в храмах и на Форуме, в театрах и лавках. Историки говорят, что примерно две тысячи погибли на улицах, пытаясь убежать от смерти. К счастью, большинство жителей Помпей все-таки спаслись — они успели сесть на корабли, стоявшие в порту, и уплыть от гибнущего города. Всего через два часа город был погребен под потоками раскаленной лавы и слоями горячего пепла. Такая же судьба постигла и соседние городки Стабию и Октавианум. Геркуланум, располагавшийся по другую сторону Везувия, затопило грязевыми потоками, пеплом, смешавшимся с дождем. Пыль и пепел черной пе-

ленной три дня висели в воздухе, а потом снова стало светло. Прибывшая из Рима комиссия признала, что Помпеи и Геркуланум погибли безвозвратно. Какое-то время здесь ходили разные люди — в поисках пропавших родных и утерянного имущества, но и они, отчаявшись после безрезультатных поисков, покинули эту мертвую землю.

Плиний Младший, известный римский историк, дал в своих письмах к Тациту потрясающее свидетельство трагедии, оказавшись ее непосредственным свидетелем. Его дядя, Плиний Старший, командовал флотом в Мизено, на северном побережье Неаполитанского залива. С ним находился и любимый племянник, Плиний Младший. Мизено расположен в тридцати километрах от Везувия, но и там в страшный день извержения чувствовались подземные толчки — «повозки кидало из стороны в сторону, с домов обваливалась черепица и рушились статуи». Плиний Старший, увидев странное облако над Везувием, немедленно снарядил легкую не-

большую галеру и приказал плыть в Стабию, поближе к вулкану. Хотел взять с собой и племянника, но юноша отказался.

Восемнадцатилетний Плиний Младший, оставшийся в Мизино, провел день в обычных занятиях — читал, писал, потом — баня, обед, сон. Однако утром следующего дня Везувий настиг и Мизено — небо заслонила огромная черная туча, жители в ужасе ринулись из города, началась гроза, молнии сверкали, гремел гром. Толпа людей, бежавшая из города, очутилась в полной темноте, слышались крики взрослых и плач детей. Люди в страхе обезумели и давили друг друга. Плиний думал, что гибнет со всеми и все гибнут с ним. Этот кошмар длился несколько часов, а потом мрак рассеялся, проглянуло солнце, и Плиний Младший понял, что на сей раз его — и всех тех, кто находился с ним рядом — смерть пощадила. Впереди у него была долгая жизнь, жизнь политика, ученого и — автора знаменитых писем, в которых он ярко описал Римскую империю. А в двух из этих посланий Плиний рассказал о страшных августовских днях 79 года.

В 95 году, через 16 лет после чудовищного извержения Везувия, разрушившего Помпеи и Геркуланум, когда память о страшной катастрофе еще была жива, в Неаполь приехал римский поэт Стаций. Взглянув на Везувий, он сказал: «Пройдет время, и эта пустыня вновь оживет и покроется зеленью, но смогут ли тогда поверить потомки, что под их ногами погребены города и народы, и что нивы их предков исчезли под огненной лавиной?» Прошли годы, столетия, одни империи сменяли другие, умирали одни религии и возникали другие, а память о Помпеех жила. Более того, название города стало понятием нари-

цательным, символом страшного несчастья, от которого уйти невозможно.

Все случилось, как предвещал Стаций — пострадавшие от землетрясения территории заросли лесами, и появились новые поселения, и уже трудно было сказать, а где же располагались эти несчастные города, которых столь жестоко покарала боги.

В 1592 году архитектор Доменико Фонтана во время прокладки водопровода натолкнулся на остатки стены и обнаружил надписи, в одной из которых упоминалась Венера Помпейская, покровительница Помпей. А затем последовали другие находки. В 1693 году в ходе строительных работ в Чивите нашли руины античных зданий, в 1709 году открыт театр Геркуланума, а потом пришел и черед Помпей. В 1897 году испанский археолог Роке Хоакино де Алькубиерре обнаружил древний амфитеатр, а в 1763 году Ведеус

Клеменс доказал, найдя один из пограничных столбов с надписью «Помпеи», что это — развалины погибшего под лавой города. А затем разные археологи с огромным энтузиазмом приезжали сюда и вели раскопки, открывая все новые и новые дома, улицы, театры и лавки города, и его трагедия становилась все очевиднее для людей нового времени. В 1860 году раскопками руководил Джузеппе Фиорелли. Он, настоящий ученый, впервые разработал метод получения слепков, заливая гипс в пустоты, оставленные органическими телами, и потрясенные археологи увидели на улицах Помпей тела тех, кого убил Везувий, — тела людей и животных. Можно представить по их скрюченным позам, какие страдания им пришлось перенести перед смертью — они умирали от удушья, под камнеградом. Благодаря страшной трагедии, постигшей город, и потокам лавы, уничтожившей жизнь,

но сохранившей камни, историки и археологи получили уникальный шанс: они смогли увидеть и почувствовать римский город таким, каким он был — с его мостовыми, домами, термами, храмами, могли представить себе жизнь горожан, узнать почти все о том, как они работали и отдыхали, услышать звуки времени. Считается, что сейчас открыто три пятых города: оборонительные стены, ворота, некрополь, кварталы жилых домов с мозаиками, фресками и скульптурами, Форум, амфитеатр, храмы, термы и многое другое. Раскопки продолжаются и в наши дни, и кто знает, сколько уникальных росписей, прекрасно сохранившихся развалин и отпечатков тел людей, живших почти две тысячи лет назад, еще таит в себе эта земля...

В Помпеи надо приезжать весенним днем, когда еще не жарко, но солнце ярко светит, и в его лучах ясно виден воскресший город. Вдали высится конус Везувия — он такой мирный, застывший, что просто невозможно представить его во гневе. А вы, внезапно покинув совре-

менный мир с его суетой, темпом, шумом, идете по улицам античного города, видите надписи — объявления на стенах домов (о театральном представлении, о сдаче помещений, и всякое другое), заглядываете в дома (тут вам доступны все мелочи быта, все детали устройства домашней жизни), останавливаетесь на Форуме, где встречались приятели и проходили общественные собрания, заходите в храмы, в которых поклонялись Аполлону и другим богам, не захотевшим спасти своих почитателей в тот роковой день, сидите на трибунах Одеона и амфитеатра, и в ваших ушах звучат одобрительные крики зрителей, радостно приветствующих своих любимцев актеров или красавцев гладиаторов, готовых проститься с жизнью на глазах этой жаждущей зрелищ толпы...

«В самом деле, ничто не умирает, все пребывает вечно; никакой силе не уничтожить то, что некогда существовало», — писал Теофиль Готье в рассказе «Ария Марцелла», посвященном Помпеям. И, попадая в этот город, понимаешь, что французский писатель прав... □

Ирина Опимах

Альфонс Муха

Не многим художникам удается в искусстве создать свой стиль — у Альфонса Мухи это получилось. Воплотить в себе художественные поиски рубежа XIX—XX веков, «стиль Мухи» стал путеводной звездой для множества дизайнеров и графиков.

Чех Альфонс Муха — один из самых удивительных и чарующих художников. Его прекрасные женщины, тонкие, грациозные, с огромными выразительными глазами и волнистыми волосами, в струящихся одеждах, в обрамлении цветов и арабесок считались символом целой эпохи, которую так и назвали — Прекрасной эпохой, Belle Époque.

Альфонс Мария Муха родился 24 июля 1860 года в провинциальном моравском городке Иванчице. Его отец Ондржей Муха происходил из семьи потомственных виноградарей. Благодаря живости ума, предприимчивости и определенной амбициозности Ондржей стал известным в городе портным, а в конце жизни работал в городском суде. Казалось бы, все неплохо, да только вот в личной жизни ему не везло: пережив смерть первой жены, он в 35 лет снова женился, и вроде вполне удачно — на солидной, расудительной, опытной (ей было уже 37) Амалии Мале, дочери местного и совсем не бедного мельника, но она, родив ему троих детей, тоже умерла. Безутешный Ондржей всю свою любовь, весь смысл жизни сконцентрировал на детях. Он был очень неглуп, этот пан Муха, и понимал, что прежде всего необходимо дать детям образование, и, по возможности, хорошее. Девочки Анна и Андела получили среднее образование — весьма понятно, потому что в те времена об эмансипации в Моравии, да и во всей Чехии, еще никто и не помышлял. А Альфонса отправили в Славянскую гимназию в Брно. Отец видел, что у сына явные способности к рисованию — мальчик непрерывно что-то рисует, и у него неплохо получается. А еще он любит петь — и поет в Брно, в хоре собора Святого Петра. Когда Альфонсу исполнилось семнадцать, Ондржей отправил первые работы будущего художника в дирекцию Праж-

ского художественного училища, сопроводив их письмом с просьбой зачислить сына в училище. А то, что юноша не закончил гимназию, старший Муха объяснил его плохим здоровьем. И тут слегка sluкавил — дело в том, что Муху из гимназии просто выгнали, поскольку он прогуливал все занятия, включая и богослужения; лишь учителя пения и рисования были им довольны.

Альфонсу Мухе не пришлось поучиться в Пражском училище — его творения вернулись в Иванчице, вместе с отрицательным отзывом почтенного профессора Лготы. «У автора данных работ талант к художественному творчеству отсутствует», — прочли отец и сын.

Ну, что же, жизнь на этом провале не кончалась. Но ведь надо как-то зарабатывать деньги. Сначала Альфонс устраивается писарем в Иванчицкий суд — отец оказал протекцию, а два года спустя, прочитав объявление в газете, — в венскую фирму по производству театральных декораций. Днем работает, а

Топаз, Изумруд, 1900

Монако, Монте-Карло, 1897

Сара Бернар, 1896

вечерами посещает классы рисования. В 1882 году, когда один из самых крупных венских театров «Бург театр» сгорел почти дотла, фирма вынуждена была сократить часть своих служащих. Потерял место и Альфонс. Некоторое время юноша болтался в поисках работы в Вене, а потом благодаря отцовским связям уехал в южноморавский город Микулов. Занимался там чем придется — рисовал театральные декорации, писал портреты, и даже малярничал — расписывал квартиры и дома зажиточных горожан.

В конце века малярные работы подразумевали совсем не то, что теперь — маляр изображал по потолкам порхающих ангелочков, а по стенам — какую-нибудь пышную растительность. Такая работа требовала определенных навыков, умения и фантазии. Однажды Альфонсу заказали расписать комнаты

в замке графа Куэна Белази. Замок назывался Эммахоф — в честь очаровательной хозяйки, графини Эммы. Она была очень хороша, эта моравская аристократка. Ее облик не мог не взволновать молодого Муху, и вот на стенах замка заплясали прекрасные вахканки, в чертах которых и в пластике легко угадывалась госпожа Эмма. Работа молодого маляра пришлось графу по душе, и он отправил его в Тироль, в замок своего брата. Тут Муха не только оформляет графские владения, но и изображает их обитателей (портреты моделей очень нравятся) и даже ходит писать пейзажи на пленэре, а специально приставленный к нему слуга носит за ним мольберт, краски и кисти.

Однажды в доме графа появился человек, сыгравший огромную роль в жизни Мухи. Это — профессор живописи из Вены по фамилии

*Цветы,
1894*

Край. Внимательно посмотрев все работы молодого художника-самоучки, он приходит в восторг. У юноши определенно есть талант, и просто преступление не дать этому таланту развиваться, — говорит он графу. Альфонсу непременно надо учиться! А давая ему деньги на учебу, жилье и пропитание, можно компенсировать затраты, используя его в своих нуждах. Умно, думает граф, и, решив стать меценатом Альфонса, отправляет своего подопечного в Мюнхен, где тот поступает в Академию художеств, сразу на третий курс, а проучившись там два года, отправляется продолжать свое образование во Францию, в центр мирового искусства Париж.

Мюнхен, столица Баварии, совсем не маленький город, казалось бы, Муха должен быть подготовлен к Парижу. Но разве же мог он пред-

полагать, что это такое — Париж! Шум, суета, Монмартр, выставки, Эйфелева башня, множество хороших женщин в изысканных туалетах, поэты, художники... Поначалу он, провинциальный моравский юноша, слегка растерялся, а потом прикупил себе элегантный плащ, костюм и шляпу, снял вполне приличную комнату-мастерскую, записался в художественную школу Жюльена, понял, что рисует не хуже, а может, и лучше многих парижских художников, перешел в училище Коларосси, где, как считалось, преподаватели были лучше, и зажил парижской жизнью. Он уже готовился устроить собственную выставку, как разразилась гроза, и все его планы полетели в тартарары. Альфонс получил послание от секретаря графа Куэна, в котором сообщалось, что в связи с ухудшением

*Баранчики,
Перо, 1899*

*Жисмонда,
(Сара Бернар), 1894—1895*

финансового положения граф более не в состоянии высылать Мухе денежное пособие. Спустя многие годы Муха вспоминал то время как самое трудное в своей жизни. Однако в письмах к отцу он не признается в том, что порой ему не на что купить поесть, что он чудом, зарабатывая гроши, экономит на всем ради того, чтобы купить краски и холст. Его приятели по ремеслу вспоминали, что даже в самые трудные моменты жизни он старался улыбаться, не поддаваться отчаянию, был обаятелен и мил с дамами — он всегда умел ценить красоту женщин. И он не мог не победить!

Постепенно судьба стала ему улыбаться — она ведь тоже любит талантливых и сильных духом.

В 1891 году Муха знакомится с издателем Арманом Коллином, а в 1892 году ему предоставляется возможность иллюстрировать вместе с известным графикам Жоржем Рошгроссе фундаментальную «Историю Германии», труд знаменитого в те времена историка Зейгнбоса. А еще ему заказывают театральные афиши, которые имеют большой успех. И вот уже у него снова появляются деньги, а кроме того, он постепенно становится известным. В 1894 году произошло поистине эпохальное событие в жизни Альфонса, да и не только в жизни художника, но и в истории искусства — родился знаменитый стиль Мухи.

Театру Сары Бернар «Ренессанс» потребовалось сделать срочно афишу — накануне Рождества 1894 года ей показали эскиз афиши спектакля, режиссера которого была назначена на 4 января следующего, Нового года, и эскиз актрисе решительно не понравился! Тут кто-то из ее друзей вспомнил об Альфонсе Мухе. И Муха не подвел — он проработал всю рождественскую ночь, а наутро афиша спектакля — «Жисмонда»

В. Сарду — была готова. И самое поразительное, она очень понравилась капризной и придирчивой актрисе. Афишу развесили на улицах Парижа уже в первую неделю 1895 года. Все в ней было необыкновенно и непривычно: формат, узкий и вытянутый вверх; портрет самой Бернар в полный рост, в натуральную величину; цветовое решение. Мадам Бернар представлена в роскошном, напоминающем античный костюм одеянии, на фоне мозаичных узоров, над ее головой угадывался нимб. Все в этой композиции выражало преклонение перед великой трагедийной актрисой, царицей прекрасной Эпохи, перед ее искусством. И сейчас, спустя более века, эту работу Альфонса Мухи искусствоведы рассматривают как эталон плаката.

Эта афиша произвела настоящий фурор. Муха обрел славу, а Сара Бернар настолько увлеклась молодым художником, что тут же предложила ему заключить контракт с ее театром на шесть лет! Он должен не только рисовать афиши, но и участвовать в создании декораций и костюмов.

Афиши, созданные за эти годы Мухой, образуют целый цикл: «Дама с камелиями» (1896), «Лоренцаччо» (1896), «Самаритянка» (1897), «Медея» (1898), «Гамлет» (1899), «Тоска» (1899). Все они подчинены единой стилистике, единым композиционным принципам. Художнику удалось в этих работах передать очарование Сары Бернар, ее почти колдовскую силу, ту энергию, что она отдавала своим зрителям.

После «Жисмонды» на Муху заказы просто посыпались. Среди его клиентов — крупные про-

мышленники, производители шоколада, машин, модной одежды и шляпок. А в 1897 году открывается его первая персональная выставка. Каталог, представляющий 101 работу художника, предваряет текст, написанный Сарой Бернар. В конце этого же года проходит и вторая его выставка, на ней уже представлено 400 работ, которые после закрытия выставки в Париже отправляются в турне по Европе.

В конце XIX века в Европе возникает движение, которое в Австрии называлось сецессион, в России — модерном, в Германии — югенд стиль, во Франции — ар нуво.

Грезы, 1897

Художники, последователи этого стиля, верили, что жизнь и искусство могут быть в гармонии друг с другом. Обновить искусство, превратить все, окружающее человека, в мир красоты и гармонии — вот такие непростые задачи ставили они перед собой, искренне надеясь, что искусство сможет исцелить социальные болезни, а декоративный декор, наброшенный на суровую действительность, принесет спасение людям. Принципы ар нуво нашли свое блестящее воплощение в творчестве французского чеха Альфонса Мухи. Все, пережитое им, было не зря и все нашло свое отра-

жение в его искусстве. Кроме того, огромное влияние на Муху оказало и увлечение Востоком, особенно Японией, заново открытой Европой на рубеже веков, а также символизм, владевший умами в то время. Постепенно возникал главный образ в творчестве художника — нечто промежуточное между роковой красавицей и мечтательной невинностью. Как правило, все его композиции были декоративны, они не несли драматического начала. Тут была одна Красота...

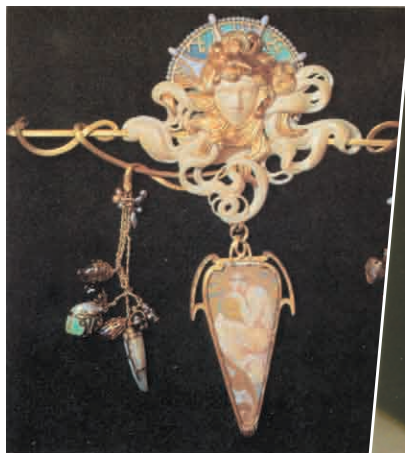
Образ златокудрой красавицы со славянскими чертами появился на этикетках чая и обертках конфет, на

рекламе курортов и отелей, на открытках и календарях. Очень часто он не мог отказать своим заказчикам, много работал ради денег, и неизбежно его образы, его художественные открытия начинают тиражироваться, повторяются. Теперь его знали все. Но сам Муха считал эти свои работы несерьезными, больше всего ему хотелось сделать что-то значительное, а значительным в его глазах были большие полотна на исторические темы. Живя в Париже, много ездя по Европе (в 1898 году он побывал в Испании и на Балканах), он непрестанно думает о своем народе и судьбе своей страны. И в его душе зарождается мечта создать грандиозную серию-эпопею, посвященную истории Чехии.

А между тем заканчивается срок контракта с театром Сары Бернар, и в 1900 году Муха получает на Всемирной выставке серебряную медаль за оформление павильона Боснии и Герцеговины. Там же были выставлены и ювелирные изделия. Сделанные по его эскизам известным парижским ювелиром Жоржем Фуке, они наделали много шума среди парижских модниц. Ук-

рашения, придуманные Мухой, в своей утонченной роскоши соединяли восточные и византийские мотивы. Фуке, как совсем недавно Сара Бернар, увлекся Мухой и даже заказал ему оформить фасад и интерьер своего магазина на улице Ройаль. И Муха сотворил настоящий шедевр в стиле ар нуво, поразительную гармонию, блестяще соединив самые разные виды искусств. Мебель, стекло светильников, настенные росписи, резьба — все это стало прекрасным обрамлением для изысканных украшений.

В 1904 году Муху приглашают посетить США. Там, за океаном его обожают. И он решает принять приглашение — очень хочется сбежать от парижской суеты, неинтересных заказов. Американцы приветствовали прибывшего в их страну ху-

*Аграф,
1900*

*Природа,
1899—1900*

дожника огромными плакатами, на которых он изображался в полный рост, и на которых сияла подпись: «Соединенные Штаты посетил величайший художник-декоратор всех времен!» Муха надеялся, что здесь, в этой стране миллионеров, он будет писать портреты богатых американцев и их домочадцев и зарабатывать деньги, чтобы потом целиком отдать своему главному делу — исторической эпопее о судьбе родины. Но портреты требуют от него больших усилий, и он начинает преподавать — сначала в Нью-Йорке, потом в Филадельфии и Чикаго. Много заработать не удастся. Не удалось избежать и того, чего ему так не хотелось — он делает рисунки для журнальных обложек, театральные афиши и плакаты. А еще он написал огромные полотна для нью-йоркского Немецкого театра.

В 1909 году его приглашают написать портреты дочерей известного американского дипломата и промышленника Чарлза Крейна. Муха, конечно же, рассказал Крейну о своем грандиозном замысле, и тот увлекся! И подписал контракт с художником на создание его Славянской Эпопеи.

Альфонсу Мухе — уже 46. Он зрелый, опытный мужчина. Внешне очень привлекателен, и женщины с удовольствием дарили ему свою любовь. Но до сих пор ему не удавалось влюбиться, влюбиться так, чтобы понять — эта женщина — на всю жизнь. И вот, наконец, ему повезло. В Париже, во Франции, далеко от родной Моравии он встретил и полюбил чешку Марию Хитилову! Она младше мастера на 22 года и обожала его. Он был ее кумиром, ее героем. Да, он человек с мировой славой, но долгов у него столько,

что даже продав все, что имел, ему бы не хватило расплатиться с кредиторами. Ее чувство было абсолютно бескорыстно. И она стала для него самым близким человеком, самым понимающим другом и, конечно же, Музой. Отныне во всех его картинах живет она, его Мария. А потом она родила ему двух дочек, и они, вырастая и превращаясь в очаровательных девушек, тоже становились героинями его картин...

В 1910 году Муха с женой возвращаются на родину. Художник, оформив интерьеры Дома Пражского муниципалитета, полностью сосредотачивается на своей эпопее. Наконец-то он может отдать своему главному делу своей жизни!

В 1914 году началась Первая мировая война. Первая в XX веке бойня, затронувшая все страны, самых разных людей — и богатей, и бедняков. Море крови, смерти, болезней, лишения, потери близких...

Времена года: Зима, 1897

После тех страшных лет в Европе жили уже совсем другие люди. Потерянное поколение — так, с легкой руки Гертруды Стайн, стали называть тех, кому посчастливилось пережить войну. Опустошенные, разочарованные, лицом к лицу встретившиеся со смертью, потерявшие надежду и веру в себя. Герои Ремарка и Хемингуэя... Конечно же, они не могли умиляться, видя хорошеньких, пышноволосях героинь Мухи, не могли восторгаться его изысканными орнаментами и виньетками. У них было совсем иное искусство — рваное, нервное, жесткое. Пришло время других художников.

Неудивительно, что творчество Мухи стало быстро терять почитателей. И когда в 1928 году в присутствии Чарлза Крейна состоялась торжественная передача полотен Славянской Эпопеи чешскому народу и городу Праге, соотечественники особого восторга не выказывали. Муху обвинили в приверженности устаревшим идеям ушедшего века, в старомодности и скованности.

Он не отчаивается, продолжает работать. Старается делать, что может, для своей Родины. (Кстати, еще в 1918 году, когда была провозглашена Чешская республика, именно Мухе поручили создание первых почтовых марок независимой Чехии, а также денежных знаков и герба.) А между тем в мире происходят страшные события. Набирает силу фашизм, в 1933 году Гитлер встает во главе Германии. А 26 сентября 1938 года он объявляет Чехословакии ультиматум с требованием передачи Германии Судетов. Мюнхенская конференция, в которой участвовали Великобритания, Германия, Франция и Италия, фактически потребовала от Чехословакии выполнить требования Германии. Но Гитлера Судеты уже не удовлетворяли — 15 марта 1939

года он оккупировал всю территорию Чехии и Моравии. Мухе довелось стать свидетелем того, как его родина, по сути, только успев обрести независимость от Австро-Венгрии, снова стала несвободной. Теперь уже от немцев. Ему оставалось прожить еще четыре месяца — 14 июля 1939 года художника не стало. До самой последней минуты с ним была его Мария, а на стене висели эскизы почтовых марок. Его последние работы...

На долгие годы искусство Мухи было забыто. Казалось, он целиком принадлежит прошлому, безвозвратно ушедшей эпохе, эпохе прекрасных дам, изысканных туалетов, роскошных украшений, галантных джентльменов... Но вот прошли годы, изменилась жизнь, ритмы ускорились, чувства обострились, и вдруг неожиданно в самых разных странах проснулся интерес к прекрасной эпохе, к ее героям, баловням, к ее искусству. И мир снова вспомнил об Альфонсе Мухе. Его выставки прошли в самых престижных музеях мира, и совсем недавно — в Москве. В его музее в Праге всегда толпы разноязыких туристов. И им показывают табличку, висевшую на двери парижской мастерской художника. На ней он писал мелом послания своим посетителям. Так вот, там написано: «Муха скоро придет». И он пришел... □

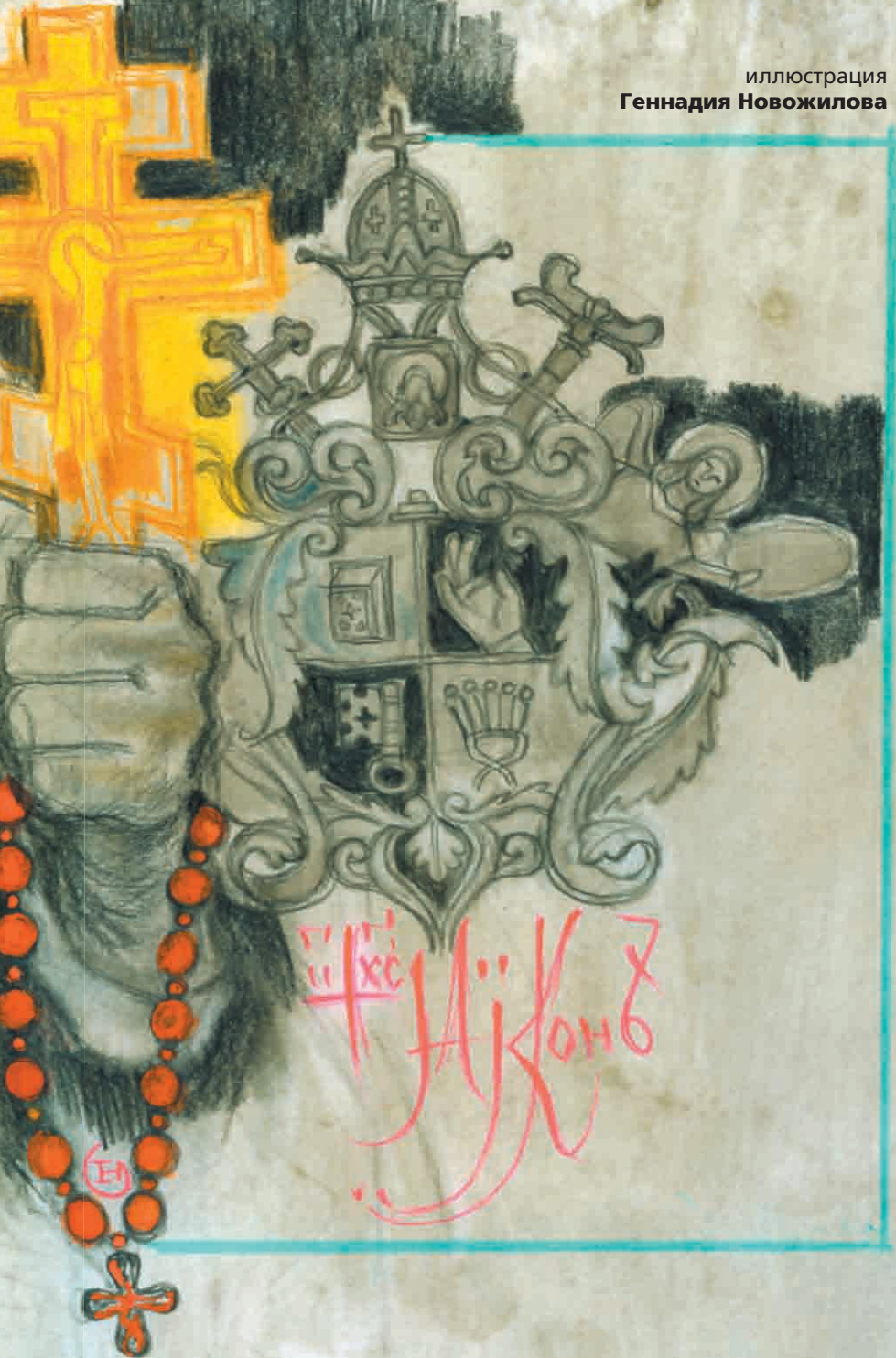

Любовь Русева

Русская Палестина

иллюстрация
Геннадия Новожилова

«Из русских людей XVII в. я не знаю человека крупнее и своеобразнее Никона. Но его не поймешь сразу: это — довольно сложный характер, и прежде всего, характер очень неровный».

В.О. Ключевский

Приближался праздник Рождества Христова... В ночь с 17 на 18 декабря 1664 года к московской заставе подъехало несколько саней.

— Кто едет? — закричали сторожа.

— Власти Савина монастыря.

Пропущенный поезд помчался в Кремль. Двери Успенского собора, где в это время служили заутреню, вдруг с грохотом растворились. Вошла толпа монахов, за ними внесли крест, а за крестом явился патриарх Никон.

— Перестань читать! — раздался под сводами повелительный голос.

Приехавшие воскресенские старцы запели. Никон, взяв посох митрополита Петра, приложился к образам и мощам. С патриаршего места он благословил духовенство и обратился к митрополиту Ионе:

— Поди, возвести великому государю о моем приходе.

Во дворце поднялось смятение, точно под стенами Москвы объявились татары или поляки: в окна забегали огни, придворные и духовенство по лестнице неслись к царю. Бояре, узнав новость, подняли крик, архиереи же, качая головами, только и причитали: «Ах, Господи! ах, Господи!»

— Как смел он, яко разбойник и хищник, наскочить на верховный патриарший престол, когда он должен ожидать суда вселенских патриархов?! — неистово завопил Паисий Лигарид.

Духовенство кивало словам митрополита газского. Правда, оно тогда еще не знало, что грек незаконно величает себя данным титулом, поскольку давно лишен кафедры и как еретик, написавший книгу в защиту папской власти, проклят константинопольским и иерусалимским патриархами. Да это и неважно. Главное, что талантливый ученик иезуитов, получающий от папы ежегодное содержание, убедил царя, что Никон — враг православия. И не корысти ради злобствуют они на патриарха, а токмо во имя истинной веры. Бояре же появление Никона расценили как преступление, достойное лютой казни. Ох, и боялись они примирения царя с патриархом!

Сторонников Никона здесь не было. Не явился и Никита Иванович Зюзин, из-за которого сыр-бор загорелся. Боярин заверял друга в письмах, что царь желает его возвращения и милостиво примет. Зюзин изложил подробный «план»: патриарх явится в Москву неожиданно, и никто не должен знать, что его звал сам царь. У городских ворот, дабы не задержали, он назовется архимандритом Саввинского монастыря. Сообщил также, когда и куда явиться, что делать да как боярам отвечать. «А мне к нему нельзя о том отписать, — передавал слова царя Зюзин, — ведая его нрав: в сердцах на архиереев и на бояр не удержится, скажет, что я ему велел приехать, или по письму моему откажет, и мне то будет, конечно, в стыд, в совете нашем будет препона, и все поставят мне то в непостоянство... А я, продолжал государь, свидетеля Бога поставляю, что ему ни в чем противен не буду, и душевно советую так сделать. Сколько уже времени между нами продолжается несогласие? Врагу лишь в том радость да неприятелям нашим, которые для своих прихотей не хотят, чтоб нам

в совете быть: это я узнал досконально... Покинул он меня в таких напастях одного, борима от видимых и невидимых врагов, а не на том мы между собою обещались, что до смерти друг друга не покинуть, и клятва есть в том между нами».

Как не поверить Никону письму друга?! Да еще накануне сон вещий приснился: в Успенском соборе встанут из гробов святители, и митрополит Иона собирает их подписи для призвания его на патриарший престол...

Царь не вышел к «особинному» (особенному) другу, а послал к нему давних врагов.

— Ты самовольно покинул патриарший престол и обещался вперед не быть патриархом; об этом уж написано ко вселенским патриархам. Зачем же ты опять приехал в Москву и вошел в соборную церковь без воли государя, без совета освященного собора? Ступай в свой монастырь!

— Сошел я с престола, никем не гоним. Теперь пришел на престол, никем не званный для того, чтоб великий государь кровь утолил и мир учинил. От суда вселенских патриархов я не бегаю, а пришел я на свой престол по явлению. Вот письмо, отнесите его к великому государю.

И Никон отдал боярам письмо, в котором описал явление ему в сновидении святителей. Это привело в неистовство Лигарида.

— Ангел сатаны преобразился в святого ангела! Пусть этот лжевидец скорее удалится, чтоб не произошло смуты в народе или даже кровопролития! — и во главе архиереев отправился в Успенский собор.

— Уезжай из соборной церкви туда, откуда приехал!

Какое жестокое посрамление гордому и еще недавно всеильному Никону! Когда 10 июля 1658 года он всенародно объявил о своем решении покинуть Москву, народ заголосил, запер двери Успенского собора, затем распряг и разломал его повозку. Но Никон, оставаясь Первосвятителем России, не желал быть патриархом в Москве. Он поселился в своем детище — Новом Иерусалиме... Сегодня он должен был, по «плану» царя, отслужить заутреню в соборе, словно никогда и не покидал престольный град. А вместо примирения с собиным другом его ожидал позор и унижение. Приложившись к образам, Никон покинул храм. У саней он отряхнул ноги.

Тягостные думы одолевали Никона по пути в любимый Воскресенский монастырь. Ему вменяли в вину, что титулуется «Великим Государем», а по чьему приказу он себе это позволял? Кто всенародно его так величал? Какими эпитетами награждал царь Никона! «От царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси великому солнцу сияющему, пресветлому богомольцу и преосвященному Никону... от нас, земного царя, поклон. Радуйся, архиерей великий, во всяких добродетелях подвизающийся!..» «Избранному и крепкостоятельному пастырю и наставнику душ и телес наших, милостивому, кроткому, благосердому, беззлобивому, наипаче же любовнику и наперснику Христову и рачителю словесных овец. О крепкий воин и страдалец царя небесного и возлюбленный мой любимец и содружебник, святой владыко!» «Великий святитель, равноапостольный богомolec наш, преосвященная глава, прости меня...»

Горе и несправедливость шестой патриарх познал с появлением на свет Божий. Родился он в крестьянской семье села Вельдеманова в мае страшного 1605 года — года начала смуты, и наречен был Никитой. Вскоре после его рождения мать покинула этот мир. О злой же мачехе сложено немало пословиц и поговорок, но та, что досталась ему, отличалась особой лютостью. Уж она его и била, и голодом морила, и на мороз в рубашке выгоняла, и мышьяком травила... Полез, было, украдкой изголодавшийся ребенок в погреб за съестным, — так заметило недремлющее око. От пинка злыдни пасынок кубарем скатился по ступенькам — едва выходили. И то как-то Никита в теплую печь забрался погреться да заснул. Мачеха мигом заложила печь дровами и подожгла. Благо, бабка услышала крик внучка.

Из-за постоянных побоев и попреков маленький Никита рос тихим, неразговорчивым ребенком. Но мир — не без добрых людей. Подружился он с детьми священника села Колычево (Павлом и Настей) и фактически переселился к отцу Ивану, который обучил его читать и писать. Тут-то и проявились редкие способности мальчика: вскоре он прочел все книги, какие только достал. Любознательность Никиты была столь велика, что он своими многочисленными вопросами нередко ставил отца Ивана в тупик.

Грамоте сын обучился — пора по хозяйству помогать. В отчем доме Никита пробыл недолго. Издевательства мачехи и тяга к знаниям его толкнули на побег. Вскоре в Макарьевом Желтоводском монастыре появился новый послушник, исполнявший клиросное пение. Как радостна и легка монастырская жизнь! Вот где истинная свобода! Никто не бьет, не попрекает куском черствого хлеба, никто не поносит, а только славу предрекают.

Миг блаженства короток. Где только не искал Мина сына! Стал жену подозревать в его изводе. Наконец, прослышал, что тот — послушником в монастыре. Пришлось Никите возвращаться. Вскоре он лишился любимой бабки и отца. Родня настаивала на женитьбе. Никита обвенчался с Настасьей и возглавил приход в селе Колычево.

Молва о незаурядном священнике дошла до московских купцов, которые уговорили его переехать в столицу. Здесь счастливую чету постигло большое горе — все трое детишек скончались. Смерть малышей потрясла Никиту Минича, он принял это за знак свыше. Знать, не для мирских радостей ему жизнь дана. Супруги решили удалиться от мира: матушка постриглась в Алексеевском монастыре, а отец Никита принял постриг под именем Никона в Анзерском скиту Соловецкого монастыря.

Страдания сделали этого человека восприимчивым к чужому горю, несправедливость — развила в нем страсть к обличениям. Суровая школа монашества также наложила свой отпечаток на его характер. Нелегко иноческий подвиг на Соловках, но на Анзере правила жития были куда строже. Жизнь в уединенных кельях проходила в непрерывных молитвах и земных поклонах. Подвижники собирались вместе только по субботам, когда в церкви начиналось всенощное бдение, переходившее в воскресную литургию.

Страстность природы все больше проявлялась в Никоне. Увлечшись планом строительства в скиту каменной церкви, он советовал начальному старцу Елеазару не хранить пожертвованные на это дело деньги в ризнице, а надежно их спрятать, дабы лихие люди не отняли. Это привело к ссоре, и инок покинул скит. Отправляясь на материк, Никон едва не погиб во время шторма. Лодку выбросило на Кий-остров, откуда он с трудом добрался до Кожеозерской пустыни, а туда без вклада не принимали. Никон отдал единственное свое богатство — две богослужебные книги. Ему разрешили жить на пустынном острове, где он не только молился, но и ловил рыбу для братской трапезы. Недолго длилось уединение Никона: после смерти тамошнего игумена братия пригласила его возглавить монастырь.

Поездка по делам в Москву круто изменила жизнь игумена. Аскетизм его, ум и познания пленили царя. По желанию Алексея Михайловича, патриарх Иосиф посвятил Никона в сан архимандрита Новоспасского монастыря. Пользуясь расположением государя, он стал «печаловаться» за утесненных и обиженных, вдов и сирот. Царь поручил собинному другу принимать просьбы от всех, кто искал милосердия и управы на «неправду судей». Таких оказалось чрезвычайно много. Челобитчики осаждали архимандрита не только в монастыре, но и на пути его следования к царю. Справедливые прошения быстро удовлетворялись, потому Никон приобрел в Москве всеобщую любовь и славу доброго ходатая. Архимандрит энергично занимался и своей

обителю. Вскоре на месте старого храма вырос величественный собор, окруженный новыми кельями и каменными стенами с башнями.

Царь возвышал любимца: через два года тот — уже второй по значению в иерархии русской церкви. Иерусалимский патриарх Паисий, находившийся в Москве, рукоположил его в сан митрополита Новгородского. Паисий сразу обратил особое внимание на незаурядного священнослужителя и дал ему грамоту, в которой, восхваляя достоинства, в знак отличия предоставил Никону право носить мантию с красными «источниками» (пришивками). Помимо церковных дел царь возложил на митрополита наблюдение над мирским управлением и давать по ним советы. Никон должен был посещать тюрьмы, расспрашивать обвиненных, принимать жалобы и доносить обо всем царю. Все это многократно увеличило его врагов. О доносах из Новгорода и «шепоте» московских бояр Алексей Михайлович подробно писал Никону: «... князь Иван Хованский пишет в своих грамотах, будто он пропал и пропасть свою пишет, будто ты его заставляешь с собою у правила ежедневно быть; да и у нас перешептывали на меня: никогда такого бесчестья не было, что теперь государь нас выдал митрополитам; молю я тебя, владыка святой, пожалуй, не заставляй его с собою у правила стоять: добро, государь, учить премудра, премудрее будет, а безумному мозолие ему есть... Да Василий Отяев пишет к друзьям своим: лучше бы нам на Новой Земле за Сибирью с князем Иваном Ивановичем Лобановым пропасть, нежели с новгородским митрополитом быть, силою заставляет говеть, но никого силою не заставит Богу верить...»

Никон не боялся и презирал врагов. Некогда интригами заниматься, когда столько дел. В церкви порядка мало, вера в людях пошатнулась, смута началась, а тут еще голод начался. Митрополит раздавал народу хлеб и деньги, отвел на своем владычном дворе особую палату («погребную»), где ежедневно кормили нищих, устроил в Новгороде четыре богадельни для постоянного призрения убогих, испросил у царя средства на их содержание. Несмотря на это, и на то, что Никон после жестокого избияния его бунтовщиками сам просил царя помиловать их, его в Новгороде не любили. Да и как было любить строгого и требовательного митрополита, который удлинит богослужение? «В те времена оно отправлялось нелепо: боялись греха пропустить что-нибудь, но для скорости, разом читали и пели разное, так что слушающим ничего нельзя было понять». /Костомаров/ Никон изменил этот обычай и для благочиния заимствовал киевское пение. Кроме того, он ввел еще одну невидаль — проповеди. Ишь, надумал уму-разуму учить! Алексей Михайлович восторгался певчими митрополита, с которыми тот зимой приезжал в Москву, богослужения же, совершаемые им с большею точностью, отличались торжественностью.

Приехав в 1651 году в столицу, Никон посоветовал царю перенести в Успенский собор из Старицы гроб Иова, из Чудова монастыря — патриарха Гермогена, а также доставить из Соловецкого мощи митрополита Филиппа, тем самым заглавить грех Ивана Грозного перед святителем. В этом уже проявилось его высокое представление о церкви как о руководительнице высших интересов общества. Иова — первый патриарх из русских, не зависимый от греков; Гермоген поднял национальное движение, возродившее русскую государственность; Филипп (его Никон особенно почитал) всенародно обличал и осуждал ужасы опричнины, беззакония и кровопролития, за что был низложен и сослан, а затем задушен Малютой Скуратовым по приказу Ивана Грозного. Потому Никон считал, что светская власть не должна вмешиваться в церковное управление, но церковная власть должна иметь влияние в политических делах. Этим объясняется и его враждебность к гражданской реформе собинного друга, к его Уложению. «Ныне неведомо, кто не постится, — писал он, — во многих местах и до смерти постятся, потому что есть нечего, и нет никого, кто был бы помилован. Нищие, маломощные, слепые, хромые, вдовицы, черницы и чернецы, все об-

ложены тяжкими данями. Нет никого веселящегося в наши дни...» С его точки зрения причина бедственного положения народа в новых порядках, которые шли за Уложением; за них Бог и посылает беды на Русь.

В 1652 году скончался патриарх Иосиф. На духовном соборе выдвинули кандидатуры Никона и его учителя в Макарьевском монастыре иеромонаха Антония. Жребий пал на последнего, но Антоний отказался. Тогда стали просить Никона, который, считая себя недостойным, упорно отказывался. Наконец, в Успенском соборе при большом стечении народа царь, проливая слезы над мощами Святого Филиппа, стал умолять соборного друга принять патриарший сан. Никон согласился на условиях, что пробудет на патриаршестве не более трех лет. 25 июля 1652 года его возвели в сан Патриарха всея Руси.

Никон стал верховным пастырем церкви и главным советником царя. Его политическое влияние возросло до того, что современники готовы были считать его власть даже большей, чем власть царя. Отправляясь на войну, Алексей Михайлович поручил Никону управление всей державой и по праву называл патриарха великим государем, а в указах писал «мы, государи великие всея Руси».

Еще иерусалимский патриарх Паисий обратил внимание царя на разные обрядовые нововведения в русской церкви и особенно порицал двуперстие. Те же замечания сделал и другие греческие духовные особы, посетившие «третий Рим», а на Афоне монахи сожгли богослужебные книги, отпечатанные в Москве, как противные православному чину богослужения. Все это очень встревожило Алексея Михайловича, и за сведениями отправил на восток троицкого келаря Арсения Суханова.

Став патриархом, Никон начал рыться в рукописях патриаршего книгохранилища. Найдя грамоту вселенских патриархов на учреждение патриаршества в Московском государстве, он обратил внимание на слова: «Православная церковь приняла свое совершение... по священному уставу церковных вещей; праведно есть нам истреблять всякую новизну ради церковных ограждений, ибо мы видим, что новины всегда были виною смятений и разлучений в церкви... Все святые озарились от единого Духа и устави́ли полезное; что они анафеме предадут, то и мы проклيناем; что они подвергли низложению, то и мы низлагаем; что они отлучили, то и мы отлучаем: пусть православная великая Россия во всем будет согласна со вселенскими патриархами».

Пересматривая богослужебные книги, патриарх убедился, что они разнятся с греческим текстом, и он убедил царя созвать собор русских иерархов, архимандритов, игуменов и протопопов.

— Надлежит нам исправить как можно лучше все нововведения в церковных чинах, расходящиеся с древними славянскими книгами? — задал им вопрос Никон. — Я прошу решения, как поступать: последовать ли новым московским печатным книгам, в которых от неискусных переводчиков и переписчиков находятя разные несходства и несогласия с древними греческими и славянскими списками, а прямее сказать, ошибки, или же руководствоваться древним, греческим и славянским, так как они оба представляют один и тот же чин и устав?

— Достойно и праведно исправлять, сообразно старым харатейным и греческим спискам, — последовал ответ.

И Никон снова посылает на Афон Суханова просить греческие книги. Тот привез около пятисот, двести прислали восточные патриархи. И правка началась. Кстати, проводя реформу, он ни одного шага не делал без одобрения церковного собора. Именно собор объявил решительную войну двуперстному сложению.

«В ходе церковной реформы Никон не ограничивался только второстепенными вопросами исправления обрядов, — пишет иеромонах Тихон. — Его целью было духовное возвышение Руси и Русской Церкви. Им была востребована великая идея

«Москва — Новый Иерусалим», появившаяся в России в XVI веке одновременно или даже ранее идеи «Москва — третий Рим». Если вторая, более известная, идея выражала мысль о политическом возвышении Руси как единственной наследницы и преемницы православной Византийской империи, то первая отражала надежду на высоту благочестия Святой Руси и определяла Москву как духовную столицу вселенского православия».

Никон энергично взялся за реализацию этой идеи, за создание русской Палестины — Нового Иерусалима, ставшего одним из чудес московского государства. В окрестностях купленного им в 50 верстах от Москвы села Воскресенского он стал воссоздавать топографический облик исторической Палестины: появились Назарет (село Чернеево), Капернаум, горы Елеон, Фавор и Ермон, река Иордан (Истра), Гефсиманский сад, в котором одиноко стоящий величавый 500-летний дуб назван Мамврийским (в XIX веке его сломают буря)...

Но главное место в его грандиозном замысле занимало строительство собора Воскресения Христова по образу храма Гроба Господня на Святой Земле. Иерусалимский патриарх Паисий подарил ему кипарисовую модель этого храма, украшенную перламутром, а Арсений Суханов привез его описания, чертежи и планы. Под руководством «главного архитектора» Никона собор возводили талантливые инженеры — Мокеев, Максимов, Белоусов, Белозер. Бригаду из 32 семей «белорусцев» возглавил «всяких рукодельных хитростей изрядным ремесленным изыскателем» Заборский.

«Русская «копия» иерусалимского храма почти вдвое по высоте, достигавшей 60 метров, должна была превзойти свой первообраз. Общая композиция храма включала подземную церковь, ротонду, колокольню и множество приделов. В сравнении с первообразом собор получился гораздо более сложным. Храм и по замыслу, и по отделке получился доселе не виданным на Руси». /Иеромонах Тихон/

Никон не только наблюдал за работами, он не гнушался подносить кирпичи, собственноручно вырубать лес, копать в болотах ирригационные каналы, пруды вокруг монастыря, сам косил, сам сгребал сено и, конечно же, снабжал братию рыбой, которую ночь ловил. Жил он в своем скиту.

«Находясь в тяжелых условиях опалы, Патриарх Никон своим служением, личным примером и духовной чистотой способствовал в короткий срок превращению своего Нового Иерусалима в центр духовной культуры и творчества. В монастырь Никон перевез свою богатейшую библиотеку и начал подготовку к открытию типографии. Для монастырских работников была открыта школа, в которой обучали грамоте и художественным ремеслам. Под руководством П. Забродина отливались высокохудожественные изразцы, старец Сергей Турчанинов отливал колокола. В обители трудились каменотесы, резчики, иконописцы, переводчики и поэты. Потом, после ссылки Никона, многих ремесленников заберут к царским мастерским. Художники войдут в число помощников Симона Ушакова, а Степан Полубес украсит изразцовым фризом «павлиний глаз» новый Успенский собор Иосифо-Волоколамского монастыря». /Иеромонах Тихон/

Впоследствии на знаменитом соборе, судившем Никона, ему вменяют в вину и Новый Иерусалим, и палестинские названия. Пестрые изразцы назовут «сатанинской прелестью», а уникальный шатер над Кувуклией — Вавилонской башней.

Враги Никона, пользуясь его отсутствием, всячески старались очернить его в глазах Алексея Михайловича. Они твердили, что царской власти уже не слышать, что посланцев патриаршеских боятся больше, что Никон ставит патриаршью власть выше царской, влезает в государственные дела и в градские суды, многих людей обижает, вотчины отнимает, беглых принимает... Алексей Михайлович окончательно поверил этим внушениям.

«Великий собор» церковный 1666—1667 годов с участием Антиохийского и Александрийского патриархов был созван решить дело Никона. Он осудил патриарха, но одобрил его реформу и изрек анафему на тех, кто не примет нововведений. Этой анафемой последователи старой обрядности становились еретиками, и бесформенное еще движение оппозиции превратилось в формальный раскол.

Унизительный для Никона суд вряд ли можно назвать законным, поскольку восточные патриархи не имели права называться этим титулом, поскольку еще до прибытия в Россию они были низложены соборами на их родине. Лишить же сана Никона могли только равные. Какие только обвинения ни посыпались на голову нашего патриарха! Зная его вспыльчивый нрав и резкость выражений в пылу гнева, его нарочно выводили из равновесия нелепыми наветами. Не случайно историк Платонов писал: «Никон, заносчивый, непоследовательный и много погрешивший, — симпатичнее для нас в своем падении, чем греки с своими заботами о царской милости». Местом заточения для низверженного патриарха назначен был Ферапонтов Белозерский монастырь.

В день отправки Никона в заточение москвичи хлынули в Кремль, им сообщили, что его повезут по Сретенке, и когда толпы отхлынули в Китай, повезли по другой дороге.

Большинство верующих продолжали считать его патриархом, и в Ферапонтово потянулись за благословением люди. И в изгнании Никон продолжал снабжать монастырскую трапезную рыбой. Он вырубал с братией лес, завел огороды. На озере, где глубина достигала четырех метров, появился искусственный каменный остров, на котором изгнанник поставил поклонный крест, на котором написал, что монумент сооружен им в заточении «за слово Божие и за Церковь».

Услышав голос, повелевающий ему лечить, Никон выписал и изучил медицинские книги, «Травник». В его келью стали стекаться больные; он говорил над ними молитвы, давал лекарства, которые привозил ему из Москвы находившийся при нем монах Мардарий. В результате, 132 человека были излечены им от разных недугов, среди них — 11 младенцев.

Но здоровье самого Никона из-за издевательств и ужесточения режима резко ухудшалось. 25 декабря 1671 года он отправил к государю письмо: «Христову ради Рождества, прости. Ради всех этих моих вин отвержен я в Ферапонтов монастырь шестой год, а как в келье затворен — тому четвертый год. Теперь я болен, наг и бос, и креста на мне нет третий год, стыдно и в другую келию выйти, где хлебы пекут и кушанье готовят, потому что многие части зазорные не покрыты; со всякой нужды келейной и недостатков оцынял, руки больны, левая не подымается, на глазах бельма от чада и дыма, из зубов кровь идет смердящая, и не терпят ни горячего, ни холодного, ни кислого, ноги пухнут, и потому не могу церковного правила править... Прошу тебя: ослаби ми мало да почию прежде даже не отыиду, прошу еже жити ми в дому Господни во вся дни живота моего». Страдалец просил Алексея Михайловича перевести его в построенные им Воскресенский или Иверский монастырь. Просьба эта осталась без ответа, но царь стал посылать дары и продукты. Как только государь возобновил с узником сношения, положение его в Ферапонтове изменилось: его стали величать великим и святым старцем.

Смерть бывшего собинного друга Никон искренне оплакал.

— Здесь мы с ним не сотворили прощения, и теперь будем судиться в страшное пришествие Господне.

Вместо обещанного восточными патриархами нового собора и восстановления Никона в сане его сослали в Белозерский монастырь «под строжайший надзор». Бояре, боявшиеся его возвращения, вели при малолетнем Федоре Алексеевиче интриги. По

их наущению, в Феропонтово не раз посылались комиссии, чтобы отыскать «измену». Но, как назло, все твердили, что «за Никоном ничего худого не было». Тогда его обвинили в лечении больных и за надпись на кресте. В Белозерске у узника появились новые друзья и собеседники — дикие лебеди и голуби, которые слетались к его келье.

Под влиянием тетки Татьяны Михайловны и воспитателя Симеона Полоцкого юный царь посетил Новый Иерусалим, который привел его в восторг. Федор Алексеевич приказал продолжать строительство, вернул мастеров, наблюдал, чтобы служба велась по заведенному Никоном порядку.

— Если хотите, чтобы мною был возвращен сюда основатель обители патриарх Никон, то напишите мне челобитную, — предложил царь архимандриту и старцам.

Вся братия подписала прошение, но против решения царя выступил патриарх Иоаким, он же скрыл полученное сообщение, что Никон принял схиму с прежним именем, готовясь к смерти, приказал похоронить его, как простого монаха. Обо всем Федор Алексеевич узнал случайно: монахи русской Палестины передали ему полученное прощальное послание. Царь собрал собор, зачитал письмо, и духовенство единодушно высказалось за возвращение Никона. Тут же за ним послали.

Чтобы не усугубить страдания старца, его повезли на лодках. Берега Шексны и Волги запрудил народ — паства прощалась с патриархом. В надежде припасть к его руке, люди бросались в воду. Этот последний водный путь стал триумфом великого государя, реформатора и человека. Вечером 16 августа в древнем Ярославле Никон скончался. В соответствии с завещанием, его последним пристанищем стала русская Палестина. 26 августа шестого Патриарха всея Руси похоронили в Воскресенском соборе, где, по заведенному им порядку, звучали только светлые молитвы, где ежедневно пелось «Христос Воскресе», где каждый день богослужение проходило по праздничному пасхальному чину. В сентябре 1682 года вселенские патриархи восстановили Никона в патриаршем достоинстве.

«Он умел производить громадное нравственное впечатление, — писал Ключевский, — а самолюбивые люди на это не способны. За ожесточение в борьбе его считали злым; но его тяготила всякая вражда, и он легко прощал врагам, если замечал в них желание пойти ему навстречу. С упрямыми врагами Никон был жесток. Но он забывал все при виде людских слез и страданий; благотворительность, помощь слабому или больному ближнему была для него не столько долгом пастырского служения, сколько безотчетным влечением доброй природы. По своим умственным и нравственным силам он был большой делец, желавший и способный делать большие дела, но только большие... Его поведение в 1650 г. с новгородскими бунтовщиками, которым он дал себя избить, чтобы их образумить, потом во время московского мора 1654 г., когда он, в отсутствие царя, вырвал из заразы его семью, обнаруживает в нем редкую отвагу и самообладание; но он легко терялся и выходил из себя от житейской мелочи, ежедневного вздора; минутное впечатление разрасталось в целое настроение... У него была слабость, которой страдают нередко сильные, но мало выдержанные люди: он скучал покоем, не умел терпеливо выжидать; ему постоянно нужна была тревога, увлечение смелую ли мыслью или широким предприятием, даже просто хотя бы ссорой с противным человеком. Это словно парус, который только в бурю бывает самим собой, а в затишье треплется на мачте бесполезной тряпкой».

Впоследствии в благодарность Богу за спасение он построит на Белом море Крестный монастырь. □

иллюстрация
**Льва
Рябинина**

**Андрей
Ивахненко**

Десять миллионов

по шкале Бофорта

Пролог

Самая милая моему сердцу музыка — это свист пули.

И ваши снисходительные ухмылки в сиюминутных обстоятельствах категорически излишни: перед вами, увы, не идиот с претензией на титул супермена. Просто, если вы слышите скользящее по нервам взывание, значит, девять смертоносных граммов пролетают мимо, а это, в свою очередь, означает, что им никогда уже не сделать в вас дырку.

По роду занятий мне, время от времени, приходится задавать себе один и тот же вопрос: «Почему я не воин древней Скандинавии?» Веселье там жили ребята, на смерть шли, как на праздник — с радостью. У меня же, чуть загрохочут выстрелы, сердце опускается ниже низшего предела. И к этому нельзя привыкнуть, это можно только пережить. Если получится, конечно...

Вот и сегодня дежурный вопрос вновь замаячил передо мной. Огромный вопросительный знак, белесый и полупрозрачный, покачивался испуганным лебедем над двумя окровавленными трупами, где-то под дульным срезом вороненого АПС.

В левой руке у меня находился лишь окровавленный нож с широким лезвием. Пистолет валялся всего в шаге, но нагнуться и подобрать его не представлялось возможным: черный глаз «стечкина» продолжал виновато таращиться на свои жертвы, а с сожалением констатировал, что выстрел раздастся уже в следующее мгновение.

Боковым зрением я уловил, как напряглась блондинка слева. По видимому, мысль о грядущем возникла у нас одновременно. Женщина носила замечательное имя — Светлана. И, наверняка, родители Светланы дарили ей это имя не для того, чтобы через два-три десятка лет увидеть свой подарок выбитым на могильной плите.

Я не знал ее родителей, также не имел удовольствия быть представленным самой Светлане, но мне, тем не менее, нужно было закончить то, для чего я сюда приехал, поэтому в последнюю секунду я выронил нож, схватил Светлану за край выреза кофточки и резко потянул на себя, отступая на шаг в сторону. Она оказалась за моей спиной, когда два выстрела слились в один сплошной страшный грохот, потрясший бревенчатые стены дома.

А потом был чудовищной силы удар в грудь, отбросивший меня назад. Тупая боль пронеслась по всему телу, отзываясь эхом в каждой его клеточке, и я почувствовал себя летящим вниз, в черный колодец. В мрачную бездну, которая только что именовалась дулом того самого стечкина...

Сколько я проплавал в ледяной, тошнотворной мгле, сказать затрудняюсь. Но, очевидно, недолго, поскольку, с трудом придя в себя, ощутил резкий запах пороховой гари. Я лежал на спине, на чем-то мягком и податливом. Из-под меня раздавались тихие, протяжные стоны. Светлана, слава Богу, осталась жива.

Я приподнял веки, надо мной склонился мужчина. Встревоженный взгляд выцветших глаз менялся с каждой секундой: увидев, что я жив и здоров, он начал успокаиваться. Левый рукав его рубашки пропитался кровью, в правой был зажат кольт.

Я пошевелился, голос снизу прозвучал глухо и протестующе:

— Может быть, вы с меня все-таки слезете?

Я дал Светлане возможность выползти на свет Божий. Сам с трудом уселся на полу, разорвал на себе рубашку, расстегнул бронезилет. Попытался глубоко вздохнуть, но резкая боль в груди помешала это сделать.

Я тяжело поднялся на ноги.

— Спасибо, Митрич, — проговорил я, кивая на руку старика. — Спасибо. Тебе врач нужен. Есть у вас в деревне фельдшер?

— А зачем он мне? Я сам себе и фельдшер, и хирург.

— Ну, что ж, ни пуха тебе. А нам уже пора. — Я повернулся к Светлане: — Вы достаточно окрепли? До машины дойти сумеете?

— С какой это стати я должна с вами куда-то идти? — возмутилась она. — То, что вы закрыли меня от пули, еще ничего не значит. Кто знает, может, вы в машине ткнете меня чем-нибудь по голове, с трассы съедете и тело в лесу закопаете, чтобы без свидетелей... Вы, вообще-то, кто такой?

— Меня ваш муж попросил разыскать вас. Но об этом и о многом другом — по дороге. Поехали, Светлана Сергеевна. — Я опять посмотрел на Митрича. — Здесь ничего не трогай, оперов я вызову сам. До города отсюда рукой подать, так что приедут они скоренько. Ты им все расскажешь, ну, а я потом твои слова смогу подтвердить. В общем, пожелай нам удачи, что ли?

Он в ответ лишь неопределенно пожал плечами...

В машине Светлана спросила:

— Куда мы едем?

— В городскую прокуратуру. Моя клиентка почти сорок восемь часов просидела на нарах. Через два часа истекает срок ее задержания. Я хочу успеть лично выразить ей свое восхищение и получить благодарность за проделанную работу. А теперь слушаю вас. Начните с самого начала, с того дня, когда впервые увидели Коцюева.

...К концу нашего недолгого путешествия мне была ясна вся картина. Целиком. От и до.

Толкнув массивную дверь, я пропустил женщину вперед, сам двинулся следом. В коридоре, перед кабинетом с фамилией «Дубровин», я указал ей на жесткий деревянный стул:

— Присаживайтесь, позже вас пригласят, — и скрылся в кабинете.

— ...а еще, Виктория Львовна, — услышал я полный сердечности голос, — примите самые искренние извинения. Но вы должны понимать: такова наша работа — подозревать всех и вся. Благодарить же за скорое завершение дела вы должны...

Я откашлялся, две пары глаз усталились на меня в немом изумлении.

— А вот и тот, о ком писали все газеты, — растерянно пробормотал Дубровин и ткнул пальцем в мою сторону. — Его благодарите, Виктория Львовна... Что за вид у тебя, дружок?

Я бросил взгляд в зеркало за дверью. Правую сторону лица покрывала корка запекшейся крови, рубашка разорвана, из-под нее выглядывал расстегнутый бронежилет. Не хватало пистолета наизготовку, но с ним меня просто не пустили бы в здание прокуратуры.

— Долго рассказывать, — ответил я. — Михайлов звонил?

— Звонил.

— Откуда?

— От Гатчина, из ФСБ. Сказал, что там такое, такое! А потом обещал рассказать все при встрече. — Дубровин посмотрел на часы. — Скоро должен подъехать... Ну? Так ты порадуешь нас?

Виктория подошла и осторожно коснулась моей щеки.

— Спасибо вам, Иван Петрович. Если бы не вы, мне пришел бы конец. Я думала, что если еще несколько часов пробуду в камере, то сойду с ума. Спасибо...

— Иван! — продолжал настаивать Дубровин. — Не трави душу. Чем все закончилось, я, глядя на тебя, могу догадаться. А вот с чего началось?

— С картины, — улыбувшись, ответил я.

— Не понял. С какой картины?

Я достал и развернул очередную карамельку. Перевел взгляд на свою клиентку:

— Вот Виктория Львовна знает, с какой...

Глава первая

Май на дворе в то утро свирепствовал. Погода стояла сырая, омерзительный ветер пробирал до костей.

В сторону автомобильной стоянки, где каждое утро дожидалась меня моя «старушка», я двигался не спеша — на работу все равно опоздал. Любочка — мой секретарь и бухгалтер — попытается, конечно, устроить мне разнос, и не слабый, но я за те несколько месяцев, что мы вместе работаем, научился закрывать на это глаза.

Я забрался в машину, запустил двигатель и двинулся в направлении центра, к своему офису.

Предприятие свое — частное сыскное бюро «Надежда» — я открыл семь месяцев тому назад. Я — это Иван Петрович Панин, среднего роста тридцатидвухлетний брюнет с серыми глазами, внушающим уважением подбородком и отлично развитой мускулатурой. Развита, впрочем, до разумных пределов. Мозги мои, разумеется, также всегда при мне, и во многих ситуациях пользуюсь я ими вполне рационально — работа в милиции учит этому всех. За редким, правда, исключением.

В прошлом я — оперуполномоченный отдела уголовного розыска УВД Ясновожска. Проработал на этой должности почти десять лет, занимался делами об убийствах и тяжких повреждениях. Работа захватывала, увлекала, все было великолепно, но однажды произошел срыв. Я не проконсультировался у психиатра, поэтому не могу с уверенностью заявить, являлось ли это нервным срывом, однако в какой-то момент я почувствовал, что устал. Устал от вида трупов, от вида их крови, меня стали приводить в бешенство ночные вызовы к местам происшествий, вызовы к начальству и ежедневные оперативки. Я много раз спрашивал себя: «А не рановато ли это со мной? Мне всего-то тридцать с небольшим. Что происходит?» Я задавал и задавал себе эти вопросы и, в очередной раз не найдя ответа ни на один из них, подал рапорт. Истинную причину своего ухода я, конечно же, не открыл никому. Объяснил лишь, что нашел себе другую, более высокооплачиваемую работу.

Дорога назад была для меня закрыта. Но с каждым днем росло желание окунуться в азарт преследования, проникнуться тем неповторимым состоянием, когда до момента, где будет поставлена последняя точка, остается всего один шаг, а ты не знаешь, что этот шаг тебе сулит. Другими словами, мне снова захотелось не просто прикоснуться к делу, а раствориться в нем без остатка.

Поэтому не удивительно, что я решил открыть собственное детективное бюро. Во многом помогли прежние знакомства, кое-где — в кабинетах повыше — пришлось воспользоваться собственным «talантом» убеждения. И семь месяцев назад первый подъезд дома номер четырнадцать по одной из центральных улиц Ясновожска украсила броская вывеска: «НАДЕЖДА» — розыск пропавших и частные расследования»...

Я достал с заднего сиденья репродукцию в рамке, завернутую в плотную бумагу, и направился к подъезду. В предвкушении очередного клиента покосился на бело-снежный миниатюрный «рено», припаркованный рядом.

Вошел, приготовившись к атаке, и поздоровался:

— Доброе утро, Люба. Что новенького сегодня?

— Здравствуйте, Иван Петрович. У меня — новые счета за телефон и электричество, а у вас — новый клиент.

— Кто он?

— Это — она. — Люба кивнула на дверь моего кабинета. — Некая любознательная особа. За десять минут, проведенных в приемной, она задала миллиона три-четыре вопроса. Ну, например, где я приобрела такой элегантный жакетик, и с какой

целью кресло поставлено в правый угол, а не в левый. Или почему у нас над входом нет видеокамеры.

— О себе что-нибудь сказала?

— Почти ни слова. Единственное, что я узнала о ней, так это, что сеньора снова очень хочет в Пуэрто-Рико.

— Она бывала в Пуэрто-Рико?

— Как выяснилось — нет. Просто вчера она тоже очень сильно туда хотела.

— Да уж, послал Бог подарок! — воскликнул я и спросил, изображая возмущение: — А что она делает в моем кабинете?

— Извините, Иван Петрович. Но она меня так достала, что я отправила ее к вам попить кофе. Ой, а что у вас под мышкой? — она показала на картину в обертке.

— Это, Люба, живопись. Думаешь, почему я опоздал? Заезжал сейчас в магазин, а там очередь за ними! Еле выстоял! Но зато теперь над моим диваном не будет пугающей пустоты. — Я развернул картину, поставил на стол и представил Любочке свое приобретение: — Айвазовский, «Девятый вал». Нравится?

— Умопомрачительно! — Люба, казалось, готова была захлопать в ладоши от восхищения.

— Что ж, пошел работать!

— Идите, идите, Иван Петрович, — елейным голоском прощebetала Любочка. — Вы должны были сказать это еще час назад.

Поспешив пропустить ее ехидную реплику мимо ушей, я в мгновение ока оказался по ту сторону двери.

...На моем диване сидело само совершенство. Не нужно спорить, я кое-что смыслю в женщинах. И если уж я говорю: «На диване сидит совершенство», — значит, так оно и есть. Женщин, подобных той, что находилась передо мной, редко встретишь даже на обложках известнейших мужских изданий.

Одета она была в светло-серый деловой костюм и белую блузку. Никаких украшений, кроме крохотного золотого перстня на безымянном пальце. Волосы цвета сияющей меди с нарочитой небрежностью разбросаны по плечам, в ухоженных руках — чашка остывшего кофе на блюде.

— Вы — частный сыщик? — тотчас спросила она, завидев меня в дверях. — Ну, то есть, я хочу знать, не вы ли тот, кто разыскивает пропавших без вести и все остальное? Так вы или не вы?

Я поставил картину у стены, снял куртку и отрекомендовался:

— Панин Иван Петрович, частный детектив. Прошу вас, присаживайтесь к столу. Еще кофе?

— Нет, благодарю. Теперь я вижу, что вы тот, кто мне нужен: нормальные люди не разгуливают по городу с пистолетами. Я пришла, чтобы поручить вам одно сугубо важное задание. Скажите, вы ко всем заказам относитесь одинаково добросовестно, или ваше усердие зависит от первоначального взноса?

Я открыто улыбнулся.

— Границы моего усердия невозможно обозначить той или иной суммой. Их не может существовать по определению.

— Это просто чудесно! — воскликнула женщина. — Как раз сейчас я немного стеснена в средствах, поэтому буду безмерно благодарна, если вы не возьмете с меня лишнего.

— Люба, — я нажал кнопку селектора на столе. — Принеси, пожалуйста, прейскурант, и Устав предприятия тоже не забудь.

Изумрудные глаза посетительницы выразили недоумение.

— Я могу понять, для чего вы хотите показать мне этот, как его... прејскурант. Но зачем мне ваш Устав?

— А это для того, любезная... Простите, до сих пор не знаю вашего имени-отчества.

— Виктория Львовна Белецкая, — подсказала она, выкладывая на стол визитку.

— Это для того, Виктория Львовна, чтобы вы заранее знали, на что из сказанного вами я имею право наложить гриф: «конфиденциально», а что обязан буду передать компетентным органам. Поэтому вы ознакомьтесь с документом, а я, тем временем, займу себя одним важным делом.

Под «одним важным делом» подразумевалось, конечно же, оформление кабинета.

...Наверное, читала она внимательно, потому что, когда я закончил, не осилила и половины текста. И это при том, что процедура заняла у меня времени много больше, нежели я рассчитывал. Я повесил картину и вернулся на свое место. Белецкая закрыла папку, оглянулась на полотно.

— По-моему, вы криво ее прибили. Вам не кажется?

Я прищурил левый глаз. На мой взгляд, картина висела идеально.

— Нет. А вам?

— А мне кажется... Хотя постоит. Относительно дивана она висит ровно, относительно окна — тоже. А вот с дверью у вас проблемы.

— Ну, не вызывать же мне теперь плотников, чтобы они косяк поправили. Пусть уж висит, как висит.

— И правильно. В мире вообще нет ничего стопроцентного. Возьмите, хотя бы, фруктовый сок. Там пишут, что он стопроцентный, а вы не задумывались, сколько всего...

— Простите, Виктория Львовна. Так какая у вас проблема?

— Я хочу, чтобы вы нашли одного человека. — Она умолкла и вопросительно уставилась на меня.

— Ну, продолжайте, продолжайте. Кто он? Где живет? Когда вышел из дома, и так далее.

Белецкая положила передо мной черно-белую фотографию. На ней был изображен мужчина с тяжелым взглядом холодных глаз. Этот взгляд, осанка и гордая посадка головы говорили о том, что человек знает себе цену и умеет правильно повести себя в неожиданной ситуации.

— Его фамилия Джоев, — сказала Белецкая. — Зовут Тимур.

— Лицо кавказской национальности? — хмыкнул я удивленно.

— Да, осетин. Правда, не похож? У него и акцента почти никакого... Мы познакомились в начале весны, в Нидерландах. Я летала туда за цветами к Восьмому марта...

— Для мамы? — вежливо улыбнулся я.

— Что? Для какой мамы? Ах, нет, конечно! Я же вам не сказала... Я держу сеть цветочных магазинов. «Флёр Шарман», слышали, наверное.

— В голове что-то такое вертится.

— Ну, если говорить честно, у меня их пока всего-то два. Один в пяти кварталах отсюда, на углу Гоголя и Маяковского, а другой — в здании бывшего кинотеатра «Восток». Я там арендую угол... На чем я остановилась? Ах, да, мы с Тимуром познакомились в Нидерландах, почти три месяца назад. Он туда летал по делам своей московской компании. В общем, встретились мы чисто случайно, на улице. Знаете, где? У цветочного киоска. Он с ходу объявил, что я почти точная копия Николь Кидман... Вы, кстати, этого не находите?

В знак согласия я легко наклонил голову.

— Вообще-то, мне многие говорят, что я на нее похожа, — заявила она.

Я принял крайне негодующий вид.

— Какая бестактность с их стороны! Просто возмутительно! Это Николь Кидман похожа на вас, а не наоборот.

Виктория изо всех сил постаралась, чтобы ее благодарная улыбка выглядела максимально застенчивой.

— Мы с Тимуром разговорились, понравились друг другу. Он — ужасно интересный собеседник...

— В смысле, слушать умеет? — не удержался я.

— Да. А как вы догадались? Короче говоря, после той встречи я еще раз пять летала к нему, в Москву. А в последнее наше свидание мы договорились, что теперь он должен приехать ко мне в гости. Тимур позвонил, сказал, когда прилетает, вчера я хотела встретить его в аэропорту, но указанным рейсом он не прилетел. Я...

— Когда он должен был приземлиться?

— В пятнадцать ноль-ноль. Я обратилась к своей старой знакомой — она там всеми кассирами командует, — и Изольда Борисовна сказала, что пассажир Джоев прибыл рейсом раньше, то есть в двенадцать часов. Вы представляете! Ни звонка, ни словечка! Прибыл и растворился.

— Как фамилия этой вашей Изольды Борисовны?

— Круглова. Такая, знаете, строгая дама бальзаковского возраста. Она обычно у себя в кабинете сидит — это на втором этаже, справа от ресторана. Вы сразу найдете, там только одна дверь.

— А чем занимается фирма вашего друга?

— Я понятия не имею, он никогда не говорил. Все бизнес да бизнес, и больше — ни слова.

— И вы ни разу не поинтересовались?

— Да как-то не пришлось.

— Уж не алмазами ли торгует ваш Тимур?

— С чего вы взяли?

Я пожал плечами.

— Просто когда слышишь «Голландия» — в мыслях рисуются две вещи — цветы и бриллианты. Джоев до этого бывал в Ясновожске? Хочу уточнить, знает ли он город?

— Нет, никогда не был. Я обзвонила все гостиницы, но ни в одной из них он не останавливался. И тогда я решила ехать к вам.

— Ясно. Что ж, начну прямо сейчас. Задаток на расходы оплатите у секретаря, она же вам выпишет чек. Ей же сообщите свой домашний адрес. Позвоните, а еще лучше — зайдите, завтра. Всего наилучшего, сударыня...

Глава **вторая**

После ее ухода я еще посидел несколько минут, любясь своим Айвазовским, затем встал и вышел в тесную приемную.

— Деньги получила? Тогда беги, плати по счетам. И мне малость не забудь отстегнуть: бензин почти на нуле, размеры взяток растут, обедать я сегодня, видимо, буду в городе.

— Ой, какая жалость, Иван Петрович! А я пюре с котлетками принесла — ваши любимые. Одна-то я все не осилю.

— Ну, извиняй, подруга, придется постараться. — Я вздохнул. — Всем отвечай, что детектив Панин вряд ли появится сегодня, и будь со мной на связи.

Ясновожский аэропорт расположен в пятидесяти километрах от города, в живописной низине, лежащей меж двух поросших лесом холмов.

Я рассудил, что вряд ли служащие автобусной кассы запомнят лицо одного пассажира среди сотен других. А впрочем, и вариант с автобусом, в конечном итоге, нельзя было сбрасывать со счетов.

Так или иначе, но я подъехал к главному зданию аэровокзала и остановил «старушку» на стоянке такси и частных извозчиков. Прогулочным шагом подошел к группе водителей неподалеку, тронул крайнего из них за локоть.

— Выручай, земляк. Человека ищу.

— Дальше что?

— Как что? Помоги.

Мужик кивнул на стоящего рядом:

— Вот наш бугор, все дела — через него. А моя хата — с краю.

Повернувшись к «бугру», я изобразил на своем лице крайнюю досаду.

— Понимаешь, друг, жена, по ходу, гульнуть решила, а я тут случайно узнал, что хахаль ее вчера прилетел. Выручи, очень прошу.

— А почему мне знать, что ты не с уголовки? Может, ты хорошего человека на нары определить хочешь, а я тебе помогать должен?

— Будь я с уголовки, с тобой в отделе разговаривал бы... Я даже заплатить могу. Сколько нужно?

Голос подал «бомбила», стоявший справа от главного.

— Не-а, кажись, не мент. Менты разве ж платят когда? Я, дружбан, знаю, кого ты ищешь: это, поди, грузин, который почти без акцента шарит. Фотка его у тебя есть?

— Есть. — Я с готовностью открыл портмоне и выталчил фотографию Джексона. — На днях у жены из косметички тиснул.

Извозчик лишь скользнул взглядом по снимку и тут же вернул его мне.

— Отойдем? — взял он меня под локоть. Когда мы уселись в его потрепанную «ауди», спросил: — Сколько отстегнешь?

— Сколько скажешь, столько и отстегну. Как ты узнал, кого я ищу?

— А его уже пасли вчера. Слушай, в общем...

Семен, так звали извозчика, накануне подцепил «грузина» на этой стоянке. Тот сразу приладил к лобовому стеклу миниатюрное зеркальце заднего вида на присоске, а потом попросил покружить немного по городу. И всю дорогу бросал в зеркало настороженные взгляды, словно опасался слежки. Семен, зеркало которого постоянно «настроено на нужную волну», в какой-то момент подметил, что темно-синий «фольксваген-гольф» следует за ними от самого аэропорта и отставать не собирается.

Семен предложил пассажиру сбросить «хвост», но тот подумал и приказал остановиться возле отеля «Республика». Рассчитался, зашел в подъезд, а «гольф», обогнав машину Семена, затормозил впереди, метрах в тридцати. Семен покумекал да смекнул, что клиент обязательно должен вынырнуть черным ходом. Поэтому объехал гостиницу, предварительно продемонстрировав «гольф» обманный маневр, и подкатил к двери, у которой разгружалась продуктовая «Газель». «Грузин» показался через секунду. Он удивился, снова увидев Семена, но тот объяснил гостю, что возит людей, без малого, уже четверть века и иногда может сообразить, что к чему. Тогда тот попросил отвезти его к любой крупной риэлтерской конторе.

Семен выбрал крупнейшую, какую знал, — фирму «Уют», и двинул туда. Когда пассажир отсчитывал деньги, он дал понять Семену, что будет просто великолепно, если Семена больше никогда не увидит. Тон, каким он обратился с этой просьбой к водителю, по-настоящему напугал последнего, поэтому водила быстро пересчитал деньги и уехал.

— Мне-то, конечно, по барабану, но ты бы не связывался с ним, — посоветовал мне Семен, закончив. — Не простой он парень. Железный, я бы сказал.

— Когда «фольксваген» обогнал тебя у гостиницы, ты не заметил, кто сидит за рулем?

— Баба какая-то с белыми волосами.

— С белыми? — непонимающе переспросил я.

— Блондинка она, в общем. Как тебе еще объяснить!

— Понятно. Разглядеть ее, конечно, ты не успел... Ну, а номер машины?

— Запиши. — Семен продиктовал мне номер.

— Не бойся, что твой клиент тебя разыщет и намылит шею за балаболство?

— А мне по барабану! Мы не договаривались, что я должен молчать. У нас был уговор отвязаться от грузина, и только.

— Он осетин, — подсказал я.

— Да не один ли черт! И все-таки, паря, ты бы с ним не связывался, — повторил Семен.

— Почему?

— Не понравился он мне. На бандита, конечно, не похож, но что-то есть в нем такое... как бы это помягче? Нечеловеческое, что ли? Может, он вообще шпион какой-нибудь или разведчик. Черт его знает!

— К какому филиалу «Уюта» ты его отвез?

— Да к самому главному филиалу, — фыркнул Сеня.

Главный офис фирмы «Уют» находился в центре Ясновожска, на улице Вишневского, и располагался на первом этаже недавно отстроенной высотки.

Оказавшись внутри, я потянул на себя дверь ближайшего ко мне кабинета. За столом работала молоденькая девушка. Увидев меня, она улыбнулась, и про себя я сразу предположил, что попала она сюда относительно недавно, потому что улыбка, подаренная вошедшему, была совершенно теплой, совершенно настоящей.

Я поздоровался и присел в кресло у ее стола.

— Я к вам с проблемой, девушка. Помогите найти человека. Я — частный детектив.

— Ой, как интересно! — воскликнула она. — Я думала, они только в сериалах бывают. Он преступник — тот, кого вы ищете?

— Не думаю. Вышел вчера из дома и исчез. Жена места себе не находит, решила ко мне обратиться, потому что милиция его только послезавтра искать начнет. — Я положил перед ней фотографию Джоева. — Вспомните, не заходил ли он вчера?

— Как же, конечно, заходил. Такой воспитанный мужчина... А вот жена его мне не понравилась.

Я попытался мгновенно переварить только что услышанное.

— Подождите-ка. Вы видели его жену?

— Нет, конечно. Жена мне заочно не понравилась, потому что она не в восторге от нашего агентства.

— Ну-ка, ну-ка, весьма любопытно. Не расскажете, в чем тут фокус?

— Этот человек пришел вчера и попросил подобрать ему адреса и телефоны агентств недвижимости, находящихся поблизости. Только поставил условие, чтобы эти фирмы не оказались филиалами нашей. Уж как он извинялся, что заставляет меня работать на конкурентов! Винил во всем свою супругу. Она, дескать, неизвестно, по каким причинам, не хочет иметь с «Уютом» ничего общего. В общем, дала я ему несколько адресов, он поблагодарил и ушел.

— А мне вы не могли бы дать те же самые адреса? Я был бы вам неизмеримо признателен. И еще телефоны «Уюта» и ваших филиалов. Кстати, а этот посетитель интересовался номером вашего телефона?

— Да, — ответила девушка. — Странно, правда? Хочет обращаться в другую компанию, а номер наш просит. Ну, дала я ему телефоны, жалко, что ли? Вот адреса, возьмите, пожалуйста. — Она положила на стол компьютерную распечатку всех фирм-конкурентов. — И наши телефоны.

— Скажите, о нем еще спрашивал кто-нибудь?

Она отрицательно покачала головой.

— А странного ничего вы вчера не заметили? Может, были у вас какие-то необычные посетители?

Девушка ненадолго задумалась, потом кивнула.

— Точно, заходила дама. Не вчера, а сегодня утром... Вам это интересно?

— Продолжайте.

— Так вот... Вся из себя, надменная такая. Минут сорок у меня отняла, то этот вариант ей не по нраву, то другой подавай. В общем, просидела она здесь минут сорок пять, потом встала, сказала «до свидания» и ушла. Зачем, спрашивается, приходила?

— Вы не могли бы сказать, как она выглядит?

— Высокая, стройная, темноволосая. Косметикой не пользуется абсолютно. Одета в светлый плащ из дорогого бутика...

— Вас, барышня, ко мне бы в штат! — польстил я. — Да на самую высокую ставку... Но почему вы замолчали?

— Знаете, я сейчас начала ее описывать и поймала себя на мысли, что уже где-то с ней встречалась. Не здесь — это точно. Никак не могу вспомнить, но лицо очень знакомое. Я как будто с ней даже общалась, как сейчас с вами... Ну, все, — она недовольно надула губки, — теперь не усну, пока не вспомню. Вот и помогай после этого людям!

— Знаете, что? Вот вам визитка, и как только вспомните, где видели надменную матрону, сразу дайте мне знать. Мой телефон включен постоянно.

Трогая с места машину, я рассуждал следующим образом: Джоев города не знает, шляться по улицам ему не резон, раз кто-то висит на хвосте и может засечь свой объект в любую минуту. Поэтому самый оптимальный для Джоева вариант — это пустить хвост по ложному следу. То есть явиться в «Уют», громко попросить адреса фирм-конкурентов, а самому, тем временем, молча выбрать из списка, висящего на стене, адрес ближайшего филиала «Уюта». Как узнать, какой филиал расположен ближе всех? Да очень просто: по первым цифрам телефонного номера. Для чего еще, спрашивается, он интересовался их телефоном! Потом ему осталось только позвонить в филиал и узнать, как до них можно добраться.

По-моему, так. А варианты будем перебирать потом, если окажется, что это предположение ложное.

Я достал мобильный, набрал нужный номер. Когда там ответили, я, изменив голос, попросил:

— Капитана Панина, будьте любезны.

— А вы куда звоните, мужчина? Это риэлтерская компания «Уют плюс», и у нас такие не работают.

— Я знаю. Вас беспокоит следователь городской прокуратуры Дубровин Сергей Валерьевич. Пятьдесят минут назад к вам выехал сотрудник уголовного розыска капитан Панин. Я хотел бы дать ему дополнительные указания.

— Не поняла, — в наушнике трубки зазвенело неподдельное удивление. — Что случилось? Прокуратура, милиция...

— Убийство случилось, преступника ищем. Все остальное узнаете от Панина. Передайте, чтобы сразу позвонил мне, когда будет у вас... С кем я разговаривал, простите?

— Рязанова Людмила Прокопьевна, заместитель по общим вопросам. А когда он придет?

— Уже давно должен был. Всего хорошего, Людмила Прокопьевна, — и я отсоединился от линии.

Офис «Уюта плюс» представлял собой тесный коридор, из которого в кабинеты вели две двери. На одной висела табличка «Управляющий», на другой — «Заместитель управляющего». Усмехнувшись, я толкнул последнюю.

— Простите, что отрываю, но я из милиции. Нужно задать вам несколько вопросов. Вот мое удостоверение...

— Вы капитан Панин? — перебила меня Рязанова.

— Да. Как вы догадались?

— Вас просили позвонить прокурору Дубровину, когда появитесь.

— Спасибо. — Я протянул ей фотографию Джоева. — Посмотрите внимательно, этот человек был у вас вчера?

— Был. Снял квартиру. Это его убили?

— Нет. Скорее всего, что это он убил. Женщину — свою любовницу. Убийство совершено в Москве, а вчера он прилетел в Ясновожск, чтобы замести следы. Мы точно знаем, что в нашем городе он не был ни разу, что у него нет здесь никаких связей, поэтому логично было предположить, что он снимет квартиру. И вот я у вас, чтобы получить адрес.

— Скажите, какой негодяй! И ведь ни за что не подумаешь — такой с виду интеллигентный мужчина... А адрес я вам сейчас запишу. — Людмила достала из подставки карандаш и листок бумаги.

— Какой при нем был багаж?

— Только спортивная сумка.

— Им вчера или сегодня кто-нибудь интересовался?

— Да. Я как раз хотела вам рассказать. Сегодня утром приходила его жена. Сказала, что подозревает мужа в измене. У нее был такой вид, будто вот-вот расплачет-ся. Я ее пожалела и в обход всех правил сказала, какую квартиру этот негодяй снял. А теперь я почти уверена, что она никакая ему не жена.

— Почему?

— Не помчится же супруга за ним из Москвы! Вы ведь сами сказали, что он в Москве любовницу убил.

— Гм, в ваших суждениях присутствует некая логика.

— Это потому, что я детективные сериалы обожаю смотреть...

— Простите, как, вы говорите, выглядела эта женщина?

Людмила на секунду задумалась.

— Одета хорошо, со вкусом, волосы темные, до плеч...

— Она называла вам фамилию мужчины? Я хочу узнать, как вы догадались, о ком идет речь?

— Нет, не называла. Вошла, прямо с порога спросила: «Мой муж к вам не заходил?», — и сразу его описала, обстоятельно так. Я уточнила: «Тимур Джоев?», и женщина кивнула головой.

— Спасибо, что уделили мне время. Будьте любезны, вашу визитную карточку, на всякий случай. — Я попрощался и вышел из конторы.

Глава третья

Хвост за собой я заметил минут через десять. Успел проскочить на зеленый и в зеркальце увидел, как бежевая «пятерка», в нарушение всех ПДД, выскочила на перекресток и чуть ли не уткнулась в мой задний бампер. Через секунду, правда, водитель «Жигулей» сбросил газ, но всю дорогу не отставал от меня далее, чем на две-три машины.

Я достал телефон, позвонил на мобильный своему старинному приятелю.

— Подполковник Брисеньков? Здравствуй, Володя Панин беспокоит.

— Ох! — выдохнула трубка. — Кого я слышу! Самого товарища... большой пардон, самого господина Панина — виртуоза частных дознаний. Как дела, коммерсант?

— Плохо, Вова, хвост за мной. Уже второй день никак не отвяжется. Пробил бы ты номерки по старой дружбе, а?

— Почему номерки? Разве он не один?

— Они, черти, за мной по очереди мотаются. Это прямо как прием-передача валюты. Бежевая «пятерка», — я еще раз бросил взгляд в зеркальце и сообщил Брисенькову номер, — и темно-синий «фольксваген-гольф», — быстро достав блокнот, я продиктовал ему номер, который называл мне Семен. — Выручишь?

— Прости, Ваня, быстро не обещаю. Знаешь, где ты меня застал? Ванну я принимаю, в отпуске сейчас. Завтра с утра тебя устроит?

— А, например, сегодня вечером — никак?

— Ну, ты борзеешь, плесень! — добродушно рассмеялся Брисеньков. — Сегодня не получится, Ванек, извини. Завтра у меня первый рабочий день, и с утра я тебе позвоню. Ты ведь не думаешь, что они мотаются за тобой два дня для того, чтобы убить?

— Вряд ли. Хотели бы убить — убили бы сразу.

— Ну, тогда отбой, капитан?

— Отбой, Володя.

Я остановился в зоне действия знака «Остановка запрещена». Включил аварийные огни, вышел из машины, поднял капот. Для виду озабоченно почесал макушку. «Жигули» промчались мимо и свернули на следующем повороте. Разглядеть что-либо в салоне «пятерки» не удалось, поскольку стекла ее были густо тонированы.

Исходя из краткой цепи размышлений, я пришел к выводу, что мои филеры объедут квартал, а через несколько минут снова окажутся позади меня. Поэтому я мгновенно захлопнул капот, прыгнул за руль и тут же нырнул в ближайшую подворотню. Уже через четверть часа я выезжал на широкий проспект, где аккуратно, не нарушая правил, влился в мощный автомобильный поток.

После я затратил немало времени, прежде чем, собрав на своем пути невероятное количество светофоров и пробок, прибыл по адресу, который получил в фирме «Уют плюс»...

...Это был обыкновенный городской двор. Во дворе — привычная картина: лавочки у подъездов, детская площадка, столик для игры в домино, на лавочках — старушки, на качелях — дошколята, за столиком — мужики. Мужики «соображают».

Звонить в квартиру и показывать себя своему объекту я не стал. Решил стоять здесь и дожидаться, когда он выйдет из дома. Должен же он выйти оттуда, рано или поздно! В магазин, например, или мусор выбросить...

...Ждать пришлось несколько часов, и мне порядком это надоело. Но когда родители стали из окон звать своих чад по домам, а мужики, изрядно набравшись, осводили столик, я, наконец, увидел Джоева. Он вышел из подъезда, легкой, уверенной походкой миновал двор и скрылся за углом. Направлялся он, по всей видимости, в магазин, так как в руке у него развевался на ветру пустой полиэтиленовый пакет.

Мне здесь больше нечего было делать. Задание Белецкой выполнено. Я облегченно вздохнул и направил колеса машины к дому своей клиентки.

Ничего подозрительного, наподобие темно-синего «гольфа» или бежевых «Жигулей», в глаза мне не бросилось. Метрах в полста от моей «старушки» остановилась лишь красная «восмерка» с темноволосой женщиной за рулем, но мало ли брюнеток разъезжает в трехдверных «Ладах» красного цвета?

Я остановил машину в парковочном кармане и не спеша двинулся к подъезду. Надо было отчитаться перед Белецкой и получить... Нет, не остаток гонорара. Я рассчитывал получить от нее кое-какие сведения. Ну, например, кто была эта дама, следившая за Джоевым, и почему Белецкая?

Бежевая «пятерка» догнала меня у самого подъезда, угрожающе взвизгнула тормозами. Задняя дверца распахнулась прямо передо мной, не позволив сделать дальше ни шагу. Дюжий молодец с каменным выражением лица угрюмо улыбнулся и поманил меня зажатой в руке «ТТ».

— Садись в машину, мусор. Разговаривать будем.

— А если не сяду?

— Тогда, пес, будешь разговаривать с моей «Таткой», — он потряс пистолетом для наглядности.

Зловещая улыбка бандита, его габариты и пистолет в руке-кувалде могли бы внушить ужас кому угодно, но только не мне. Мне они внушили животный страх. Вам никогда не направляли ствол в солнечное сплетение? Ощущение, признаюсь, не из приятных. У меня, например, в таких ситуациях мгновенно начинает сводить низ живота, отчего сразу возникает желание присесть на корточки. Вот только сделать это, как правило, никогда не удается. И сегодня я справедливо рассудил, что если нельзя присесть на корточки, то нужно присесть хотя бы на сиденье. Тем более, предложение уже поступило, и неважно, в какой манере оно было подано.

Я забрался в машину, где спереди сидели еще два человека. Верзила с пистолетом подвинулся, освобождая мне место. Пистолет он не убрал, тот все еще находился в его руке. Первый холодок по моей спине уже пробежал и исчез, оставив лишь неприятные воспоминания, и теперь я обратил внимание на то, как детина держит свой пистолет: неуверенно. Так, словно парню первый раз пришлось взять в руки оружие. Бандит подвинулся еще, ствол качнулся левее, в сторону сидевшего на переднем сиденье, и в этот момент я, что было силы, хлопнул дверцей.

Дюжий молодец рядом от неожиданности вздрогнул, в салоне прогремел выстрел. Пуля, выпущенная из «ТТ», вошла в голову за ухом впереди сидящего бандита, и кровь брызнула на боковое и переднее стекла, на приборную доску, на крышку.

В то мгновение, когда раздался выстрел, я собрался провести своему визави короткий прием самбо, дабы завладеть оружием.левой рукой я схватил его за запястье, но пальцы, сжимавшие рукоятку, неожиданно разжались, и его «Татка» упала мне в ладонь. Бандит лежал, откинув голову на спинку сиденья. Признаков жизни он не подавал.

Водитель не стал дожидаться продолжения представления. Услышав над своим ухом грохот выстрела, он выскочил из машины и пустился наутек. Когда я вылез наружу, парень находился шагах в пятнадцати от «Жигулей».

Я крикнул: «Стой! Буду стрелять!» Бандит проигнорировал мое предупреждение. Проигнорировав также второе и третье, он уже собирался скрыться за углом, когда я два раза выстрелил в воздух. На этот последний сигнал бандит тоже никак не отреагировал. Мне пришлось тщательнее прицеливаться ему в ногу и нажать на спуск. Снова раздался выстрел — четвертый за сегодняшний вечер, и парень упал. Даже

падая, по инерции он продолжал энергично работать руками. А когда движение рук прекратилось, до меня отчетливо донеслись его громкие, надсадные стоны.

Нагнувшись, я заглянул в салон. Амбал, приглашавший составить им компанию, все еще изображал из себя покойника. Плюнув на такое дело, я побежал к тому, что корчился на земле. Приблизившись, склонился над ним.

— Ты зачем в меня стрелял, идиот? — завопил парень. — Что я тебе сделал? Я развел руками.

— Ничего. Ты просто не остановился. А теперь отвечай: зачем я вам понадобился?

— Кто? Ты? — взвизгнул паренек. — Да на кой ты мне сдался, придурок! Я вообще бомблю, понял? Этих уродов сегодня утром недалеко отсюда подобрал и катал целый день. Обещали хорошо заплатить, ублюдки... Как же, дожدهшься сейчас от них платы! Один — труп, другой, поди, тоже. Второго-то ты хоть не застрелил?

— Нет, — пробормотал я, переваривая услышанное. — Он просто притворяется зачем-то... Знаешь, что? — Я быстро осмотрел поврежденную ногу. — Давай-ка тебя перевяжу. Пуля прошла навывлет, но кровотечение надо остановить. Аптечка у тебя в машине есть?

— Есть. Только я туда больше не сяду. Там же в крови все!

— А мы в мою машину пойдем. У меня, к стати, тоже есть аптечка...

Пока мы возились с перевязкой и дожидались прибытия медиков и милиции, парень — звали его Артем — кое-что рассказал.

Бандиты проголосовали ему утром и зафрахтовали «пятерку» на целый день с почасовой оплатой. В этом дворе Артем сел на хвост белому «рено», который привел «пятерку» к моему офису. После того, как «рено» уехал, главный — тот, что сидел впереди, — приказал Артему дожидаться меня. Когда я появился, Артем присосался ко мне и водил повсюду, куда я наведывался, а бандиты только фиксировали адреса: аэропорт, «Уют», «Уют плюс».

Когда они меня потеряли, главный приказал двигать в аэропорт. Там он долго разговаривал с Семеном и позже передал этот разговор второму бандиту. Они приняли решение прокатиться по остальным адресам, где уже побывал я, но тогда главный приказал двигать сюда, в этот двор. Заехав, они увидели меня, и через минуту случилось то, что случилось.

— Пока ты катал их, они звонили кому-нибудь? — спросил я, завязав последний узелок. — Докладывали, как продвигается дело?

— Нет. Главный все порывался, да у него трубка из строя вышла. Решили, что вечером, при встрече расскажет.

— А кому? Имя он называл?

— Ага. Какому-то Клопу. По всему видать, Клоп этот — крутой мужик. Очень крутой.

— С чего ты взял?

— Ну, главный сказал, что если они сегодня наломают дров, то этот Клоп долго церемониться не станет. Прихлопнет сначала их, а потом и меня.

— А тебя-то за что?

Артем пожал плечами.

— Не знаю. Главный сказал, что так, для коллекции.

Я вопросительно смотрел на человека в штатском, который представился мне как майор Михайлов.

— Еще что-нибудь? — любезно осведомился я.

— Кто может подтвердить ваши слова?

— Водитель «пятерки». — Я кивнул на Артема, которого в этот момент укладывали на носилки. — Подтвердишь, Артем?

— Да я уже рассказал! Все, от и до. Чего им еще надо?

— Он рассказал только, как первый бандит застрелил второго, — напомнил мне майор. — А что вы сделали с первым, Панин?

— Ни-че-го! Я ничего с ним не делал. Всего лишь отобрал оружие, чтобы иметь возможность диктовать условия... А что с ним?

— Что с ним? — переспросил майор подошедшего медэксперта.

— Мертв, — коротко бросил тот.

— А дальше?

— Дальше его похоронят, наверное... Тебе причина смерти нужна? Необычная у него причина. Я бы сказал: редкая. По всем внешним признакам — внезапная остановка сердца. Похоже, кто-то здорово напугал парня перед смертью, только и всего. Подошел Дубровин.

— Ну? Кто это такие, Пан?

— Я их в первый раз вижу. Они пасли меня сегодня с самого утра. Зачем — не знаю. Из рассказа водителя следует, что ребята ходили под Клопом. Не забыл еще такого?

— Хлопоненко, что ли? — брезгливо поморщился Дубровин. — Неужели под ним может кто-то ходить? Пять лет назад, когда ты его брал и колол, а я — крутил дальше, он был ноль без палочки.

— Это пять лет назад было. А теперь он — в модном пальто, да на крутом авто. Чего же ты хотел, Дуб? Растет молодежь.

Дубровин мягко взял меня за локоть и тихо попросил:

— А теперь, уважаемый отечественный детектив, ответьте нам с товарищем майором Михайловым на один единственный вопрос: что вы делали в этом дворе, а?

Я только фыркнул в ответ.

— Вот скажи мне, юстиция, у частных сыщиков может быть немного личной жизни или нет? К даме я приехал. Время проводить. Еще вопросы есть? Тогда, Михайлов, верните, пожалуйста, мои документы, и спокойного вам дежурства... товарищи.

Глава четвертая

...Рыжие волосы в этот раз были аккуратно зачесаны назад и забраны в хвост. Два больших смарагда под тончайшими крыльями бровей смотрели на меня с удивлением и некоторым, я бы сказал, испугом.

— Вы? — воскликнула Виктория, открыв дверь. — Что же вы не позвонили? Я не могу встречать мужчину в дезабилье! Проходите в зал, — сказала она, распахивая шире дверь. — Не чувствуйте себя гостем. Я буду через секунду. — И с этими словами развернулась и исчезла за дверью спальни.

Я прошел в гостиную, осмотрелся. Типичное гнездышко незамужней женщины. На полочке книжного шкафа, почти сплошь заставленного дамскими романами, я заметил несколько книг по цветоводству.

Виктория появилась через пару минут. Ее дезабилье никуда не исчезло, лишь чуточку изменило свой вид. Волосы снова были разбросаны по плечам, губы — на скорую руку подкрашены, ноги открыты в босоножки без задников, халатик она и не думала переодевать. Виктория открыла створку серванта, достала оттуда два фужера, потянулась за бутылкой вина.

— У нас во дворе сегодня весь вечер шла война. Похоже, опять бандиты что-то не поделили. Выстрелы, взрывы, пистолеты, автоматы! Просто кошмар, Иван Петрович!

Я едва заметно усмехнулся.

— Сколько вы успели насчитать автоматов?

— А я вообще к окну не подходила. Что я, ненормальная, по-вашему? Третий этаж у меня, а вдруг шальная пуля! Я вот здесь, на диване сидела и просто слушала. Часа полтора, наверное, перестрелка длилась. Ужас! «Мартини»?

— С удовольствием бы, но нельзя: за рулем... Виктория Львовна, кто такой Тимур Джоев?

— Я ведь вам говорила уже. Тимур — мой любовник. Ну, не любовник, конечно, — я ведь еще не замужем. Только собираюсь... Ну, что вы так на меня смотрите! Могут же быть у женщины маленькие секретные приключения. Я боюсь только одного: что Стас узнает о существовании Тимура. Для него это будет большим ударом.

— Для кого? Для Стаса?

— Конечно! Вы знаете, какой он порядочный!

— А кто он, если не секрет?

— Не секрет, он адвокат по уголовным делам.

— Успешный?

Она, словно извиняясь, надула губки.

— Ну, пока он выиграл всего одно дело. Правда, потом четыре проиграл... Но у него еще все впереди, он ужасно трудолюбив и настойчив.

— Маловато у вашего жениха практики.

— А чего же вы хотели! Он только два месяца назад диплом защитил.

— Стас младше вас?

— Да, на семь лет. Но для меня эта разница никакого значения не имеет. Вы знаете, как он меня любит! Я даже иногда виноватой себя чувствую перед ним за то, что иногда приходится свой девичий досуг разнообразить... Но почему вы вдруг спросили, кто такой Тимур? Вы его уже разыскали?

— Разыскал, Виктория Львовна.

— Ой, как здорово! Давайте скорее его адрес...

— За ним весь день вчера кто-то следил.

— Кто? — Выражение лица ее мгновенно переменялось. — Для чего следили?

— Не знаю. Какая-то женщина, светловолосая, с короткой стрижкой. Ездит на темно-синем «фольксвагене». Вам это описание ни о чем не говорит?

— Абсолютно ни о чем. Вы сами ее видели?

— Нет, к сожалению. И еще, она тоже смогла выяснить адрес вашего Тимура.

— Наверное, это какая-нибудь из его бывших женщин, — медленно проговорила Виктория. — Ничего удивительного — с его-то внешностью!

— Вы, помнится, говорили мне, что Джоев никогда не бывал в Ясновожске.

— Насколько мне известно — ни разу. А почему вы вспомнили об этом?

— «Фольксваген» зарегистрирован в нашем регионе.

— Значит, он просто врал мне, когда говорил, что ни разу сюда не приезжал. Завтра я это выясню. Дайте мне его адрес, Иван Петрович, пожалуйста... Ой, знаете, а заплатить вам мне сейчас нечем. Нужно отправляться в банк. Вы сможете подождать до утра?

— Конечно. Если меня не будет, секретарь все устроит. Записывайте адрес Джоева...

Дома меня ждал холостяцкий душ, холостяцкий ужин, словом, холостяцкий вечер. Допив чай, я прошел в комнату, упал на низкую тахту, включил телевизор и замер, глядя на экран.

Ведущий программы «Человек и закон» подавал занимательную историю.

Суть ее сводилась к тому, что две недели назад, в Москве, по дороге в аэропорт, неизвестными был ограблен грузовик Гохрана, перевозивший бриллианты стоимостью в десять миллионов долларов. Тщательно спланированная операция была успешно проведена: охранники убиты, груз похищен. Нашлись свидетели, которые видели нападавших, но ни один очевидец не смог бы опознать преступников — те были в масках. Скрылись грабители на невзрачном фургоне какой-то зарубежной марки. На этом первая часть истории заканчивалась.

Вторая — начиналась с того, что в одной из квартир обычной московской девятиэтажки неделю назад были обнаружены разлагавшиеся трупы пятерых мужчин. Соседи почувствовали сильный запах гниения из квартиры, которая очень часто сдавалась внаем. Вызвали милицию, взломали дверь, а там — пять тел со следами пулевых ранений.

Позже следствием было достоверно установлено, что убийстве и есть грабители, совершившие налет на грузовик Гохрана. Но самих камней при обыске квартиры обнаружено, естественно, не было.

В заключение ведущий сообщил, что, из недостоверного источника, журналистам удалось выяснить, будто следы этих преступлений ведут на Северный Кавказ, к ближайшему окружению некоего Ахмада Чермоева — руководителя одного из чеченских бандформирований, погибшего четыре года назад во время налета наших штурмовиков.

Абдуллаев стоял в коридоре фирмы «Уют плюс», слушая, о чем разговаривают за приоткрытой дверью управляющего.

Говорила женщина.

— Доконали меня эти проверки. Устала я. Неужели в главном офисе не знают слова «отдых»? Ведь каждый месяц отчеты требуют. Каждый месяц!

— Эх, Людмила Прокопьевна, начальство всегда располагает, — успокаивающе произнес мужской голос. — Но на сегодня мы свою работу закончили, можно смело идти по домам. Сами сдадите здесь все под охрану?

— Что за вопрос! Конечно, сдам.

— Вот и хорошо. А мне пора бежать. Время-то уже... Ай-ай-ай, Людмила Прокопьевна, ну и засиделись мы с вами сегодня!

Абдуллаев услышал, как открылся шкаф, как мужчина стал надевать верхнюю одежду. Бандит ужом проскользнул в санузел и затаился, дожидаясь, когда работники разойдутся по домам. Он нисколько не опасался, что кто-нибудь может зайти в туалет и обнаружить его. В этом случае он просто убьет их обоих, запрет изнутри входную дверь и сделает то, для чего сюда явился.

Ждал он недолго. Когда все ушли, он проследовал в кабинет управляющего, поколдовав предварительно над несложным замком, и уселся за компьютер. Ему были нужны все посетители отделения фирмы за вчерашний день. Они с Русланом потеряли женщину именно здесь, через несколько минут после того, как она вышла из дверей офиса, села в красную «восьмерку», на которую сменила свой «гольф», и на бешеной скорости успела проскочить зеленый светофор.

Увидели они ее вчера в аэропорту, когда прилетели. Увидели чисто случайно, а потом Руслан обратил внимание, что она следует по пятам за каким-то мужчиной. Руслан в тот момент чуть не подпрыгнул и резко толкнул его, Абдуллаева, в бок. «Узнаешь?» — спросил он у напарника и кивнул на объект слежки. Абдуллаев ответил отрицательно, а Чермоев, щелкнув пальцами, воскликнул: «Ты не на лицо смотри. Ты на походку смотри, на повадки смотри. Видишь, как шей дергает! Он это! Он это, Фамиль, и она за ним следит. Оба сразу, как на подносе, да?»

Далее они прицепились к «фольксвагену», который вел белую «ауди», но потом «ауди» потерялась. Продолжая слежку за «гольфом», они намотали по городу не

одну сотню километров, и вот сегодня потеряли и эту тетку, после того, как она побывала здесь. Ну, а раз она побывала здесь, значит, и Коцюев тоже сюда наведывался, а поэтому в компьютере должны содержаться все его новые данные вместе с адресом, по которому он сейчас находится.

Есть! Джоев Тимур Томазович. Теперь не оставалось никаких сомнений: мужчина, которого они видели в аэропорту, — Коцюев. Абдуллаев помнил этот паспорт, он сам однажды доставил его в лагерь вместе с дюжиной других фальшивых документов. А вот и адрес снятой квартиры. Все просто, как в русских анекдотах!

Абдуллаев быстро переписал данные на листок бумаги, который вытащил из подставки на столе, и снова притик к монитору. Теперь предстояла самая опасная фаза операции: ему нужно было вторгнуться в систему министерства внутренних дел, войти в их базу данных. Там, естественно, подобные попытки тщательно отслеживаются, и группа захвата приборет сюда уже через несколько минут. Но взломать защитные файлы просто необходимо: им с Русланом нужен адрес человека, который сегодня во время сделки по купле-продаже оружия уехал с места встречи.

Несколько минут ушло у Абдуллаева, чтобы закончить начатое. Все адреса лежали в кармане, компьютер Абдуллаев выключать не стал. Он уже собирался уходить, когда взгляд его упал на предмет, забытый, по всей видимости, хозяином кабинета. На краешке стола лежал электрошокер. Бандит взял его в руку, и выражение его лица стало таким же, какое бывает у хирурга, когда тому вместо скальпеля предлагают воспользоваться кухонным ножом. Но сегодня, здесь, в этом проклятом городе, у него, Абдуллаева, не было под рукой необходимого оборудования, а поэтому согдится и электрошокер.

Проверив прибор на предмет работоспособности, он быстрым шагом покинул офис тем же путем, каким и входил туда — через парадную дверь.

Чермоев с помощниками ждали его на лавке, во дворе соседнего дома. Абдуллаев подошел, присел рядом.

— Все сделал, — отчитался он. — Адреса у меня, можно идти.

— Подожди, сначала займемся номерами. Помнишь последний двор, в который мы заезжали перед стрелкой?

— Да.

— Адрес не забыл?

— Нет.

— Давай поймаем тачку...

Когда бандиты прибыли на место, небо на востоке начинало бледнеть. Они отпустили такси и проследовали в дальний конец двора, где, накрытая брезентовым чехлом, приютилась «Волга». Чермоев приподнял край брезента, удовлетворенно цокнул языком: номерной знак находился на месте. Он бросил взгляд на колеса. Увиденное также его полностью устроило: шины были спущены почти до основания, диски основательно проржавели. Этой машиной не пользовались уже, как минимум, с прошлого года, а значит, и пропажу номеров хозяин обнаружит не сразу.

Чермоев весело улыбнулся, повернулся к своим подручным.

— Вы двое — на шухер, ты, Фамиль, — к багажнику, — распорядился он. — Ключи, пассатижи с собой? За дело!

На всю работу они затратили не более пяти минут. Убирая жестянку с номером «Волги» назад, за брючный ремень, Чермоев спросил:

— Где будем брать машину?

— Я видел одну, пока сюда ехали. Черная «девяносто девятая», стоит на неохраняемой парковке, кварталах в трех отсюда. Пешком дойдем?

— Сейчас пойдем, подожди. — Чермоев повернулся к двум другим бандитам и сказал им несколько слов. Те молча кивнули и зашагали прочь.

— Куда ты их? — спросил Абдуллаев.

— Домой отправил. Зачем такую толпу делать? Ночь, а у нас номера с собой. Не хочу пока ментов... Пошли, Фамиль.

Расстояние в несколько кварталов они проделали не торопясь, стараясь избежать центральных улиц. Когда оказались на месте, Абдуллаев рукой указал на автомобиль, стоявший метрах в пятидесяти.

— Вот она. Моделей такого цвета в городе — миллион, я сегодня обратил внимание. Что, сделаем?

— Ты посмотри, у какого учреждения она стоит, — с сомнением проговорил Чермоев. — Хозяин, наверное, на дежурстве. Видишь, окно светится?

— Да, вижу. А если это — хозяин, то и его вижу. Подождем, пока он из кабинета выйдет, и сделаем... Руслан, сколько лет мы вместе? Мы когда-нибудь пропали с тобой? И сейчас все получится. Видит Аллах — за святое дело стараемся!

Дождавшись нужного момента, Абдуллаев открыто подошел к автомобилю, представил электрошокер к колесному диску и нажал кнопку активизации устройства. Послышалось характерное потрескивание, в машине что-то щелкнуло. Бандит поднял голову и едва не рассмеялся: дверные замки «девяносто девятой» открылись. Он был опытным электронщиком и прекрасно понимал, что при замыкании на корпус может сгореть не только система сигнализации, а вообще вся электропроводка. Но у них не было другого выбора, и если бы машина вышла из строя, они отыскали бы вторую, третью и так далее, пока этот метод угонщиков-дилетантов не дал бы нужного результата.

— Куда сейчас? — спросил Абдуллаев. Они уже поменяли номера на автомобиле и теперь двигались по направлению от центра города.

— Домой, Фамиль. На карте, которую мы вчера купили, нет нужной улицы. И спросить не у кого, все спят. Утром поедем, попробуем его враспloch застать. Хотя враспloch его застать пока никому не удавалось.

Абдуллаев молча кивнул и повернул направо у ближайшего светофора...

Глава **пятая**

На работу следующим утром я опять опоздал. Чтобы понять это, не нужно было смотреть на часы. Оказалось достаточным поймать на себе взгляд огромных синих глаз, холодных, как две луны, и мне сразу стало ясно, что я снова провинился. Я сконфуженно поздоровался, выложил на стол клубничный «чупс».

— На вашем диване опять пьют кофе, Иван Петрович, — сказала Люба, никак не отреагировав на мой широкий жест.

— Давно?

— Нет еще и минуты. А теперь извините, мне работать надо. — И Люба, отвернувшись от меня, уткнулась в монитор компьютера.

Я вошел в кабинет. Белецкая действительно сидела на диване и маленькими глотками потягивала... Нет, не кофе — тот нетронутым стоял на столе. Она потягивала коньяк из небольшой бутылочки, опорожненной уже наполовину. Я поздоровался.

— Здравствуйте, Иван Петрович, — ответила Виктория заплетающимся голосом и довольно вульгарно ухмылялась. — А я решила устроить себе сегодня маленький выходной. Вы не против?

— Да, в общем-то,нисколько. Что празднуете?

— Я не праздную, я скорблю. Жизнь кончена: я состарилась!

— Как, уже? Ни за что бы не подумал.

— Вы мне льстите, подлиза, — протянула она тоненьким голоском, расплываясь в очередной пьяной улыбке. — Какой же вы, Иван Петрович, подлиза! Хотя все вы, мужики, одинаковы. Сначала женщине дифирамбы поете, а как добьетесь своего, те же дифирамбы поете уже другой. Некрасиво. А еще частный сыщик!

— Простите, но при чем здесь я?

— Я же говорю, что все вы одинаковы, — повторила Виктория и неожиданно объявила: — Жалко, что вашего папу звали Петром. Вот если бы его звали Васей, то я смогла бы называть вас Иоанн Васильевич. Правда, звучит? — Она нервно хихикнула. — Вы представляете — меня предпочли другой! А раз меня предпочли другой, значит, я уже совсем старая и неинтересная. Поэтому и решила устроить сегодня поминки по своей молодости и красоте... Я принесла вам деньги, Иоанн Петрович. Простите меня, ради Христа... Лучше бы я к вам не обращалась и спокойно готовилась к свадьбе. Стасик — лучший мужчина на свете! Он — будущий Плевако! Он — Кони без пяти минут... Сколько я вам должна?

Я назвал сумму и спросил:

— Что все-таки случилось?

— Случилась катастрофа, Иван Петрович. — Виктория достала платок и стерла с губ помладу. — Сегодня я пришла к Тимуру и застала его с какой-то женщиной. Причем это свидание не было деловым — на столе стояли фужеры и бутылка шампанского.

Я виновато наморщил лоб.

— Шампанское? С утра пораньше?

— Значит, оно стояло там со вчерашнего вечера.

— А вы видели, кто был у него сегодня?

— Нет. Он не пустил меня дальше гостиной. Я залепила ему пощечину и ушла...

Расплатившись свернутыми в трубочку купюрами, Белецкая шатающейся походкой покинула офис.

У меня в кабинете зазвонил телефон, и я снял трубку.

— Здорово, гений частных дознаний! — приветствовал меня Брисеньков. — Звоню, как и обещал — утром. Получи свою информацию, попрошайка.

— Спасибо, Володя. Только на счет бежевой «пятерки» я уже все сам выяснил. Так уж вышло, чисто случайно. Поэтому сейчас мне от тебя нужен только «фольксваген».

— Интересная машинка, Ваня. И я удивляюсь, с чего бы ей за тобой аж два дня таскаться! Ты знаешь, кому этот «гольф» принадлежит?

— Ну? Не тяни!

— Некой Светлане Сергеевне Рюминой. Знакома фамилия?

— Фамилия знакома. Но Рюмин-то здесь при чем?

— А при том, что хозяйка машины — его жена. Законная, Ваня. Куда же это ты угодил, дружок?

— Теперь и сам не знаю... Спасибо, Володя. — Я медленно положил трубку на рычаг и задумался.

Константин Викторович Рюмин, заместитель министра внутренних дел республики. Представлен лично я ему не был, но, по слухам, он действительно женился года четыре назад. На ком — я, естественно, не знал. Но почему его жена решила повиснуть на хвосте у Джоева? Что их могло связывать? Поразмыслив немного, я пришел к выводу, что лучше всего об этом попросту забыть. Задание Белецкой я выполнил, деньги получил. Чего же еще мне надо?

Тут я услышал, как Люба в приемной негромко вскрикнула. Я уже собирался подняться из-за стола, когда дверь с треском распахнулась, и в кабинете, один за другим, материализовались трое мужчин внушительного вида.

По выражению их лиц я сразу понял, что явились они сюда не чаи гонять, а задавать вопросы. Но после того, как увидел последнего — четвертого, я мгновенно увернулся в мысли, что мне придется ответить на все их вопросы, без исключения.

Подойдя к столу, он ощерился в поганой ухмылке.

— Здравствуй, мусор. Помнишь, пять лет назад я обещал тебе, что мы когда-нибудь встретимся снова? Как видишь, я сдержал обещание.

Ни пистолетов, ни пистолетов с глушителями у бандитов я пока не видел, поэтому сердечко мое все еще находилось на заданном уровне. Я спросил:

— Чего надо?

— Самую малость, Панин. Сначала ты мне скажешь, зачем ухлопал моих ребят, а потом...

Я открыл было рот, но Клоп остановил меня жестом руки.

— А потом подробно объяснишь мне, что вчера и сегодня делала в твоём офисе Вика Белецкая. Время пошло, долго ждать я не намерен.

— Что касается твоих ребят, то я их и пальцем не трогал. Я слишком громко хлопнул дверцей, и один с перепугу застрелил второго. А потом, также с перепугу, сам отправился вслед за ним. Грамотней, Клоп, нужно подходить к комплектованию кадров. Ты бы себе менеджера по подбору персонала нанял, что ли.

— Я подумаю, — он кивнул. — И, наверное, тебя возьму. Оклад небольшой, но зато первая же промашка — это контрольный выговор с занесением в затылок. При чем с удовольствием. Устраивают условия? — Он снова неприятно осклабился. — А теперь давай мне все по Белецкой.

— А теперь шел бы ты весь куда подальше, придурок, — тихо проговорил я. — Большим человеком стал? Шестерками себя окружил? Куда твои тузы смотрели, когда тебя к этой кормушке ставили? У тебя ведь мозгов — на спичечную коробку...

Глаза бандита медленно налились кровью, одутловатое лицо побелело от ярости. Вполне естественная реакция в этой ситуации. Клоп перегнулся через стол и протянул руки, чтобы взять меня за грудки. Успев схватить его манжеты, я резко потянул Клопа на себя и, когда его голова находилась на уровне моей, ударил лбом в переносицу. Клоп охнул, ноги его подкосились, и он непременно опустился бы на колени, но помешала столешница: он успел упереться в нее левым локтем. Правой рукой Клоп держался за нос, издавая звериное рычание. Я, чтобы прекратить эту истерику, нанес ему короткий удар точно по центру лба. Голова Клопа запрокинулась назад, он рухнул на пол и затих.

Его соратники не стали корчить из себя отрицательных персонажей кинобоевиков, а двинулись в мою сторону сразу всем миром, то есть втроем. Я был готов к такому повороту, поэтому, когда Клоп только приземлялся, я уже оторвал зад от мягкого стула-вертушки, на котором сидел. Взяв его за подлокотник, я с силой швырнул увесистое сиденье в левый фланг наступающих. К счастью, стул достиг своей цели и угодил в грудь одному из нападавших. Тот надсадно вскрикнул и, хватая ртом воздух, стал оседать на пол. Оставшиеся бандиты продолжили наступление.

Я использовал столешницу как опору для руки и вскочил на стол. Продолжая опираться на него руками и левой ногой, правой я смог дотянуться до челюсти молодца, находившегося по правому флангу. Бандит, с приданным ему ускорением, влетел в шкаф у противоположной стены. Он сильно ударился головой о створку шифоньера и в следующую секунду смог по достоинству оценить мягкость моего линолеума. Створка бедолаги-шкафа, выломанная вместе с петлями, улеглась рядом, присыпав шевелюру парня тонким слоем стружки.

Но третьему молодцу удалось-таки до меня добраться. Пока я критически оценивал полет второго бандита в шкаф, третий успел приложиться к моей физиономии

своими костяшками. Кулак лег с королевской точностью, прямехонько между носом и верхней губой. Далее солоноватый привкус железа во рту молниеносно сменил неприятные болевые ощущения. Кубарем скатываясь со стола, я успел провести кончиком языка по зубам. К счастью, все они пока были на месте.

Я мгновенно поднялся на ноги, мой противник принял боксерскую стойку. Я сделал то же самое. Мы нанесли друг другу несколько ударов, не достигших своих целей, — он ловко уклонялся от моих выпадов, я, не менее ловко, его удары парировал...

Из приемной донесся громкий крик Любы:

— Пусты меня, козел вонючий! Слышишь, пусты! А-а-а!

Затем визг прервался. Я решил, что бокс пора заканчивать. Тем более что вскоре в кабинете должен был показаться пятый бандит. Поэтому я просто поднял с пола створку шкафа и, как следует размахнувшись, опустил ее на голову своему противнику. Увернуться от широкой доски у него не было никаких шансов. Дверца переломила пополам, и обе ее половинки похоронили под собой полуживого бандита.

И тут я услышал звук открываемой двери. Я повернулся и замер. Конечно, ожидал увидеть перед собой пятого бандита, но мне и в голову не могло прийти, что его будет так много — раза, наверное, в полтора больше, чем меня самого.

Я оказался совершенно безоружным перед ним. Мой стул валялся в противоположном углу, а дверца шкафа находилась теперь в нерабочем состоянии. Разумеется, я мог бы заставить бандита улечься на пол, продемонстрировав свой вальтер, что без пользы болтался под мышкой. Но пока я вытаскивал бы пистолет, гора мяса, стоявшая в дверях, обязательно добралась бы до меня. И тут я придумал отличный ход.

Вам приходилось когда-нибудь слышать, как японцы кричат «банзай»? Нет, кричал я вовсе не «банзай», но интонации были те же, когда я начинал свой разбег. А когда был уже готов врезаться в гору мяса, стоявшую перед закрытой дверью, я рявкнул только: «Получи, сволочь!», и мы с бандитом кубарем покатались в приемную.

Перед моими глазами все замелькало, завертелось, уши наполнил громкий треск дерева, а потом наступила тишина. Я обнаружил себя сидящим верхом на парне, который без сознания распластался на моей двери. Мы напрочь снесли ее, сердечную.

На всякий случай, я оторвал голову бандита от земли и нанес несколько коротких прямых ударов в челюсть. Убедившись, что амбал хоть какое-то время не будет о себе напоминать, поднялся с пола и увидел Любу, которая сидела, уронив голову на стол, и не подавала признаков жизни.

Я поспешил к ней, но тут почувствовал, что меня сзади крепко держат под руки. Я посмотрел по сторонам: Клоп и двое его шестерок очухались. Третий, тот, кому досталось створкой шифоньера, продолжал отдыхать под ее обломками.

Стоявшие по обеим сторонам бандиты развернули меня лицом к Клопу. Он ни сказал ни слова, не задал ни единого вопроса. Он просто принялся меня избивать. Бил больно и с наслаждением. По печени, по груди, по лицу. Рот мой наполнился кровью. Я чувствовал, что она уже не капает с подбородка на рубашку, а буквально стекает на грудь. Клопа это подстегивало, он ускорил темп.

Я понял, что долго не выдержу и скоро просто потеряю сознание, поэтому выбрал момент и, повиснув на руках бандитов, подогнул ноги и толкнул обеими Клопа в грудь. Клоп отлетел в угол, а я, что было сил, ударил каблуком в голеностопный сустав бандита, стоящего справа. Он взвыл и ослабил свою хватку. Указательным и средним пальцами освободившейся руки я нанес удар в глаза стоящему слева. Он схватился за лицо, а я отправил его в аут одним мощным ударом в челюсть. После, ударом в висок, отключил второго, который уже почти унял боль в щиколотке.

Ко мне приближался Клоп. У меня не оставалось больше сил на удары, у него, впрочем, тоже. Мы просто вцепились друг другу в глотки и принялись кружить по приемной. Каждый из нас тешил себя надеждой, что именно он выйдет победителем.

Клоп начал сдавать. Хватка его ослабла, ненависть в глазах уступила место бесильной злобе. Я уже предвкушал его скорое поражение, как вдруг случилось неожиданное: я получил удар по затылку. Подлый, сволочной удар, заставивший меня провалиться в глубокую темень...

Открыв глаза, я увидел над собой Любу. Лицо ее было испуганно, в руках она держала тяжелую настольную лампу. Я вздохнул и принял сидячее положение.

— Это — в наказание за то, что я опоздал сегодня? — спросил я, кивая на осветительный прибор. — Не слишком ли жестоко?

Люба готова была расплакаться. Она поставила лампу на место и попыталась помочь мне подняться. Я решительным жестом дал ей понять, что отказываюсь от ее услуг.

— Иван Петрович, миленький, — тоненьким голоском проговорила Любочка. — Простите меня, пожалуйста. Я хотела того гада треснуть, но вы оба так неожиданно развернулись, что я по вам попала... — Она присела на корточки и участливо спросила: — Сильно болит?

— Терпимо. — Я потрогал ушибленное место и посмотрел по сторонам. — Что-то не пойму, а где все?

— Я их прогнала, — невпопад ответила Люба. — Ну, то есть они сами ушли, когда вы упали. Но я им все равно вдогонку успела крикнуть пару ласковых.

— Да? Тогда объявляю благодарность. Ну, что смотришь? Поднимай патрона!

Я скрылся за ширмой, где находилась раковина, чтобы привести себя в порядок. Смыв кровь, посмотрел в зеркало: нос распух, левая скула слегка вздулась, краешек верхней губы был вывернут почти наизнанку. Одним словом, вид что надо!

Когда я закончил, место у раковины заняла Люба.

— Надо сообщить в милицию, — сказала Люба, появившись из-за ширмы.

— Ни в коем случае! Этих орлов сразу упрячут за решетку, и тогда уже я точно не узнаю, зачем они следили за Белецкой. А главное — кто им приказал следить.

— Но они опять могут прийти.

— Сюда — вряд ли.

— А кто это был, Иван Петрович?

— Некто Александр Хлопоненко, по кличке Клоп. Какое-то время он был рядовым бандитом на побегушках, но отличался от остальных жестокостью просто нечеловеческой. Верхушка группировки его заметила, подтянула к себе, и он стал палачом номер один в банде. Сначала быстро развязывал языки взятым в плен конкурентам, а потом очень медленно их убивал. Видишь ли, любит он это дело. И я знаю, что говорю, я видел трупы замученных... Мы его накрыли пять лет назад, но ничего серьезного доказать не смогли. В общем, дали ему всего четыре года за драку в общественном месте. А год назад, когда Клоп освободился, его тузы, в награду за труды, преподнесли ему одну из подконтрольных территорий. Такие, вот, дела, уважаемая...

— Если бы пять лет назад вы смогли доказать его зверства, что тогда?

— Тогда гнил бы он сейчас где-нибудь на Огненном... Еще вопросы есть? Айда, порядок наводить!

Пока мы убирались, я изредка бросал удовлетворенные взгляды на свою картину. Айвазовский, к счастью, не пострадал, ну, ни капельки.

Глава **шестая**

...Я застегивал воротник чистой рубашки, когда у меня на столе зазвонил телефон. На том конце провода висел Дубровин.

— У тебя найдется минут шестьдесят? — поинтересовался он, не удосужившись поздороваться.

— А разве ты не сменился с дежурства?

— А вы разве дадите отдохнуть по-человечески? Так как насчет шестидесяти минут?

— В смысле, мне приехать?

— Да. Если не приедешь сам, придется тебя доставить.

— Когда приезжать?

— Прямо сейчас. Жду. — И в трубке раздалась гудки.

...Когда я вошел к нему, Дубровин бойко щелкал по клавишам компьютера.

— Привет, Пан, — бросил он, не поднимая головы. — Садись пока, я сейчас закончу.

— Чем занимаешься? — Я устроился на свободном стуле.

— Собираемся с Зоей в отпуск, к ее старикам в Кемерово смотаться. Вот, хочу выяснить, сколько денег нужно занимать. — Наконец, он выключил машину и подвинул поближе тонкую папку «Дело №...». — А что у тебя с визитной карточкой?

Я потрогал нос и верхнюю губу.

— Дорога резко поднялась, больно ударив меня по лицу...

— ...и тебе пришлось долго стоять, прислонившись губой к асфальту, — закончил Дубровин. — Не хочешь отвечать — не надо. У меня к тебе существенней вопросы имеются. Вот первый из них: зачем ты вел наблюдение за неким Тимуром Джоевым?

— На этот вопрос я отвечать не вправе. Профессиональная этика — знакомо тебе это понятие?

— А тебе знакомо понятие — убийство? Так что этику свою можешь спрятать куда подальше и не высовывать, пока я не закончу. Отвечай на вопрос.

— Кого убили, можно полюбопытствовать?

— Можно. Убит Джоев Тимур Томазович, тот самый, за кем ты вчера следил. Ну?

Я отвернулся к окну и ответил скороговоркой:

— Для его розысков меня наняла Белецкая Виктория Львовна, владелица сети магазинов «Флер Шарман», проживающая по адресу... Ну, ты знаешь, по какому. Мы с тобой вчера там встречались.

— Когда ты сказал Белецкой, что нашел его?

— Вчера и сказал. Вечером, после того, как с тобой попрощался. Утром она пришла пьяная, заплатила деньги и ушла.

— Ты спросил, почему она напилась?

— Конечно. Она ответила, что жизнь кончена, что ее предпочли другой, потому что она — Белецкая — состарилась.

— Где ты был сегодня с восьми до десяти утра?

— Дома. Я опять проспал.

— Один проспал или с кем-то?

— Один, к сожалению.

— Почему — к сожалению?

— Потому что теперь у меня нет алиби.

— Успокойся. От тебя алиби никто не требует. Просто я думал, ты сможешь обещать его Белецкой.

— Белецкой? По-твоему, она убила Джоева?

— Похоже на то.

— Ты сам это видел, или тебе кто-нибудь сказал?

— Не хохми, лучше ответь: Белецкая виделась с Джоевым сегодня в промежутке с восьми до десяти утра?

— Времени не знаю, но виделась, точно. Сама говорила.

— И весь двор может это подтвердить. Вдобавок, машина ее там стояла, когда Михайлов туда приехал. Кроме того, на месте убийства мы нашли фужер со следами губной помады. Отпечатки на фужере принадлежат твоей клиентке.

— Неужели? А из ее слов следует, что она просто зашла в квартиру, увидела на столе бутылку шампанского с бокалами, хотела пройти в спальню, но Джоев ее туда не пустил. Она залепила ему пощечину и ушла.

— Она не пощечину ему залепила, а две пули. В грудь и в голову. Пистолет мы тоже там нашли. С глушителем, кстати.

— И с отпечатками?

— Нет. Ни на оружии, ни на патронах нет ни одного пальца.

— И ты все равно продолжаешь ее подозревать?

— Конечно, — улыбнулся Дубровин.

— То есть хочешь сказать, что она тщательно подготовилась к убийству, даже глушитель на ствол накрутила, затем уничтожила свои отпечатки на оружии, а стаканы протереть просто забыла? Неувязочка, Дуб!

— А мне по фигу все неувязочки. Она была в той квартире, значит, будет сидеть. Михайлов задержал ее на сорок восемь часов, за двое суток мы накопаем еще улик.

— Как ты вообще на нее вышел?

— Никак. Я сидел здесь, вдруг — звонок. Женский голос сообщил, что убит человек по такому-то адресу, и что убила его такая-то, такая-то, которая работает там-то, там-то и сейчас находится в детективном бюро «Надежда». Михайлов съездил по первому адресу и нашел труп. Ну, и пошло-поехало...

— Когда тебе позвонили?

Дубровин назвал точное время.

— Нет, — мотнул я головой. — Белецкая от меня уже ушла. Где вы ее взяли?

— У нее в офисе.

Я помолчал несколько секунд и воскликнул:

— Да не могла она его убить, Дуб! Ну, просто была не в состоянии. Между нами, она — дура набитая! Ее, скорее всего, кто-то подставляет.

— Ты уже знаешь, кто?

— По-твоему, я ясновидящий?

— По словам Белецкой, тебе известно, кто за ней следил. Кто, Ваня?

— Не знаю, — соврал я. Впутывать сюда супругу замминистра я счел несвоевременным. — Какая-то блондинка на синем «гольффе».

— Номер машины?

— Я не видел «фольксвагена»! Передаю чужие слова.

— Чьи?

— Бомбилы одного. Семеном зовут, в аэропорту работает.

— Тогда номер его машины давай.

— Я и его номера не знаю. «Ауди» у него подержанная, белого цвета. Захочешь — найдешь. Ты мне лучше скажи: обо мне Белецкая сама тебе рассказала, или вы ее вынудили?

— А мы о тебе вообще не от нее узнали. Во дворе, где Джоев снял квартиру, живет бабушка одна, тетей Шурой зовут. Она там — местный городской. Тетя Шура

нам и доложила, что вчера у них во дворе очень долго стояла машина, по описанию — ну, точь-в-точь, твоя рухлядь...

В этот момент дверь открылась, и вошел Михайлов. Он кивнул мне, уселся напротив Дубровина и объявил:

— Джоев — пыль. Он — вакуум. Его нигде нет.

— Ну-ка, ну-ка, давай-ка подробнее.

— Значит так, я сейчас от экспертов. Паспорт его — фальшивый, там, где он, якобы, прописан — не зарегистрирован. Оборудование, на котором изготовлен документ, — совершеннейшее. В ЭКБ только репы в недоумении чешут: откуда, мол, у обычных жуликов такая техника! Не их уровень.

— Так, может, Джоев не обычный жулик? — предположил я.

— Не знаю. По отпечаткам он чист, нигде не засвечен, даже по мелкому ни разу не проходил. В нашей базе данных его пальцы не значатся. Я, на всякий случай, отправил запрос в ФСБ. Глядишь, там что-нибудь да выплывет.

— Когда обещали дать ответ? — спросил Дубровин.

— Сказали, что завтра, после обеда. Подождем, время пока терпит.

Уже выходя в коридор, я остановился и спросил Дубровина:

— У тебя что, машина сломалась?

— С чего ты взял? Я на ней вчера приехал.

— Да нет ее на стоянке. Не веришь — сходи, посмотри.

Я не успел и моргнуть, а Дубровина уже не было в кабинете. Я увидел его на улице, он лихорадочно нажимал кнопки мобильного телефона.

— Алло, милиция? — кричал он. — Угнали машину — ВАЗ 21099, черного цвета, номер...

Я с сочувствием похлопал его по плечу и забрался в свою «старушку»...

— Иван Петрович! — Любочка расплылась в улыбке. — Вам чаю приготовить?

— Приготовь, заботливая моя. Я в кабинете буду.

Не успел я разобрать бумаги и немного сосредоточиться, как услышал какой-то шум.

Я поднял голову и увидел на пороге мужчину. На вид, парню не исполнилось и двадцати пяти. Был он среднего роста, довольно худ, но пропорционально развит. Одет — в костюм цвета соломы. Волосы, точно такого же цвета, были тщательно зачесаны назад, затылок венчал короткий, словно обрубок, хвостик. Глаза какого-то непонятного оттенка сверлили меня из-под белесых бровей. Я сразу окрестил посетителя Юношей.

— У меня к вам дело, — сказал Юноша на удивление густым, хорошо поставленным голосом.

— Ко мне? — зачем-то переспросил я.

— Если вы — Панин Иван Петрович, то именно к вам.

Юноша присел.

— Вам что-нибудь говорит фамилия Белецкая?

— И очень даже о многом.

Он почему-то насторожился.

— Что вы имеете в виду?

— А вы?

— Послушайте, мы так и будем объясняться загадками?

— Обязательно. До тех пор, пока я не узнаю, что конкретно вам от меня нужно.

— Я хочу, чтобы вы выяснили, кому было выгодно свалить вину за убийство некоего Джоева на Викторию...

— Какое совпадение! Я сам только что раздумывал над этим.

— Значит, вы уже знаете об убийстве?

— Меня недавно вызывали в прокуратуру, — пояснил я. — А сами вы кем будете?

— Я ее адвокат. — Мне показалось, подбородок его слегка вздернулся. — Крушинский Станислав Гордеевич. Поэтому все остальное, то есть скорейшее освобождение Вики из ИВС и подписку о невыезде, я беру на себя.

— А у вас это получится, с подпиской? — с сомнением спросил я. — Все-таки произошло убийство.

— Вы уж постарайтесь, чтобы у меня получилось. Для этого я вас и нанимаю.

— Обо мне вам Виктория Львовна сказала?

— Да.

— А она ничего не говорила о своих предположениях? Кому она могла бы помешать, например?

— Я спрашивал. Она только руками разводит.

— Плохо, Станислав Гордеевич. Это очень плохо.

— Почему? Да, кстати, коль уж я вас нанял, зачем она обращалась к вам?

— А что она сама говорит?

Он растерялся и неуверенно ответил:

— Ничего. Говорит, что к убийству это отношения не имело.

— Значит, и я отвечу вам то же самое. Простите, но данные сведения сугубо конфиденциальны.

Он откашлялся в кулак.

— Хорошо. Как мне с вами связаться?

— Очень просто. Давайте обменяемся визитками, — я достал свою.

На его карточке были начертаны фамилия, название адвокатской конторы и рабочие телефоны.

— Не вижу здесь домашнего телефона, — проговорил я.

— И никогда не увидите. Работаю только на работе, дома я привык отдыхать.

Я понимающе кивнул головой, про себя подумав, что с таким отношением к делу Стасик обязательно проиграет еще сорок четыре процесса.

— Сколько я вам должен заплатить? — спросил он.

— Прейскурант у секретаря, задаток — ей. Она же выпишет чек.

После его ухода у меня внутри остался неприятный осадок. Не знаю, чем, но мне этот адвокатишка не понравился. Белецкая и впрямь дура набитая, коли считает, что ее Стасик сможет когда-нибудь подняться к вершинам юриспруденции...

Глава **седьмая**

Штаб-квартира Клопа — кафе «Диалог влюбленных» — находилась в полчаса езды от моего офиса и располагалась в цоколе старого двухэтажного здания, построенного еще при Николае Втором. У входа в заведение я увидел новенький джип бандита.

Обстановка в подвальчике побуждала к откровениям. Интимный полумрак небольшого зала едва растворяли лишь светильники в кабинках, выполненные в виде бронзовых канделябров. Ярко освещена была только стойка бара в дальнем углу, темная полировка которой резко контрастировала со сверкающими фужерами из тонкого стекла и огромным количеством бутылок разномастной выпивки на витрине.

Бармен — subtilный паренек в униформе — занимался своим привычным делом: протирал бокалы. Я подошел к стойке и объяснил:

— Клоп нужен.

— А вы кто? — Голос его прекрасно гармонировал с зализанными назад черными волосами.

— Сказал бы я тебе, да руки марать неохота. Ну?

— Я... я сейчас милицию вызову! — Паренек побледнел в тон своей рубашке.

— И получишь от Клопа по шее. А я тебе еще и на лак для волос сэкономлю — побрею наголо. Так будем сотрудничать?

— А вы к-кто?

— Ты меня достал, дружок. — Сделав зверское лицо, я сунул руку под куртку.

— Он... он там, в задней комнате. Они сейчас все там. — Бармен махнул на дверь позади себя.

— Что ж, у парфюмерных магазинов клиентов не убавилось. Мажься дальше. Счастливчик...

Клоп находился в тесной комнате в окружении уже знакомых мне личностей. Он сидел за столом, с носом, залепленным широким пластырем, и раскуривал папиросу. Все присутствующие разом уставились на меня в удивленном молчании.

— Ты зачем здесь, мусор? — спросил Клоп.

— Пришла моя очередь вопросы задавать. — Я присел на стул. — Пообщаемся?

— Так же, как в твоём офисе? Давай. Только учти, там тебе стены помогали, а здесь надеяться не на что. Ну, так что, приступим?

— Я разговаривать сюда пришел, Клоп. Пусть они выйдут.

— У меня от братвы секретов нет. Говори при всех.

— Секреты у тебя появятся прямо сейчас. Убери их, я сказал!

— Подождите в зале, пацаны. — Клоп нехотя махнул рукой и, когда все вышли, повернулся ко мне: — Ну?

— Кто поручил тебе пустить хвоста за Белецкой?

— Ты что, Панин, дурак? Думаешь, я возьму, вот так, запросто, и все тебе выложу, кретин?

— Сейчас не в твоих интересах ломать из себя пахана высокого. Убийство произошло, дело нешуточное...

— Подумаешь, убийство! Ты докажи сначала, что это я убил. Ты много смог из меня вынуть пять лет назад? Не смог тогда, не сможешь и сейчас.

— Знаешь, что я скажу тебе, Хлопоненко? С сего момента ты будешь подозреваемым номер один. И я приложу все силы для того, чтобы тебя снова упаковали в кандалы. Будь здоров, каторжанин!

Я направил колеса своей «старушки» к дому, где Джоев снимал квартиру.

Во дворе почти ничего не изменилось. Столик для игры в домино был также занят отдыхающими, на детской площадке по-прежнему резвилась детвора. Не было видно только старушек у подъездов — день сегодня выдался холоднее вчерашнего.

Я подсел к мужикам и спросил:

— Тут, говорят, сегодня квартиранта одного замочили?

— А ты кто? Следак?

— Будь я следаком, у вас не спрашивал бы. Так замочили или нет?

— Может, и замочили. У нас, друг, знаешь, сегодня здоровье не то, чтобы охотно на вопросы отвечать. Ты бы подлечил нас, глядишь, мы и ожили бы, поговорили бы с тобой. Хорош тебе вариант?

Я достал бумажник и выложил на стол купюры.

— Витек, где гастроном, ты знаешь. Одна нога здесь! — Мужичок, отдавший мне указание, повернулся ко мне. — А ты кто будешь-то, путник, если не следак?

— Адвокат я. Мою клиентку в совершении этого убийства подозревают, вот я и хочу разузнать, была ли она здесь.

— Если твоя клиентка — рыжая деваха на белой иномарке, значит, была.

Я протянул ему ладонь и представился:

— Иван.

— Красивый, — ответил мужичок. — Прозвище у меня такое... Значит, эта рыжая — твоя клиентка. А что, на самом деле, она убила?

— А как думаешь, если убила бы, сказал бы я тебе правду?

— Думаю, не сказал бы. Мне, честно говоря, плевать — она это или нет, но помочь ей стоит. Сегодня утром рыжая хорошо подлечила нас с Витьком. Поэтому задавай свои вопросы, а потом уже решишь, как ее лучше от тюряжки отмазать.

— В котором часу она появилась?

— Я не знаю, когда она приехала во двор, но к нам подошла, десяти еще не было. Вся на взводе. «Мужики, — говорит, — дайте что-нибудь выпить, боль в душе унять». А у нас у самих с вечера глотки сухие. Ну, мы ей объяснили, так, мол, и так, не обесчудь, сердечная. Она выложила на стол деньги, и Витек тут же умёлся, принес хорошей водки, какой она просила, и деваха боль в душе уняла. Хорошо уняла, от столика покачиваясь уходила.

Как из-под земли, вырос Витек. Ставя на стол две бутылки, добавил:

— Даже машину здесь, во дворе оставила. Потом, говорит, заберу, завтра. Вот, мешки денежные! И не боится, что угонят, потому как на следующий день новую сможет купить... Эх, мне бы такой автомобильчик!

— Она говорила о чем-нибудь? Не молча же вы боль в душе унимали!

— Говорили маленько, — сказал Красивый. — Она говорила, в основном. Спросила меня, часто ли я гуляю от своей бабы. А когда уходила, Витьку наказ дала никогда не путаться с чужими женщинами.

— Про своего мужика ничего не рассказывала?

— Это которого убили-то? Не-а, почти ничего. Сказала только, что козел он хороший, и что она еще до него доберется. Рыжая больше о себе разговор вела. Все спрашивала, не слишком ли старо она выглядит?

— Ну и как, по-вашему?

— А что, нормально выглядит. Мы ей так и сказали, а она нас подлизями назвала. В общем, дала она нам еще на пузырь и ушла.

— Во сколько?

Красивый пожал плечами.

— Ну, во сколько она подошла? Вот и приплюсуй еще минут сорок.

— Но точного времени ее приезда вы не знаете.

— Нет. Сказано ведь уже... Ты вот что, у тети Шуры спросить попробуй. Вон, видишь, она вышла как раз. Она у нас здесь и ЦРУ, и ФСБ, и «Абвер», и все, что хочешь. Тетя Шура ее должна была запомнить, она ведь в том же подъезде живет, где квартиранта грохнули...

Тетя Шура оказалась довольно крепкой на вид старушкой с большим добродушным лицом. Одета в серую фуфайку и пуховый платок, она в одиночестве сидела у подъезда на табурете, который вынесла с собой.

Я подошел, поздоровался и спросил:

— Это вы — тетя Шура?

Она посмотрела на меня исподлобья и проворчала:

— Тебе разве Красивый не сказал, что я ни с ним, ни с его дружками знаться не желаю? Если он забыл, по пьяной лавочке своей, то я тебе говорю: проваливай по добру, покуда крик не подняла!

— Вы не так поняли, тетя Шура, — поспешил объяснить я. — Я — из милиции, убийство в вашем подъезде расследую.

Она недоверчиво оглядела меня с ног до головы, хитро прищурилась:

— А документы где?

Я показал свою лицензию на частную охранную деятельность. Тетя Шура только фыркнула:

— Разве ж это документ! Настоящие милиционеры — они недавно ушли — совсем другие мне показывали. Ты, парень, не из милиции.

— Из милиции я, из милиции. Мы, тетя Шура, — коммерческая милиция.

— Это как же? — искренне удивилась старушка. — Нешто есть такая?

— Есть. И уже давно. Я задам вам несколько вопросов?

— Задавай, что ж с тобой сделаешь. Только я и сама могу тебе все рассказать. Меня ведь спрашивали уже сегодня... Значит, рыжая мадам на белой машине подкатила в половине девятого. Вошла в подъезд, но через минут, наверное, пять спустилась. Отошла вот сюда, к палисадничку, голову ко второму этажу задрала да как крикнет: «Козел!» Потом за столик пошла, к Красивому. Ну, и с ними пила, с полчаса, наверное. А после, пьяная, ушла пешком, даже про машину свою забыла.

— До этого она бывала здесь?

— Нет, не было ее. Она ведь к новому жильцу приходила, а он только позавчера тут поселился.

— А к нему еще кто-нибудь приходил в эти дни?

— Не знаю, к нему ли, но после того, как ушла пьяная рыжая, подъехала какая-то женщина на красной «восьмерке» и тоже заходила в подъезд. Эта, которая в светлом плаще, вышла тоже минут через пять, села в машину и уехала.

— А вы не могли бы сказать, как она выглядела?

— Ну, темноволосая такая, в светлом плаще... Я, по-моему, ее даже видела где-то. Ее эта «восьмерка» уже стояла здесь вчера, во второй половине дня.

— Долго?

— Нет, не долго. Квартирант, значит, в магазин вышел, после «восьмерка» подъехала. А как квартирант из магазина вернулся, «восьмерка» уехала сразу. Но это еще не все... Сегодня, когда отъехала «восьмерка», прямо к подъезду подкатила черная «девятино девятая». Из нее вышли трое нерусских и тоже стали подниматься. Но через минуту выбежали почти бегом и матерились по-ихнему. Сели обратно в машину и уехали быстро-быстро.

— Нерусские — это кто такие?

— Да дьявол их разберет! Кажись, армяне...

На улицу вышла еще одна старушка. Она поздоровалась с тетей Шурой, присела на лавочку.

— Шура, знаешь, что? Наркоманы опять замок на чердак спилили. Я сейчас выхожу, у двери-то замешкалась, а ее сквозняком и захлопнуло. Сильно так ударило, и слышу я — звякнуло наверху что-то. Голову поднимаю, а там замок с отпиленной дужкой на одной петле болтается. Они, гады эти, видать, распилили его да аккуратненько так приладили, чтобы снизу казалось, будто он целый. Ну, а как дверью сдануло, замок и соскочил. Вот ведь хитрюги, управы на них нету!

— Я поднимусь, посмотрю, — пообещал я старушкам и скрылся в подъезде.

Замок болтался на одной петле. Я не стал карабкаться на лестницу — с нее, возможно, придется снимать отпечатки пальцев, — а попытался разглядеть снизу то, что смог разглядеть. Мне показалось немножко странным, что убийца (если, конечно, это он потрудились) не поленился явиться сюда ночью с ножовкой и, рискуя по-

тревожить соседей, взялся за эту работу. Гораздо проще, на мой взгляд, было просто подобрать ключ либо воспользоваться отмычкой. Тем более, что замок ничего сложного из себя не представлял.

Я спустился вниз и направился к старушкам. На ходу достал мобильный.

— Это опять я, Дуб. Я сейчас во дворе, где убили Джоева. Что же вы, Сергей Валерьянович, чердачные люки-то не проверили?

— Чего ты выдумываешь! Сержант-водитель смотрел. Замок на месте был.

— Дужка у замка перепилена, висит он на одной петле. А в последнем подъезде тот же спил у основания, только дужка, на этот раз, в обе петли продета. Это значит, что кто-то мог убить Джоева, вылезти по лестнице на чердак, аккуратно прикрыть крышку люка, оставив замок продетым в одну петлю, и уйти через люк последнего подъезда. А там он уже спокойно продел дужку замка в две петли и приладил замок так, чтобы снизу создавалось впечатление, будто он цел и невредим... В общем, отряжай сюда кого-нибудь, замки на экспертизу забрать, а я пока выставлю посты у обеих лестниц, — не прощаясь, я отключил мобильный.

— Значит так, бабушки хорошие, — сказал я, подойдя к старушкам. — Ваши замки сломали не наркоманы, а, скорее всего, убийца. Он через чердак отсюда ушел. Вы на пятый этаж подняться в состоянии?

— Да мы обе живем на пятом, — обиделась тетя Шура.

— Отлично. Сейчас эксперты приедут, будут отпечатки пальцев снимать с замков и с лестницы. Поэтому вам бы лучше покараулить, пока они не приедут, чтобы никто за лестницу руками не хватался...

Глава **ВОСЬМАЯ**

Я захлопнул дверцу машины, ненадолго задержался перед вывеской «Флер Шарман».

Поинтересовавшись у девушек-продавцов, как мне увидеть кого-нибудь из начальства, проследовал в служебное помещение. За дверью с табличкой «Коммерческий директор» сидела привлекательная женщина средних лет и просматривала какие-то бумаги. Заметив движение у входа, она подняла голову.

— Вы — Брагина Наталья Николаевна? — спросил я и, получив утвердительный ответ, представился и объяснил цель визита.

— А что с ней случилось? Меня не было, когда за Викой приезжали.

— Ее обвиняют в убийстве.

— Какой ужас! — Брагина прижала ладони к щекам. — Это правда? Она в самом деле кого-то убила?

— Нет, конечно. Но кто-то непременно хочет, чтобы вашу хозяйку в этом обвинили.

— Кто же это?

— Пока не знаю.

— А что вы у меня хотели выяснить?

— Вы сможете честно ответить на мои вопросы?

— Да, смогу.

— Тогда скажите, Белецкая исправно платила бандитам?

— Ну, вы знаете, об этом как-то не принято рассказывать первому встречному...

— Не принято невиновных людей в тюрьмы сажать. Ответьте, Наталья Николаевна.

— Вы же видите — магазин цел и невредим, значит, с рэкетом конфликтов нет.

— Значит, платила?

— Нет, не платила, — ответила Брагина и тут жеотреагировала на мой удивленный взгляд: — Год назад сюда заявили местные крутые ребяташки. Спросили, кто хозяин, уединились с Викой в дальней комнате. Говорили всего пять минут, а когда уходили, у их главного было такое безмятежное выражение лица, будто бы он только что сделал Вике предложение руки и сердца, а она взяла да согласилась.

— Вы знаете, как звали этого главного?

— Да. Друзья называли его Клопом.

— Магазин давно существует?

— Три года уже. Вика меня по объявлению наняла, мы познакомились, потом почти сдружились.

— Почти?

— Нельзя сказать, что мы закадычные подруги. Вика такой человек, она готова любого к себе в друзья записать, с ходу. Наверное, это меня и удерживает, чтобы стать ей настоящей близкой подругой. Я чего-то опасуюсь.

— Чего?

Она пожала плечами.

— Сама не знаю. Но доверяться ей во всем так же, как и она мне, не могу. Болтушка она.

— А не упоминала ли она некоего Тимура Джоева?

— Как же, конечно. Просто уши прожужжала. Они в марте в Голландии познакомились, два-три раза Вика к нему в Москву ездила. Позавчера он должен был прилететь, но не прилетел. Как она переживала! Когда он позвонил сюда...

— Он звонил ей сюда? — удивился я.

— Да. Позавчера, перед обедом. Позвонил, назвал себя и спросил Вику. А ее не было, она уже в аэропорт умчалась, его встречать. Я ему начала объяснять, но тут связь прервалась, а больше он не звонил.

— Этот звонок был из аэропорта?

— Не знаю, возможно. Вика потом сказала, что Тимур в двенадцать часов прилетел, а звонил он сразу после двенадцати... Наверное, из аэропорта.

— Вы виделись с ней сегодня?

— Нет. С утра Вики не было, а когда за ней приезжали, я отлучалась... Скажите, Иван Петрович, ее посадят?

— Не думаю. Следователь, который ведет дело, достаточно опытен. Он не может не понимать, что это убийство — подстава.

Итак, Джоев звонил Белецкой по приезде. Для чего? Наверное, для того, чтобы сообщить, что уже находится в Ясновожске. Далее связь прервалась. Почему он не повторил попытку? Мало кто из людей захочет томиться в аэропорту порядка трех часов в ожидании встречающего, но Джоев, тем не менее, звонить не стал. Он вышел на стоянку, сел в такси и сразу же приладил к стеклу зеркальце заднего вида... Стоп! Вот почему он больше не звонил Белецкой, вот почему не назвал таксисту ни адрес ее магазина, ни домашний ее адрес, которые наверняка знал! Он заметил Рюмину еще у телефона-автомата, поэтому и трубку бросил на полуслове... М-да, Рюмина, Рюмина. Кто вы на самом деле, мадам, и что вам нужно было от господина Джоева? Хотя все может оказаться намного прозаичнее, и Джоев больше не звонил Белецкой просто потому, что у него закончилась мелочь...

Ни о чем больше не раздумывая, я запустил двигатель и отправился в аэропорт.

Семен сидел в своей машине в ожидании прибытия очередного рейса. На лице его была нарисована скука, пустой взгляд устремлен куда-то сквозь капот.

— Привет, — бросил я, устраиваясь рядом. — Работаем?

— А-а, это опять ты, — без интереса протянул он. — Работаем, как видишь. Ну, нашел мужика того?

— Нашел. Мертвым, правда, но это не важно... Так, пустяки, — я махнул рукой. Семен присвистнул, взгляд его стал более осмысленным.

— И что теперь?

— А что теперь? Ничего. В милиции я уже побывал, все им рассказал, что знаю. Вот, тебя предупредить заехал.

— О чем?

— Ну, убийство все-таки. Мало ли чего им там в голову взбредет. Да, и насчет дамочки той, на «гольф»е, хотелось пару слов сказать.

— Ну?

— Ты знаешь, чья она жена?

— Да мне по барабану, вообще-то. А в самом деле, чья?

— У-у. — Я зажмурил глаза и покачал головой. — Кабинет министров знаешь? Так вот, одной из министерских шишек.

— А мне по барабану! Пускай они сами там разбираются между собой.

— Это — да. Только ты бы операм номера «гольф»а не называл, а? Для твоего же блага. Кто знает, какой у них выйдет расклад! Нужно будет крайним кого-то пустить, могут и тебя из общей кучи выбрать. Не секрет, что им это — раз плюнуть.

— Ну, если не хочешь, не буду называть. Мне-то, сам знаешь...

— Знаю — по барабану... Она тебя еще о чем-нибудь спрашивала?

— Кто?

— Брось дурака валять, Сень! Она нашла твоего позавчерашнего клиента и в квартире у него побывала. Найти его так быстро она могла, только пообщавшись с тобой лично. Почему ты мне об этом ничего не сказал? Я ведь неплохо заплатил тебе вчера...

— А ты меня вчера не спрашивал, кто еще грузином интересовался! Ну, подъезжала баба какая-то, темноволосяя, на вишневой «восьмерке», отстегнула мне прилично, я и сказал, где его оставил.

— На Вишневого?

— Ага.

— Номеров ее ты не запомнил, случайно?

— Запиши, — пожал плечами Семен.

Я записал в блокнот несколько цифр, убрал ручку в карман и тут увидел Михайлова. Они, на пару с не знакомым мне оперативником, вышли из служебной машины и направились к группе водителей, стоящих метрах в ста от нас.

Я поспешил покинуть машину Семена и поскорее перебраться в свою. Встреча с Михайловым в данных обстоятельствах в мои планы не входила.

Глава **девятая**

Я свернул с проезжей части, заехал во двор и остановился. Это был старый дом. Шестизэтажный, построенный в конце девятнадцатого века, недавно отреставрированный. Дом располагался в центре города, квартиры здесь стоили недешево.

Темно-синий «фольксваген-гольф» был припаркован в углу двора, почти вплотную к трансформаторной подстанции. Я подошел, обошел машину спереди, посмотрел на номер. Сомнений не осталось — передо мной стоял тот самый «гольф». Ладонь моя легла на капот — холодный. Я зашагал к подъезду.

Динамик домофона ожил мгновенно, словно только и ждал, когда, наконец, кто-нибудь наберет номер квартиры.

— Кто? — Мужской голос звучал резко, властно, взволнованно.

— Откройте, товарищ генерал. У меня к вам разговор. Речь пойдет о вашей жене.

Возникла секундная пауза, после чего Рюмин спросил совершенно спокойно:

— Кто вы?

— Частный детектив Панин. Вы должны меня помнить: семь месяцев назад через ваши руки проходили мои документы, направлявшиеся в Москву. Судя по решению, принятому там, ваши отзывы обо мне были положительными.

— Вы имеете в виду свою лицензию? Да, капитан, я вас помню. Входите. — Стальной язычок замка мягко щелкнул.

На шестой этаж я взлетел в бесшумном лифте, дверь в квартиру ждала меня приоткрытой. Рюмин ожидал внутри.

Он был довольно-таки молод для генерала, на вид ему не исполнилось и сорока пяти. Темно-русые, слегка выщипанные каштановые волосы закрывали половину лба, за холодным блеском глаз, пронизательных и умных, пряталась умело скрываемая тревога.

— Я вас слушаю, — начал он без предисловий. — Где она?

Я удивился.

— Об этом, товарищ генерал, я хотел у вас спросить.

— Можно просто Константин Викторович, — разрешил он. — В какой связи вы его интересуетесь?

Рассказал я далеко не все. Начав с первого визита в мой офис Белецкой, я закончил тем, что сегодня в первой половине дня был убит некто Тимур Джоев. В своем рассказе я отметил тот факт, что на хвосте его такси какое-то время висел тот самый «гольф», который стоит сейчас внизу у трансформаторной подстанции.

— И что, по-вашему, из этого следует? — холодно спросил Рюмин. — Кто-то подозревает мою жену?

— Не думаю. О ней как о фигуранте вряд ли пока догадываются.

— И потому вы отважились на шантаж? — Угрожающие нотки в его голосе заслонили собой усмешка, сделанная с оттенком искреннего пренебрежения. — Сколько же я должен заплатить за ваше молчание?

— Я похож на идиота? Наберись я смелости шантажировать вас, я сначала удостоверился бы, что ни одна живая душа не знает о слежке вашей жены за Джоевым, и что супруга ваша, простите, жива и здорова. У меня такой уверенности нет ни в том, ни в другом, поэтому шантаж откладывается на неопределенное время... если вы не против.

Рюмин никак не отреагировал на мой выпад, только спросил:

— Зачем вы пришли?

— Я хотел выяснить, каким образом ваша супруга смогла установить время прибытия. О том, что Джоев прилетит рейсом раньше, не знала даже моя клиентка. Еще я хотел выяснить, как она с ним связана, кто он такой...

— Когда, вы говорите, он прилетел? — перебил Рюмин. — Позавчера?

— Да. В двенадцать часов.

Рюмин потер подбородок.

— Она могла ничего не знать о времени прилета, а увидеть его случайно. Позавчера я вылетал по делам в Питер, и Светлана отвозила меня в аэропорт. Она всегда провожает меня в командировки... Тимур Джоев, Тимур Джоев... От нее я ни разу не слышал этой фамилии.

— И неудивительно: при нем нашли фальшивый паспорт, это имя — вымышленное.

На полочке в прихожей зазвонил телефон. Генерал снял трубку.

— Да, Люся, это я, здравствуй, — ответил он на приветствие. — Нет, до сих пор не приехала... Машина стоит у дома. Со вчерашнего дня... Ты дала ей свою? Да, я знаю, она говорила сегодня утром... Хорошо, как только Светка появится, я тут же сделаю ей внушение... Обязательно передам, всего хорошего. — Рюмин повесил трубку, мрачно на меня посмотрел. — Звонила подруга Светланы. Говорит, что та брала у нее машину, что «гольф», якобы, сломался. Машина не возвращена, от Светланы также никаких вестей.

— Какая машина у этой подруги?

— Вишневая «восемьмерка», — ответил генерал.

— Ваша жена — блондинка. Темные парики она носит?

Рюмин пожал плечами.

— Редко, но надевает, случается... А при чем здесь темный парик?

— Какая-то темноволосая женщина в светлом плаще заходила в подъезд, где Джоев снимал квартиру, приблизительно в то самое время, когда он был убит. Она пробыла там ровно столько, сколько требуется, чтобы подняться на второй этаж, застрелить человека и спуститься вниз. Приезжала эта женщина на красной «восемьмерке».

— На красной? — в голосе Рюмина почувствовалась слабая вибрация, смысл которой был для меня очевиден.

— Вишневый — один из оттенков красного, Константин Викторович. И потом, я передаю вам слова бабушки-старушки... Может быть, вы все-таки постараетесь вспомнить, не заводила ли ваша жена разговор о каких-то своих знакомствах с выходцами из Кавказа?

Около минуты генерал смотрел на меня оценивающе, и я понял, какую проблему для себя он хочет решить. Наконец, он ответил:

— Сегодня утром она, ни с того, ни с сего, спросила меня, как можно просмотреть списки пассажиров одного из московских рейсов. Я ответил, что никак нельзя, и спросил, для чего ей это. Светлана ответила, что, когда проводила меня в Петербург, ей показалось, будто она увидела в аэропорту человека, который, насколько ей было известно, давно погиб.

— Она называла фамилию этого человека?

— Да. Это некто Сослан Коцоев, правая рука Ахмада Чермоева — одного из крупнейших полевых командиров чеченских сепаратистов. Оба погибли четыре года назад во время налета наших штурмовиков. Тогда, одним ударом, была уничтожена вся банда — порядка трех тысяч человек. Сухопутные силы, проводившие зачистку, никого в живых не обнаружили, погибли все.

— Мне, к сожалению, не знакомы названные фамилии. Чеченская тема меня никогда серьезно не занимала. Наверное, потому, что у нас здесь все спокойно в этом плане... Интересно, откуда у вашей жены такие связи?

— Из этого лагеря она вела свой последний...

Тут нас опять прервали. И это снова был телефон. Рюмин снял трубку, выслушал говорившего, и лицо его окаменело.

— Ты сказала, кому давала машину? Понятно. Как фамилия следователя? Бри-сеньков? Хорошо, Люся, спасибо. Я хочу тебя попросить, чтобы ты не делала никаких выводов из случившегося и ни с кем не разговаривала на эту тему. По крайней мере, какое-то время... Когда что-нибудь станет известно, я тебе сообщу... До свидания. — Он положил трубку и посмотрел на меня. — На автодороге Яснoволжск-

Аэропорт обнаружена перевернутая ВАЗ-21083, вишневого цвета. Та самая «восьмерка». Внутри все в крови. Водителя в салоне нет...

...А потом снова был телефонный звонок. Рюмин ответил, и щеки его тронула краска внезапного облегчения.

— Где ты? То есть как не можешь говорить? С тобой все в порядке? У тебя голос нездоровый. Ты цела? Тогда объясни мне, пожалуйста, что происходит? Не понял. Что значит — сам? Как это — без посторонней помощи? Ты, вообще, соображаешь, какую задачу ставишь передо мной? Светка, подожди, не вешай трубку! Слушаюсь, товарищ генерал. Когда только эта встреча состоится?

Он медленно положил трубку и как-то беспомощно проговорил:

— Звонила Светлана Сергеевна. То, что я услышал, может показаться полным бредом, но она просит, чтобы я разыскал ее лично, не прибегая к помощи своих подчиненных. Боится утечки информации, боится, что телефон могут прослушивать, поэтому о своем местонахождении не сказала ни слова. Добавила, что происходящее напрямую связано с ее бывшей работой.

— Что это за работа, вы можете сказать?

— Конечно. До нашего замужества она работала...

На этот раз телефон зазвонил у меня. Я извинился, достал из кармана трубку.

— Иван Петрович? Это...

— Вечер добрый. Конечно же, сразу узнал вас. Что-то случилось?

— Иван Петрович, я вспомнила, где видела ту надменную посетительницу. Это — телеведущая Светлана Власова. Несколько лет назад она вела программу... эту, как ее... Тьфу, черт, забыла! В общем, сплошные журналистские расследования, криминал, бандиты. Один раз даже в лагерь к чеченским террористам забралась, оттуда передачу делала. А потом неожиданно пропала с экрана. Но вчера к нам точно приезжала она. Я ее не узнала сразу, потому что она была в парике и без косметики. А потом подумала немного и вспомнила...

Я, ни слова не говоря, отсоединился от линии и убрал мобильный в карман.

— Девичья фамилия вашей жены — Власова?

Если генерал и удивился, то ничем не выказал этого, только спросил:

— Где она наследила?

— Везде, Константин Викторович, — развел я руками. — Извозчик в аэропорту, риэлтерские конторы, в которых побывал убитый, двор, где он снимал квартиру, и, наконец, подъезд, где эта квартира находится. Была ли она в квартире, я не знаю, но думаю, была... Что это за история с ее репортажем из лагеря боевиков?

— Ее последняя программа, — ответил Рюмин. — Я не знаю, как она добилась разрешения руководства, но факт остается фактом — передача вышла. А в лагерь ей помог попасть тот самый Сослан Коцоев, ближайший помощник командира. Он убедил Чермоева в необходимости этого пиара, раскрыл перед ним плюсы, им одним известные. В то время боевики в Чечне не рыскали по горам мелкими стайками голодных волков, тогда они были силой. И Чермоев не преминул лишний раз нагло ухмыльнуться в лицо правительству России. Четыре дня Света с оператором там находилась, а значит, целых четыре дня Чермоев смаковал свою маленькую победу.

— Как Коцоев вышел на Светлану Сергеевну?

— Не знаю. После ее возвращения она объявила мне, что в ФСБ с нее взяли расписку о неразглашении. Молчит до сих пор. Видимо, в лагере к ней попали сведения, которые не пошли в эфир, но оказались чрезвычайно важными для разведки.

— А почему этот репортаж был последним?

— Светлана и ее оператор вернулись в Кавказское бюро своего канала вечером, а ночью место дислокации банды с воздуха атаковали штурмовики. Там, по слухам,

камня на камне не осталось, впечатление такое, что кто-то гигантским плугом прошелся. После всего случившегося я ужасно за Светлану испугался и тотчас сделал ей предложение. Она согласилась и, по моему настоянию, уволилась. Я увез ее в Ясновожск, мы поженились. Тут спокойнее, чем в Москве, не та суета... Вопросы еще будут, капитан?

Я ответил отрицательно. Генерал предложил меня проводить.

Во дворе подступы к моей «старушке» заслоняла пассажирская «Газель» с тонированными стеклами. Когда мы подошли, дверца открылась, и на землю соскочил дюжий молодец в штатском. Вопросительно посмотрел на генерала.

— Все хорошо, Вадим. — Рюмин упрямо вскинул руку. — Позволь капитану сесть в машину.

Тот махнул рукой водителю, микроавтобус отъехал, и через приоткрытую дверь я успел разглядеть в салоне матовый блеск вороненой стали автоматов на фоне бронилетов и касок. Личная гвардия генерала был тут как тут!

— Тебе известна фамилия Брисеньков, Вадим? — обратился Рюмин к помощнику.

— Так точно, товарищ генерал. Это — начальник следственного отделения у гаишников. Я его хорошо знаю, мы учились вместе.

— Будь добр, попроси его, чтобы о том, кто сидел за рулем вишневой «восьмерки», ненужным людям он ничего не сообщал. Я журналистов имею в виду. Если спросит, какая «восьмерка», скажи, та, что перевернулась по дороге в аэропорт. Сегодня сделаешь?

— Разумеется. Мы можем ехать?

— Да, поезжай. — Рюмин повернулся ко мне. — Вы с какого часа теперь на работе, капитан?

— С девяти часов, товарищ генерал. Собираетесь нанести мне визит?

— Пока не знаю. Мне необходимо все хорошенько обдумать, и завтра к утру я, возможно, приму такое решение. А пока прощайте...

И, круто развернувшись, генерал бодро зашагал к подъезду.

Когда я вошел в кабинет подполковника Брисенькова, он сидел за столом и говорил по телефону. Увидев меня, махнул рукой, указывая на стул. Закончив, положил трубку, и лицо его украсила белозубая ироничная улыбка.

— Слушаю тебя, коммерсант, — сказал он.

Я попросил:

— Расскажи мне о сегодняшней аварии с вишневой «восьмеркой», Володя.

— На дороге в аэропорт? — уточнил он, задумчиво почесав подбородок. — Куда же, Ваня, ты вляпался? Знаешь, кто сидел за рулем?

— Знаю.

Брисеньков удивленно вскинул брови и снова почесал подбородок.

— Мне только что позвонил один человек и попросил...

— ...чтобы ты не трепался ненужным людям о том, кто управлял автомобилем, — перебил я. Брисеньков удивился еще больше. Я пояснил: — Я находился рядом, когда генерал передавал ему для тебя эту просьбу, — на последнем слове я сделал недвусмысленный акцент. — Только ведь под ненужными людьми журналисты подразумевались, а не твой старинный приятель, правда, Вова?

— А не ты ли, часом, аварию эту подстроил, а, Ваня? — хохотнул Брисеньков. — Думаешь, вчера я поверил, когда ты заявил, что Рюмина висит у тебя на хвосте? Шучу, Иван, шучу! Что там рассказывать... Машину обнаружили чисто случайно. Один водитель до ветру сбежать решил, остановился, зашел в кусты, а там «восьмерка» на правом боку лежит. Он в салон заглянул, в салоне — все в крови, но — ни души.

Капот потрогал — теплый, видимо, совсем недавно перевернулась. Ну, парень, не долго думая, сразу по «02» позвонил. Наши подъехали, осмотрелись, машину проверили. То, что тормозные шланги перерезаны, увидели сразу — машина-то на боку лежала. О том, что с водителем случилось, долго гадать не стали. Решили, что машину кто-то неудачно угнал прямо с перерезанными шлангами и после аварии скрылся с места происшествия. Затем установили хозяйку авто, позвонили ей, сообщили, что так, мол, и так. А она нам: давала, дескать, машину своей подруге, такой-то, такой-то, у которой муж работает там-то, там-то. Мы затылки поскребли, но беспокоить генерала сразу не стали, решили немного подождать — тогда неизвестно было, кто сидел за рулем...

— Как по-твоему, она сама из машины выбралась, или ей помогли?

— Наверное, сама. Левую дверцу заклинило от удара, а лобовое стекло выдавлено наружу изнутри. Если бы ей кто-то помогал извне, стекло в салон бы загнули или, на худой конец, отбросили в спешке от машины подальше. А так, левый нижний угол стекла остался, как был, в резиновой кишке. Она не до конца его вытолкнула.

— В салоне нашли что-нибудь интересное?

— Нет, ничего. Бардачок — почти пуст, а на полу каблук женский валялся. Высокий. Наверное, сломала его, когда стекло выдавливала.

— Где случилась авария?

— На двадцать четвертом километре. Там на щите реклама каких-то сигарет, так вот, не доезжая до щита тридцати метров, посмотри направо, увидишь густые заросли. Это они самые и есть...

Глава **десятая**

Почти стемнело, когда я съехал на обочину и заглушил двигатель. Моя «старушка» уставилась на рекламный щит, играющий в свете зажженных фар фосфоресцирующими бликами. На щите — огромная пачка сигарет знаменитой марки и надпись, уверяющая лопухов-курильщиков, что только здесь они смогут найти отменный вкус и превосходное качество табачного дыма.

Я вышел из машины. Внизу, справа от меня, в сгущавшемся сумраке холодного вечера чернели высокие заросли бузины.

Место, где лежала опрокинутая «восьмерка», я облазил с фонариком в руке вдоль и поперек, буквально на коленях. И, разумеется, ничего не нашел. Да что, собственно, я мог там найти, когда не знал, что мне нужно. А следы, даже если и были здесь какие, теперь добросовестно затоптаны спасателями и гаишниками.

Я поднялся с земли и медленно пошел к машине. Вдохнув, полез в бардачок, где, сложенная в несколько раз, лежала подробная карта республики. «На безрыбье и рак — рыба», — думалось мне, а другими версиями на тот момент я не располагал.

По какой-то случайной иронии деревня называлась... Как бы вы думали? Она называлась Конь.

Я остановил машину в чистом поле, километра за полтора до околицы. Побоялся застрять на размытой дождями грунтовке, поэтому оставшуюся часть пути проделал пешком.

Добравшись до места, я, как водится в таких случаях, постучался в крайнюю избу. В деревнях ложатся рано, и шторка за окошком, возле которого я стоял, шевельнулась не сразу. В свете одного из двух на всю деревню уличных фонарей я увидел щупленького небритого мужичонку, одетого по-домашнему — в семейные

трусые в крупный горошек. Он беспомощно щурил заспанные глаза и силился разглядеть того, кто изволил пожаловать к нему среди ночи. Наконец, спросил:

— Колька, ты, что ли?

— Выручай, хозяин, — ответствовал я. — Подскажи, у кого лошадь добыть можно. Застрял я там, на дороге.

— А-а, — протянул он, словно разочаровавшись оттого, что я — не Колька, и широко зевнул. — Как же ты, мил друг, на сухом увязнуть умудрился?

— На каком сухом? У вас тут грязи по колено!

— Эта грязь — для тракторов, — хохотнул мужик. — А легковые главной дорогой в нашу Голландию добираются. Там справа хорошо укатано, плотно. Ты, видать, в потемках поворот-то проглядел... Да, не повезло тебе. Моим Сербом легковушку не вытащить — старый он стал, больной. Да и трактор я сегодня на ремонт загнал. Знаешь, что? Ты к Митричу-знахарю постучать попробуй. Я видел, он вернулся, светло еще было. Может, пока и не распряг. У него здоровый битюг, владимирский. Митрич на том конце живет, — мужик махнул рукой, указывая направление. — Тоже крайний дом...

— Знахарь? Врач, что ли?

— А пес его разберет! Но пока никто не жаловался...

Конь — деревяня совсем небольшая, и уже через пять минут я находился на другом ее краю. Нашел последний дом, толкнул калитку — не заперто. Шагая к крыльцу, заметил в окне, выходящем во двор, слабый свет. Я два раза негромко ударил в дверь, в ответ мне не раздалось ни звука. Постучал еще — тот же результат. Открыв дверь, я вошел в темные сени, негромко позвал хозяев. Тишина. Я толкнул следующую дверь, вошел в комнату, но остановился, как вкопанный.

В грудь мне упиралась двустволка со взведенными курками. Держал ее пожилой, но довольно крепкий мужчина. Был он выше меня ростом, гладко выбрит, в выцветших глазах тускло светился один-единственный вопрос: «Кто ты такой?»

Я, на всякий случай, поднял руки до уровня груди, чтобы они были наготове, если события станут развиваться неожиданно бурно.

— Не нужно, — холодно проговорил хозяин. — Медленно опустите руки и стойте спокойно. Я буду спрашивать, вы будете отвечать... Вопрос первый — зачем вы здесь?

— В темноте проглядел поворот на укатанную дорогу. Хозяин лошадки по имени Серб посоветовал к вам обратиться... Если, конечно, вы — Митрич.

— Да, Митрич — это я. — Ружье продолжало давить мне в грудь. — Но ничем не могу помочь. Мой Володька болеет, неделю уже не запрягаю. Дождитесь утра, пойдут трактора из совхоза, они вас выдернут.

Я решил играть в открытую.

— У меня под мышкой висит пистолет, а во внутреннем кармане куртки лежит удостоверение частного детектива. Сегодня меня нанял Константин Рюмин, генерал милиции, для того, чтобы я отыскал его жену Светлану Сергеевну, урожденную Власову. С недавних пор у меня есть кое-какие основания полагать, что Светлана Рюмина находится в вашем доме, — и я медленно отогнул левый борт куртки, демонстрируя ему кобуру с пистолетом.

— Что за чепуху вы несете? — Ствол уже не так настойчиво давил мне в грудь, но выражение лица Митрича оставалось прежним.

— Я могу назвать время, когда Светлана Сергеевна звонила мужу.

— У меня нет телефона, молодой человек.

— Со своего мобильного.

— Тот, кто вас послал, мог прослушивать ее мобильный. Мало того, по сотовым телефонам можно определить и местонахождение абонента. — Митрич слишком поздно прикусил язык.

Я слабо улыбнулся:

— Значит, вы находились рядом, когда она говорила с генералом... Что с ней?

— Оставьте пистолет в сенях, положите его на бак с водой, — вместо ответа приказал Митрич. — Теперь зайдите сюда и закройте дверь на крючок.

Когда я выполнил все его указания, Митрич ружьем указал на ширму в дальнем углу комнаты.

— Она — там. Можете взглянуть, только не тревожьте. Я дал хорошее успокаивающее, будет спать около суток. Ей это необходимо.

Я аккуратно отодвинул край занавески. Власова, пардон, Рюмина, крепко спала. Я сразу узнал ее, она почти не изменилась с того времени, как оставила телевидение. Я помнил многие из сюжетов Светланы Власовой, мне нравились ее программы. Но потом она неожиданно пропала с экрана и постепенно была забыта аудиторией. Неудивительно, что многим ее лицо казалось знакомым: Рязанова считала, что она похожа на какую-то артистку, тетя Шура тоже говорила, что где-то видела Рюмину.

Я посмотрел на Митрича. Опускать ружье он не собирался.

— Что с ней? — переспросил я.

— Легкий шок, сломанная переносица и потеря крови. Не смертельная, конечно. Шок уже прошел, кровотечение я остановил, теперь пусть отдыхает.

— И что, она вот так целые сутки проспит?

Митрич пожал плечами.

— Я бы спал. И вы спали бы, будьте покойны... Предлагаю сразу — на «ты». — Он опустился на стул по другую сторону стола. — За двадцать с лишним лет привык, по-другому не с руки уже. Я — хирург, и когда-то, когда я был совсем молодым врачом, на меня возлагались немалые надежды. Однако судьбе было угодно, чтобы я увлекся идеями нетрадиционной медицины и, в результате, остался без работы. Как-то пробовал применить эти, тогда еще новые, методы на практике. Один человек выздоровел, а второй умер. Причина, конечно, там была вовсе не в методе лечения, эта женщина все равно умерла бы, и я прибегнул к нему как к крайней мере, к последнему шансу. Но, увы...

— И ты решил отказаться от многих благ цивилизации и уединиться здесь?

Ответ был тихим и простым:

— Да.

— Но она-то, надеюсь, не умрет? — я кивнул на ширму, за которой спала Рюмина.

Митрич усмехнулся.

— Она — нет, во всяком случае, теперь. Крепкая женщина.

— Тебе она что-нибудь рассказала?

— Только, что у машины отказали тормоза, когда на дорогу выскочил заяц. Все остальное помнит смутно.

— Ей тормозные шланги перерезали. Этой темы она не касалась?

Митрич в задумчивой растерянности покачал головой.

— Нет... Это из-за мужа-генерала?

— Точно пока не могу сказать, не знаю. Но вряд ли. — Я поднялся. — О том, что рассказывать обо всем этом никому не стоит, ты и сам знаешь. Генерал скоро придет за ней или меня пришлет, а пока будет лучше, если она носа на улицу не высунет. Договорились?

— Тебя пришлет? — переспросил Митрич. — Разве нет у него помощников?

— Ты ведь слышал, о чем они по телефону говорили. Так в чем же дело? Ну, а мне уже спать пора, позвольте откланяться. Не забудь про нос на улице и калитку держи закрытой. — С этими словами я приподнял правую руку в знак прощания и отправился в сени за пистолетом.

... Вновь оказавшись в чистом поле, я вспомнил о своем телефоне. Точнее, о том, что не включал его с того момента, когда столь нелюбезно оборвал разговор с Яблочком, так я мысленно называл девушку из «Уюта». А девушка, наверняка, перезванивала мне, и не раз, чтобы выяснить, почему нас так неожиданно разъединили. Я достал трубку, нашел на дисплее ее номер и набрал его. Еще раз поздоровавшись, принялся извиняться перед ней.

— Да ладно вам, Иван Петрович! Лучше пригласите меня в ресторан, — неожиданно попросила она. — Он — недорогой, и там работает моя хорошая подруга. Обслужат по первому разряду.

Я ответил утвердительно, мы договорились о месте встречи, ненадолго попрощались. А когда я убрал трубку в карман, меня посетила мысль, от которой стало по-настоящему забавно: я все еще не знал имени девушки, получившей от меня приглашение поужинать.

Глава **одиннадцатая**

Встретились мы в центральной части города, близ того самого ресторана. Название он имел, прямо скажем, нестандартное, и, глядя на вывеску, приходилось лишь гадать о том, что хотели сообщить посетителям его хозяева. А вывеска, заливающая классический фасад здания мягкой неоновой акварелью, выглядела так: «Ресторан «???». Разумеется, как только взгляд мой упал на нее, мне сразу захотелось пожать плечами. Что я и сделал, причем незамедлительно.

Знакомый голос за спиной прозвучал неожиданно:

— Когда я в первый раз это увидела, я поступила также... Здравствуйте, Иван Петрович.

— Можно просто Иван, — улыбнулся я, оборачиваясь. — И, наверное, уже пора нам стать накоротке?

Она как-то смешно шмыгнула носом, тряхнула светлыми волосами и весело улыбнулась:

— Я замерзла. Может, все-таки мы зайдем?

Заведение действительно оказалось недорогим, и цены в меню вполне соответствовали внутреннему убранству помещения. Обстановка здесь царила почти домашняя: оркестр отсутствовал. Вместо него в дальнем углу зала юноша-тапер плавно перебирал пальцами клавиши фортепиано. Было тихо и уютно. Мне понравилось.

Усевшись за столик, я не успел как следует оглядеться вокруг, а официантка с блокнотом уже выросла, словно из-под земли. Приветливо улыбнулась моей спутнице.

— Все-таки надумала! — сказала она, поправляя на груди пластиковую карточку со своим именем. — Долго же пришлось тебя уговаривать. Итак, что будем есть-пить?

— Познакомься, Вера. — Яблочко улыбнулась ей в ответ. — Мой недавний и очень хороший знакомый — Иван Петрович. Если бы не он, ты меня еще долго здесь не увидела бы. — Она посмотрела на меня: — Что закажем?

— Я буду то же, что и ты. — Жестом я предложил девушкам заниматься меню, а сам продолжил знакомство с интерьером и сервировкой столов. — Любопытный рестораник, — усмехнулся я, подождав, пока Вера удалится выполнять заказ. — Название меня больше всего заинтересовало.

— Название Вера придумала. Она диплом по социологии пишет.

— Не понимаю.

— Рестораном ее дед владеет, вот она и попросила дедулю. Тот во внучке души не чаёт, так что любой ее каприз — закон для старика, и он мгновенно согласился понести возможные убытки. Ты только не подумай, что Верка обожает капризничать таким образом. Просто это ей действительно для дела понадобилось, а у деда этих ресторанов...

— Однако, чтобы написать диплом по социологии, нужно массу людей опросить. В данном случае, это — посетители ресторана. Не навязывается же она к ним с интервью?

— Бывает, что и навязывается. Но, в основном, просто прислушивается к разговорам за столиками, а затем все в свой блокнот фиксирует.

— В тот, где заказы?

— Ага.

— Саму ее клиенты не спрашивают, почему у ресторана столь странное название?

— Случается. Но она всем отвечает, что понятия не имеет, что вывеска — дело хозяйское и так далее.

Вера прикатила сервировочный столик с заказом. Поставила перед нами тарелки с холодной закуской, напитки, поинтересовалась, не нужно ли чего еще, и снова оставила нас одних.

Мы принялись за еду.

— Давно они открылись? — неожиданно спросил я.

— Что? — сначала не поняла она. — Ах, открылись! Нет, недавно совсем. Еще и двух месяцев не прошло.

...Десерт был уничтожен, как и все предшествующие ему блюда, — с большим удовольствием. Я чувствовал себя вполне удовлетворенным трапезой. Кроме того, сумма, названная Верой, была вдвое ниже той, чем я рассчитывал.

Я расплатился, мы попрощались с Верой, вышли на улицу, и я отвез Яблочко домой.

А после отправился к себе. Спать.

Приехав утром на работу, я прошел к себе. Снял куртку, присел на краешек стола. Хмурое утро за окном настраивало на глубокие раздумья, но я, к сожалению, пока не владел никакой, сколько-нибудь значимой, информацией. Да, я знал, что Клоп организовал покушение на Рюмину. Но не ведал, по чьей указке он действовал — это во-первых, и, во-вторых, следовало еще выяснить причину, по которой он пытался ее устранить. В разговоре с мужем Рюмина обмолвилась, что произошедшее может быть связано с ее бывшей работой, но тогда каким боком прислать сюда Клопа, этого бандюгу средней руки?

Теперь — Джоев. Кто он? Боевик из банды Чермоева, случайно выживший после налета нашей авиации? Возможно. Но намного проще было бы сообщить о нем первому же постовому, и Джоева обязательно проверили бы тщательнейшим образом. Она же лично увязалась за террористом, подвергая себя тем самым немалому риску. Вопрос: зачем? И потом, Рюмина была в квартире, которую снимал убитый, наверняка видела труп, но никому ничего не сказала. Странно.

Ну, и, наконец, красавица-глупышка, которая парилась сейчас на нарах изолятора временного содержания, и из-за которой заварился весь сыр-бор, — моя клиентка. Виктория Львовна Белецкая. Кому она могла так насолить, что ее решили убрать с дороги столь изощренным способом? Не легче ли просто взять и нанять киллера? Ведь убрать-то наверняка собирались именно ее, а не Джоева, которого в Ясновожске, скорее всего, никто не знает.

Мои размышления были прерваны появлением на пороге Рюмина. Он был гладко выбрит, смотрел ясным взглядом, но я, тем не менее, почему-то нисколько не сомневался, что ночь он провел без сна.

Я пожал генералу руку, предложил устраиваться поудобнее. Сам сел на свое место.

— Вы все-таки приняли решение, — сказал я, вспомнив его последние слова вчера вечером.

— Принял, как видите. Если Светлана допускает возможность утечки, ее опасения нельзя оставлять без внимания. Она не из тех барышень, которым на каждом углу привидения мерещатся... Так вы возьметесь?

— Возьмусь.

— Значит, решено. Куда мне вносить аванс?

— Секретарю, она же выпишет чек. Вот, возьмите мою визитку.

— Зачем? — удивился генерал. — Все ваши координаты мне были известны уже вчера. Пока вы по лестнице поднимались. — С тем он и вышел, оставив меня почесывать за ухом.

После того, как Рюмин, расплатившись, ушел, я придвинул к себе телефон и договорился о встрече.

... Да, я не сказал генералу, что уже нашел его жену. Не сказал по одной простой причине: я решил, что, пока не выясню имя заказчика покушения, у меня на подозрении будут находиться все, без исключения. И генерал, как сами понимаете, в эту категорию также попадает.

Глава двенадцатая

Я остановил машину у здания прокуратуры. Новенькой «девяносто девятой» Дубровина поблизости не наблюдалось. Серега, очевидно, продолжал со вчерашнего дня ходить пешком. Посмеиваясь, я вошел внутрь, массивная дубовая дверь неслышно закрылась за моей спиной.

Дубровин был у себя. Не глядя в мою сторону, он протянул руку для приветствия. Перед ним лежала раскрытая папка и какие-то документы.

— Чем занят? — поинтересовался я, пожимая ладонь и усаживаясь на свободный стул.

— Работой, в отличие от некоторых. Какие проблемы, Пан?

— Разные. — Я взял паспорт со стола, раскрыл его на первой странице. Прочел: «Белецкая Виктория Львовна», положил паспорт на место, и, кивнув на него, спросил:

— Здесь все ее документы?

— Разве не понятно? Конечно, все.

— Я загранпаспорта не вижу. Где он?

— Ах, это! Она его в турфирму отдавала, европейскую визу продлить. Там мне вчера сказали, что из Москвы паспорт приедет через два дня. Значит, уже завтра будет здесь.

— Ты с Белецкой разговаривал?

— Что за идиотский вопрос? Не один раз.

— Ты согласен, что она просто дурочка, которая круто попала?

— Возможно. Дальше?

— Зачем ты ее держишь, Дуб?

— Нужно мне, вот и держу. И буду держать, пока это возможно, чтобы настоящий убийца смог где-то расслабиться и допустить просчет.

Я с сомнением покачал головой.

— Убийце нужен был не убитый, а именно Белецкая. Поэтому он успокоится только, когда ей намотают много-много лет, и никаких ошибок до того момента он не допустит. В довершение ко всему, ожидать этого момента он будет, скорее всего, подальше отсюда, чтобы не мозолить нам глаза.

— Что ж, дай мне хотя бы один факт в обоснование твоей гипотезы.

— Пожалуйста: за Белецкой велось наблюдение. Вспомни убитых боевиков Клопа в ее дворе, которые пасли меня с самого утра на извозчике. Так вот, в тот вечер я не сказал тебе всей правды. Утро они начали со слезки за Белецкой и лишь потом переключились на меня.

— Почему же ты не сказал ничего об этом?

Я развел руками.

— А тогда я еще имел полное право блюсти свою профессиональную этику: мою клиентку ни в чем не подозревали... В общем, Дуб, тактика твоя выжидательная не годится ни к черту.

— А ты познакомь меня со своей. До того, что касается чужих идей, я жуткий плагиатор. Ну, так как?

— Никак. Нет у меня никаких наработок. Я ведь даже на месте убийства не был. Ты бы дал мне на протокол осмотра взглянуть...

Дубровин расхохотался.

— А какая длинная была прелюдия! Зачем он тебе?

— Ну, дай посмотреть, Серега. Что от тебя, убудет, что ли?

Дубровин достал из папки заполненные бланки протокола, положил их передо мной.

— Давай, только недолго, — сказал он. — Мне скоро ехать пора.

— На чем же ты поедешь? — я злорадно хохотнул. — Машину-то, поди, еще не отыскали.

— На чем надо, на том и поеду! — незлобно огрызнулся Дубровин. — А ты все-таки завистливый человек, Ваня. Жабба тебя давит, вот что я скажу. Ты — предприниматель... Как там тебя Брисеньков называет? Идеологом частного сыска?

— Виртуозом частных дознаний, — поправил я, усмехнувшись.

— Вот-вот, ты — виртуоз частных дознаний, а, в отличие от рядового госслужащего, ездить тебе приходится на ужасном монстре из помета отечественного автопрома давно забытых лет. — Дубровин сменил тон и закончил почти нежно: — Но я тебя понимаю: тут любого тоска возьмет. А может, твоя рухлядь просто дорога тебе, как память?

— Именно, Дуб. Именно, как память. На ней еще мой дедушка ездил, меня, сопляка, катал... А теперь отстань, дай сосредоточиться.

Из протокола осмотра места происшествия следовало, что труп, обнаруженный в гостиной, лежал лицом вверх. Два выстрела — в грудь и в голову — были произведены с близкого расстояния, почти в упор. Рядом лежали две стрелянные гильзы от пистолета Макарова и сам пистолет с навинченным глушителем. Серийный номер оружия был спилен. Присутствовал запах пороховой гари в стволе. Ни на пистолете, ни на гильзах, ни на патронах в обойме отпечатков пальцев найдено не было.

На журнальном столике стояли наполовину пустая бутылка шампанского и два различных по виду фужера. Один из них, со следами темной губной помады по краям, напоминал вертолет в первой фазе «мертвой петли», с изогнутым фюзеляжем.

В кармане убитого, помимо связки ключей, документов и денег, была обнаружена визитная карточка моей клиентки.

— Что ты думаешь обо всем об этом? — спросил я Дубровина, возвращая ему протокол.

— Что думаю? Наверное, то же, что и ты: подставили твою Викторию Львовну.

— Это я и без тебя знаю. Я — о ее визитке в кармане убитого.

— А что с визиткой?

— Он прекрасно знал адреса ее магазинов, телефоны, но, тем не менее, позвонил ей всего один раз и бросил трубку на полуслове. Связаться с ней он больше не пытался, плюс ко всему, снял какую-то дыру, хотя его финансы наверняка позволяли выбрать квартиру посolidнее.

— Я считаю, что за ним кто-то следил. Он заметил слежку и решил спрятаться. Возможно, подозревал, что тот, кто следит за ним, может прослушивать ее телефоны тоже. Поэтому решил пока не давать о себе знать, и ей пришлось обратиться к тебе.

— Попробуй восстановить картину убийства, Дуб, — предложил я.

— Ну, во-первых, убил его тот, кого Джоев хорошо знал. Он впустил убийцу в квартиру, возможно, даже распил с ним шампанское. Убийцей могла быть женщина, но мог быть и мужчина, тогда шампанское в этом случае — просто символ какой-то заключенной сделки или успешно проведенной операции...

— Какой, например?

— Пока не знаю. Джоев — темная лошадка, кто он, неизвестно. Ответ на запрос из ФСБ придет только к обеду.

— Ладно, давай дальше по убийству.

— Итак, Джоев был убит, а убийца принялся замечать следы. Он сполоснул свой бокал, поставил его обратно на полочку серванта: мы обратили внимание, что на всех бокалах присутствует налет пыли, и лишь один из них абсолютно чистый...

— Вот гаденыш! — деланно удивился я, вытаращив глаза для пущей убедительности.

— Да, да, — подтвердил Дубровин. — На это Юдин внимание обратил... Убийца, значит, заменил бокалы и скрылся. Ушел он, надо полагать, через крышу.

— И когда приходила Белецкая, убийца, скорее всего, находился в спальне. Раз Джоев ее туда не пустил, значит, он не хотел, чтобы она встречалась с его гостем или гостьей.

— Возможно. Но возможно, что он явился к Джоеву и после ухода Белецкой. Тетя Шура-городовой рассказала нам, что приезжала какая-то дама на красной «восьмерке», заходила в подъезд. Со слов старушки следует, что как раз эта женщина и следила за Джоевым. Накануне ее машина уже приезжала к ним во двор и уехала сразу после того, как Джоев вернулся из магазина. Да и в день убийства пробыла она в подъезде ровно столько, сколько нужно, чтобы войти в квартиру, два раза выстрелить, поменять посуду и скрыться.

— Неувязка, — возразил я. — Считается, что убийца ушел через чердак, а эта дама выходила, как все нормальные люди — из дверей подъезда. Наверное, она нашла в квартире лишь труп Джоева.

Дубровин на мгновение задумался, и выражение его лица заметно изменилось.

— Мы ее уже ищем. Описание, конечно, расплывчатое, но на успех надеемся. Тетя Шура сказала нам, что, как будто, уже видела ее где-то, только не в их дворе.

— Где она ее видела, тетя Шура и сама не знает, к сожалению. А что это за бокал-вертолет на месте преступления?

Дубровин пожал плечами.

— Какой-то авангардистский стиль в посуде. Не знаю, может, сейчас так модно стало.

— Дай-ка на фотографию взглянуть, — попросил я.

Он порывлся в папку, извлек оттуда фото, протянул мне. Я посмотрел на снимок и усмехнулся. Как там было написано? Вертолет в первой фазе «мертвой петли», с изогнутым фюзеляжем? Однако! А я вчера решил, что это — ветряная мельница без крыши.

— Чего ухмыляешься? — спросил Дубровин.

— Да так. Какой только чепухи, Серега, народ не придумает! Фотографии трупа дай посмотреть.

Дубровин выложил передо мной несколько снимков. Да, это был тот самый мужчина, фото которого отдала мне Белецкая. Джоев лежал на полу, раскинув руки в стороны. Во лбу у него зияло отверстие с десятикопеечную монету, рубашку на груди заливало темное пятно. Я обратил внимание на кисть левой руки. Мизинец отсутствовал. Я вернул снимки Дубровину и попросил:

— Знаешь, что? Устрой мне свидание с Белецкой.

— В моем присутствии?

— Если без этого никак, то ради Бога. Хоть всю прокуратуру собери. Поможешь?

— Ближе к вечеру, наверное. Я распоряджусь, чтобы ее сюда на допрос доставили. Позже позвоню, скажу, к какому времени тебе лучше подъехать.

Я уже собирался уходить, когда на столе зазвонил телефон. Дубровин снял трубку, внимательно выслушал говорившего.

— А внутри как? Вещи на местах, значит. Ладно, печать ты с собой захватил? Ну, сделай все, как надо, что мне тебя, учить, что ли? И давай сюда. Ты не забыл, нам ехать сегодня? — Он положил трубку, вздохнул и посмотрел на меня. — Печать с двери квартиры ночью сорвана. Михайлов звонил, а ему позвонила тетя Шура, доложила. Похоже, салажён местное развлекается. А не вы ли это, любезный Иван Петрович, печатенку-то с двери того... смахнули, а? Не вы ли ночью влезли в ту квартирку?

— Вот тебе крест на пузе, начальник! Да разве ж я когда... Да ничем... Да чтобы травануться мне с того бокала-вертолета... Гадом буду, гражданин прокурор!

Дубровин поморщился и процедил:

— Поди прочь, артист погорелого театра! Если узнаю, что это ты...

— Понял, шеф. А где предметы с места убийства? Бокал и все остальное?

— В ЭКБ, у Юдина. Исчезни...

Экспертно-криминалистическое бюро располагалось в нескольких кварталах от здания прокуратуры, так что добрался я туда относительно быстро. Мне нужно было увидеть своими глазами этот бокал-вертолет по одной причине: фотография с места убийства была черно-белой, а я хотел удостовериться, что оттенок его тот же, что и у фужеров из «???». Вчера я обратил внимание, что посуда на всех столах в этом ресторане — одной формы и одного цвета.

Эксперт-криминалист Дима Юдин был низеньким, лысеватым человечком сорока лет с головой яйцевидной формы. Маленькие умные глаза прятались за очками в старомодной роговой оправе. Узкие плечи, полное отсутствие шеи и нерешительное выражение лица создавали впечатление, будто Дима Юдин боится всего на свете. А более всего убеждала в том его улыбка, робкая и натужная.

— Ты же знаешь, Дим, специфика моей новой работы...

— Брось, — он слегка поморщился и махнул рукой. — Говори, зачем пожаловал?

— Дай мне взглянуть на посуду с места вчерашнего убийства. — Я назвал адрес. — Она ведь у тебя, насколько мне известно?

— Где же ей быть-то еще! Смотри, на здоровье...

Да, это был точно такой же фужер, как те, что я видел в «???». Тот же оттенок, под цвет плафонов от светильников на столах. Края его были испачканы темно-вишневой губной помадой.

— О помаде что-нибудь можешь сказать?

— Могу. Помада косметической фирмы «Л' Ореаль». Это старая помада, Иван Петрович. То есть я хочу сказать, не вчера и не позавчера губки, ею покрашенные, пили отсюда вино. Вот, смотри, — Юдин взял бокал и поднес его к свету. — Видишь, прилипший волосок. Смотри, смотри внимательней.

Я присмотрелся и действительно увидел. Молча кивнул.

— В общем, — продолжал Юдин, — этот фужер где-то пылился долгое время, и только потом в него налили шампанское и поставили на стол. Верхний слой помады успел слегка подсохнуть.

— Сколько примерно времени прошло?

Юдин неуверенно пожал плечами.

— Недели две, может, месяц. Где-то так.

Я облегченно вздохнул.

— Это хорошо. Очень хорошо, Дима. А что там насчет замков?

— Ну, с замками совсем просто. Перепилены одной ножовкой и тот, и другой.

— А как, Дима, насчет бутылочки хорошей водки, исключительно в знак моей искренней благодарности?

— И что, благодарность частных сыщиков не может определяться чем-то более существенным? Бутылочкой хорошего коньяка, например...

— Знаешь что, выполни-ка мне распечатку с камеры наблюдения. Нужна фотография нашей бедолаги-клиентки. И попробуй поймать нужный ракурс. Такой, чтобы ее сразу можно было бы узнать.

— Каков формат снимка?

— Классический: девять на двенадцать. Тебе чаю сделать?

— Спасибо, Иван Петрович, я уже, — ответила Люба, придвигая клавиатуру.

Я прошел за ширму, чтобы приготовить себе чашку чая, и когда делал последний глоток, Люба зашла в кабинет и протянула мне три снимка.

— Посмотрите, какой, на ваш взгляд, самый удачный? — спросила она.

Я на скорую руку просмотрел их и сложил все в карман.

— Думаю, все три и сгодятся, — сказал я, вставая с кресла. — Спасибо тебе, добрая женщина.

Снова — классический фасад и три вопросительных знака над входом. При дневном свете все это выглядело так же неплохо, как и вчера, в мягком свечении неона. Я толкнул дверь, вошел внутрь.

Метрдотель, солидный мужчина лет сорока, не бросился рассыпаться передо мною в извинениях. Он просто преградил мне дорогу и вежливым тоном сообщил, что нынче они закрылись раньше обычного, и откроются только в восемнадцать ноль-ноль.

— Спасибо, — ответил я. — Я сегодня уже отобедал. Я здесь — по другой причине.

— Слушаю?

— Я хороший друг вашей официантки Веры. И она заверила меня, что персонал ресторана может здорово помочь мне в одном очень важном деле. Не могли бы вы сдержать ее обещание?

Мне показалось, что метр от подобной наглости слегка ошалел. Глаза его чуточку округлились, он судорожно сглотнул и, наверняка, немедленно указал бы мне на дверь, но я вовремя прижал правую руку к своей груди и искренне произнес:

— Ради Бога, прошу меня простить, но дело действительно очень важное, от его исхода зависит жизнь человека. И... если честно, то с вашей Верой я познакомился лишь вчера вечером, и она, конечно же, ничего мне не обещала. Так смогу я рассчитывать на вашу поддержку?

— Что вы хотели?

Я достал распечатку кадров видеозаписи, протянул ему.

— Мне нужно, чтобы ваши девушки очень внимательно посмотрели на снимки и сказали, когда последний раз приходила сюда эта дама. А самое главное, с кем она приходила. Женщина, согласитесь, эффектная, не запомнить такую очень трудно. Если в тот день была ваша смена, может, и вы ответите на мой вопрос.

Мэтр довольно долго рассматривал все три снимка, после чего отрицательно покачал головой.

— Вы правы, — сказал он. — Если бы я ее увидел, то уж не забыл бы. Но, к сожалению, я, скорее всего, в тот день не работал, а мой прежний сменщик погиб три недели назад. Его машина сбила... Пойдемте-ка в служебку, поговорим с девочками. Только сначала обождите минутку, я на дверь крючок накину...

Девушки-официантки тоже очень внимательно разглядывали снимки, но также ничего утешительного сказать не смогли.

— И последний вопрос, граждане, — сказал я, убирая их в карман. — Часто ли с ваших столов пропадает посуда?

Все заулыбались, причем мэтр улыбнулся шире остальных.

— Наше заведение хоть и недорогое, но все же разную шваль пускать сюда, знаете ли, не принято. Нет, такого я что-то не припоминаю, чтобы у нас вилки или тарелки пропадали.

Тут голос подала девушка, стоявшая чуть поодаль.

— Это вы не припоминаете. А Вера один раз недосчиталась бокала на столе. Она потом просто оформила его как разбитый и деньги в кассу заплатила.

— А поподробнее вы можете рассказать об этом? — спросил я.

— Вера говорила, — продолжала девушка, — что как-то раз, примерно месяц назад, села за ее столик парочка одна, такая вся из себя, солидная. Дама в длинном вечернем платье, кавалер в костюме дорогом. Ну, посидели они, поужинали, потом деньги заплатили и попросились еще на несколько минут задержаться, пианиста послушать. Вера оставила их и ушла. А когда вернулась, смотрит — ни их за столом, ни бокала на столе. Вот такая история.

Я протянул ей мобильный.

— Позвоните, пожалуйста, Vere прямо сейчас, обрисуйте ситуацию. Если спросит, кто интересуется, скажите, что вчера она обслуживала меня и свою хорошую подругу.

Девушка набрала номер, поговорила с кем-то около минуты и вернула телефон.

— Мать говорит, что ее нет, будет ближе к вечеру. Может, вы сами к ней заедете, адрес я вам дам.

— Был бы вам очень признателен, — ответил я. — И еще хочу попросить, если кто-нибудь станет интересоваться этим делом, вы расскажите этому человеку абсолютно все, а потом сразу же обязательно звоните мне. Вот моя визитная карточка. Договорились? — И я протянул ей свою визитку.

Глава **тринадцатая**

Я попрощался с метрдотелем и в приподнятом настроении вышел из ресторана.

— Иван Петрович Панин? — услышал я за спиной, когда подошел к машине.

Я обернулся и увидел двух мужчин представительной внешности: классические костюмы, строгие галстуки, аккуратные прически.

— Да, — ответил я. — Панин Иван Петрович — это я.

Один из них продемонстрировал корочку служебного удостоверения.

— Федеральная служба безопасности. Вам необходимо проехать с нами.

— Так, может, я на своей? — кивнул я на «старушку». — А вы покажете дорогу...

— Не нужно, — ответил первый, улыбнувшись краешком рта. — Ваша машина двинется следом.

Подошел третий, протянул руку. Я вздохнул, вручил ему свои ключи и забрался в черную «Волгу». Они расселись по разные стороны от меня.

«Ну, как в плохом кино!» — молча усмехнулся я, когда «Волга» плавно отъезжала от тротуара.

Кабинет был большой, просторный, с огромными окнами и массивным дубовым столом, из-за которого навстречу мне поднялся невысокий, плотного телосложения, человек, одетый в серые брюки и болотного цвета джемпер.

— Прошу, Иван Петрович, располагайтесь, — предложил он, указав рукой на стол для заседаний. — Я — полковник Гатчин, но можете называть меня просто Олегом Михайловичем... Итак, — сказал он, когда я устроился за столом, — я распорядился доставить вас сюда, чтобы поговорить о вашем последнем деле... Прошу прощения, о ваше текущем деле — убийство Тимура Джоева.

Я сделал недоуменное лицо, Гатчин пояснил:

— Час назад я разговаривал с Дубровиным, и он мне заявил, что знает вас уже много лет, а потому допускает, будто вы можете утаивать какую-то ценную информацию... Одним словом, мне нужно знать все, что известно вам. Абсолютно все.

— А если я сейчас стану колотить себя пяткой в грудь и доказывать, что не знаю ничего? Вы со мной согласитесь?

— Вряд ли, — холодно усмехнулся Гатчин. — И, как следствие этого, вы запросто сможете остаться без лицензии.

— Охотно верю, конечно. Олег Михайлович, прошу вас, не нужно вести себя со мной, как с провинившимся пятиклассником. Я готов предоставить вам всю информацию, но мне, в свою очередь, ужасно любопытно узнать, почему убийство рядового московского бизнесмена так заинтересовало Федеральную службу безопасности?

Раздумывал Гатчин недолго.

— Джоев — не рядовой московский бизнесмен, — ответил он. — Убитый был нашим сотрудником. К стати, одним из лучших. Восемь лет назад нам удалось внедрить его в банду Ахмада Чермоева, командира одного из крупнейших бандформирований на Северном Кавказе. Внедрялся он как рядовой бандит, но за два года смог подняться до уровня, скажем так, первого заместителя. В общем, он стал правой рукой Чермоева...

— Уж не под именем ли Сослана Коцоева действовал ваш сотрудник?

— Об этом знали лишь единицы, Иван Петрович, — медленно проговорил Гатчин.

— Но сейчас-то вряд ли стоит делать из этого секрет. Коцоев мертв, Чермоев — тоже, остальные три тысячи бандитов также отправились к Аллаху. Или остались еще люди, которых следовало бы опасаться?

— Остались, — подтвердил Гатчин. — По меньшей мере, двое. Это родной брат Чермоева — Руслан и постоянный подручный Руслана — Фамиль Абдуллаев. По нашим последним данным, бандиты вполне могут находиться в городе, и, если это так, то прибыли они сюда для казни Коцоева и еще одного человека. Кого, говорить не имею права.

— И не нужно, Олег Михайлович. Я догадываюсь, о ком идет речь. Скорее всего, это — Светлана Рюмина, урожденная Власова. Она вела репортаж из лагеря Чермоева перед самым разгромом банды.

— С каждой секундой вы удивляете меня все больше и больше.

— Расскажите мне ту историю, товарищ полковник. Тем более, что кое-какая информация стала достоянием гласности. Боюсь, скрывать вам теперь почти нечего.

— После того, как поступила письменная директива о немедленном уничтожении чермоевских головорезов, его отряд искали больше года, — начал Гатчин. — Три тысячи человек — не иголка, но все попытки оставались тщетными. Коцюев неотлучно находился при командире и выйти на связь, чтобы сообщить место дислокации, не имел возможности. И тут на помощь нам пришел сам Чермоев. Решил пригласить в банду тележурналистов, чтобы те сделали оттуда репортаж. Такая, знаете ли, миниатюрная пиар-акция.

— Но я слышал, что это именно Коцюев убедил Чермоева в необходимости передачи.

— Значит, вас неправильно информировали. Инициировал съемку сам командир, а Коцюев лишь занимался организацией. Само собой, из лагеря он никуда не выезжал, но когда съемочную группу с завязанными глазами доставили в лагерь, Коцюев постоянно находился рядом, сделался для ребят своеобразным гидом. Ну, и контролировал сам процесс съемки, следил, чтобы на пленку не попало ничего лишнего, охранял, так сказать, тактические секреты бандитов. А перед отъездом телевизионщиков незаметно вручил Власовой точные координаты банды и телефон, по которому она должна была позвонить и сообщить, что через два дня банда выступает для совершения крупного террористического акта. Тот теракт должен был стать одним из самых крупных в истории новой России. Коцюев понимал, что времени стянуть к месту дислокации бандитов сухопутные силы мы не успеем, поэтому передал через Власову предложение поднять штурмовики. Он вызвал огонь на себя и погиб... По крайней мере, мы так думали до недавнего времени.

— Что же произошло в действительности?

— А в действительности... А в действительности, как мне теперь кажется, он уже тогда принял решение работать на себя. В ночь налета штурмовиков он застрелил Чермоева, прихватил кое-какую наличность из «кассы» бандитов — несколько сот тысяч долларов — и ушел из-под удара подземным лазом. Предварительно повесил на обезображенный труп одного из бандитов свой медальон, отрезал сам себе мизинец на левой руке и бросил палец недалеко от трупа. Этот палец и этот медальон и ввели нас в заблуждение. Все решили, что Коцюев мертв.

— Но из трех тысяч банды он уцелел не один?

— Именно. Я уже говорил вам, что в городе могут находиться Чермоев и Абдуллаев. Для чего они здесь, вы также знаете — Чермоев мстит за брата.

— Каким же образом к ним попали сведения, на которые они сейчас опираются?

— Как думаю я, Чермоев просто сопоставил факты. Рюмина не отлучалась от Коцюева все время, пока находилась в лагере, а на следующее утро после ее отъезда прилетели самолеты. Как Чермоев нашел ее здесь, неизвестно. Также неизвестно, каким образом он вышел на Коцюева с его пластической операцией и новым паспортом.

— Коцюев сделал себе пластическую операцию?

— Да. Полностью изменил внешность. Поэтому меня и удивляет, как Чермоев сумел до него добраться.

— Минуточку, Олег Михайлович. Непохоже, чтобы с Коцюевым расправился Чермоев. Убей его бандиты, они его просто убили бы и не стали бы мудрить с инсцениров-

кой. Подбрасывать чужие бокалы и так далее... Тем более, что они подъезжали к дому и даже заходили в подъезд, но выскочили оттуда через минуту, сильно при этом бранясь. По всей видимости, обнаружили в квартире лишь труп нужного им человека.

— Вот как! Я этого не знал.

— Ну, все показания свидетелей присутствуют в деле. Вы, наверное, просто еще не успели с ним ознакомиться.

— Вы правы, — согласился Гатчин, — не успел.

Нас перебил легкий стук, дверь открылась, и на пороге возник его подчиненный.

— Разрешите, товарищ полковник?

— Зайди, — ответил Гатчин. — Что у тебя?

— Я только что от генерала. Он говорит, что его жене вчера кто-то пытался организовать автокатастрофу — перерезали тормозные шланги. Рюмина выжила, однако где она сейчас, никто не знает. Вчера она связывалась с генералом, но не пожалела назвать свое местонахождение, опасалась прослушки. Генерал для ее поисков нанял некоего частного детектива. Его фамилия Панин, бывший капитан милиции... Какие будут указания, Олег Михайлович?

— Никаких, Игорь. Свободен пока. — Гатчин повернулся ко мне: — Итак?

— Вы хотите знать, что мне известно? Мне известно самое главное: Рюмина жива, и я знаю, где она скрывается. Я видел ее лично, правда, поговорить с ней не было возможности — она спала после доброй дозы снотворного.

— И где она спала?

— А вот об этом, товарищ полковник, я не скажу до поры даже генералу. Достаточно того, что мне известно о ее хорошем самочувствии, и это — главное. Обо всем остальном она сама вам расскажет, при встрече.

Гатчин раздумывал о чем-то несколько секунд.

— Чермоев? Непохоже. Он сначала душу из нее вынул бы и только потом убил... Тогда кто бы это мог быть?

— Не трудитесь, Олег Михайлович. У меня уже есть догадка, кто поработал над тормозными шлангами. Только пока это всего лишь догадка, и сначала мне необходимо ее перепроверить. Позже я вам сообщу результат. Вы тут обмолвились, что Коцов решил работать на себя. Что вы имели в виду?

— То и имел, что сказал. Вы слышали об ограблении грузовика с бриллиантами в Москве две недели назад?

Я утвердительно кивнул.

— Его работа. После того, как он уложил пятерых своих поделщиков, там, в Москве, на пуговице куртки одного из них он оставил отпечаток пальца. Вот тогда-то мы поняли, что Коцов жив-живехонек. Но о том, что его труп всплывет здесь, в Ясно-волжске, мы, разумеется и думать не могли. Это явилось для нас полной неожиданностью... Иван Петрович, что вы сами думаете о... Белецкой, по-моему, так?

— Да, Белецкая, — подтвердил я и рассказал Гатчину всю историю, от начала до конца. В заключение прибавил то же, что говорил недавно Дубровину. — Тому, кто убил Джоэва — или Коцова, это как вам больше нравится, — нужна была только Белецкая. Потому что подставить с самого начала собирались именно ее, и никого другого. Эксперт-криминалист сказал мне, что бокал с ее пальчиками слишком долго пылился где-то, и только потом его принесли и поставили на стол, рядом с трупом. У меня есть слабая догадка о том, кто может быть причастен к этому убийству, но она так же, как и в случае с Рюминой, требует тщательной проверки. Поэтому пока я воздержусь от комментариев. А сегодня вечером надеюсь получить описание того, кто мог этот фужер забрать из ресторана... Как видите, Олег Михайлович, я рассказал вам все, что мне известно наверняка.

— Вот мои телефоны, капитан. — Полковник выложил передо мной визитную карточку. — Держите со мной связь. Как только вам что-нибудь станет известно, сразу звоните.

— Могу я попросить фотографии Чермоева и Абдуллаева?

Гатчин открыл тонкую папку и достал оттуда две фотокарточки. Положил их передо мной.

— Пожалуйста. Знать их в лицо вам необходимо, потому что не исключена возможность встречи. И помните: эти двое очень опасны. Очень, капитан. — Он нажал кнопку селектора на своем столе: — Игорь, проводи капитана до выхода...

Значит, это Джоев умыкнул бриллианты в Москве. Тут у него камней не обнаружили, выходит, их забрал убийца. И он, стало быть, совершил убийство не только для того, чтобы подставить Белецкую, как я ошибочно полагал ранее. Мотив здесь — десять миллионов долларов в бриллиантах, которые находятся сейчас у преступника, и которые очень скоро уедут далеко отсюда. Очень далеко.

Гатчин, конечно, считает меня за круглого идиота. Ну, и пусть считает. Делу это — не помеха.

Я повернул ключ в замке зажигания и направил машину в аэропорт.

В здании аэровокзала было шумно и суетливо.

Я поднялся на второй этаж, отыскал ресторан. Справа была всего одна дверь. Постучавшись, я толкнул ее и вошел.

У стола стояла женщина, являвшаяся, по всей видимости, Изольдой Кругловой. Как мне охарактеризовала ее Белецкая? Строгая дама бальзаковского возраста?

— Что у вас? — спросила она низким грудным голосом.

Я продемонстрировал свою лицензию на частную охранную деятельность. Перехватив ее недоуменный взгляд, стал объяснять цель визита. Когда добрался до самого главного, редкие брови Изольды подпрыгнули на несколько пунктов. Я ожидал услышать возглас изумления, но вместо него услышал твердое утверждение:

— Этого не может быть, молодой человек. Потому что быть не может, в принципе.

— Я, честно говоря, тоже склоняюсь к тому же мнению.

— Вы меня неправильно поняли. Я имела в виду, что быть не может того, чтобы Вика даже заподозрили в каком-то преступлении. Она бы этого не допустила, ни в коем случае.

— Что-то я не пойму вас, — искренне признался я.

Круглова указала на стул возле стола.

— Присаживайтесь, Иван Петрович. Думаю, у меня найдется, во что вас посвятить. Признайтесь, я вас заинтриговала. Что ж, проясню ситуацию: вы — далеко не первая и, надеюсь, не последняя жертва невинных шалостей Виктории.

Я все еще не понимал, куда она клонит.

— Иван Петрович, после вашей первой встречи с Викторией как вы для себя ее охарактеризовали? Можете не отвечать, скажу сама: взбалмошная дура, до конца наивная, немного капризная. Так?

Я медленно кивнул.

— И почти все считают ее таковой, — продолжала Изольда, — за исключением единиц. Стиль такой у Вики — представлять себя окружающим эффектной женщиной с полным отсутствием мозгов. Меня ей, конечно, долго водить за нос не удалось. Я жизнь прожила и повидала разного. Однажды на мой прямой вопрос, для чего ей это, Вика пожалала плечами и дала волю откровенности. Выходило, что поначалу она просто дурачилась таким образом, а потом... А потом утвердилась в мысли

оставить все, как есть. Знаете, как она сама себя называет? Хамелеоном. Свой стиль поведения использует исключительно для самозащиты, чтобы уберечься от хищников. Согласитесь, таковых немало в наше время.

— И эффективно использует? — холодно осведомился я.

— Не знаю. Этот прием — выставить себя пустышкой — она использует в качестве превентивной меры. На всякий, скажем, пожарный. Но я ни разу не слышала, чтобы у Вика появился хотя бы один враг. Их у нее нет и быть не может, потому что Вика — исключительно добрый, мягкий человек.

— Однако в убийстве она все же оказалась замешана.

— Чуть собачья! — отрезала Изольда. — Чтобы Вика... А кого убили?

— Некого Тимура Джоева. Имя вам знакомо?

Изольда наморщила лоб и через секунду кивнула.

— Да. Вика заходила на днях, чтобы выяснить, есть ли оно в списке пассажиров. Я поискала и сообщила, каким рейсом этот человек прибыл. Ни до, ни после я о нем ничего не слышала.

— Вы Белецкую хорошо знаете?

— Конечно. Если бы не разница в возрасте, мы легко смогли бы стать подружками.

— Тогда ответьте, есть ли человек, имеющий определенный зуб на Викторию?

— Пока не вижу никого, кто хотел бы ей зла. А почему вы спросили?

Я вкратце пересказал историю с фужером и добавил:

— На нем обнаружены ее отпечатки.

— Абсурд какой-то! — воскликнула Изольда. — Не мешала она никому. Повторюсь еще раз: чуть все это!

— Изольда Борисовна, этот Джоев. Он прилетел...

— Два дня назад, — опередила меня Изольда

— Когда вы просматривали списки пассажиров, не бросились ли вам в глаза другие нерусские фамилии. Скажем, азербайджанские или чеченские. Может быть, выходцев из Средней Азии.

Она как-то неуверенно пожала плечами.

— Вроде не было таких. Но к чему гадать: были — не были. Сейчас найдем нужные файлы и все узнаем наверняка. — Дама бальзаковского возраста решительно придвинула к себе клавиатуру компьютера.

...Приблизительно через час совершенно бесплодных поисков Круглова обессиленно откинулась на спинку стула.

— Ничем не могу вас порадовать, — она устало вздохнула. — Ни чеченских фамилий, ни афганских, ни африканских. Ничего. Я просмотрела все рейсы, отовсюду, не только из Москвы, но... Так что, уж не обессудьте.

— Спасибо вам. И извините за то, что отнял у вас время. — Я пошел к двери и вдруг услышал:

— Подождите-ка! Я только сейчас вспомнила: в тот день был еще один самолет, не пассажирский. Военный транспорт из Чечни, с нашим ОМОНОм.

— Когда он приземлился?

— В тринадцать-пятнадцать, сразу после московского рейса. Только вряд ли вам это чем-нибудь поможет: военные не берут на борт левых пассажиров.

— Как знать, Изольда Борисовна, — я еле заметно пожал плечами. — Но все равно — спасибо...

Я вставил ключ в замок зажигания, в кармане запищал телефон.

— Здравствуйте, Иван Петрович, — услышал я знакомый голос. — Это вас Наталья Брагина беспокоит. У меня новость, но я не хотела бы по телефону. Вы сможете подъехать прямо сейчас?

-
- Новость как-то связана с делом вашей хозяйки?
— Мне трудно судить. Давайте, я при встрече все расскажу, а вы уж сами будете решать: связана она или не связана.

Глава четырнадцатая

Брагину я нашел в столовой — этакой кают-компании, где служащие обедали и устраивали торжества по случаю очередного праздника. Наталья сидела за столом, покрытом белоснежной скатертью, и пила чай с абрикосовым вареньем. Я поздоровался, пристроился у краешка стола, от предложенного угощения отказался и спросил:

— Что стряслось, Наталья Николаевна?

Она вяло усмехнулась и ответила с горькой иронией:

- Принимаем поздравления, Иван Петрович: у нас теперь новый хозяин.
— Вот как? — удивился я от всего сердца. — И кто же он? Или это — она?
— Нет, новый хозяин — мужчина. Это — Стас Крушинский, жених Вики.

— Стоп, стоп, стоп, Наталья Николаевна! Давайте-ка все по порядку. Во-первых, кто вам сообщил об этом?

— Стас и сообщил. Он уехал совсем недавно, я звонила вам после его ухода. Оказывается, Вика переписала магазин на его имя чуть больше месяца назад. А несколько позже он выписал ей доверенность на управление предприятием сроком на один месяц. Срок действия документа истек сегодня, и Стас заехал, чтобы представить мне все бумаги и сообщить, что, если я не против, он хотел бы меня видеть в качестве управляющей.

— Вы согласились?

— Разумеется, согласилась. Я привыкла здесь...

— А как он собирается поступить с остальными сотрудниками? Уволить?

— Нет. Все остается по-старому, потому что у него на этот счет уговор с Викой.

— Значит, управляющая фирмой — вы. А куда Белецкую?

— Я тоже его спросила. Он ответил, что Вика пока не может исполнять свои обязанности, в силу известных обстоятельств. А на мой вопрос, как же он намерен поступить с ней в дальнейшем, когда закончится эта ужасная история, Стас заявил, что намерен на ней жениться, а значит, Вика не будет работать вообще.

— Занятно, однако. У него астрономические гонорары?

— Не знаю ничего о его гонорарах, — раздраженно отмахнулась Брагина.

— Послушайте, Наталья Николаевна, ваша приятельница готовится к свадьбе, вы назначены управляющей фирмой, штат фирмы остался без изменений... Отчего же столь постное уныние омрачает ваше чело? — Я едва заметно усмехнулся.

Она слегка пожала плечами, зачерпнула чайной ложкой варенье и, подумав немного, оставила ложку в розетке.

— Не знаю. Не нравится мне выбор Вики. И никогда не нравился.

— Чем же вам не нравится господин Крушинский?

— Нехороший он. — Она неприязненно передернула плечами. — Злой и напыщенный франт. А вы с ним знакомы, с Крушинским?

— Знаком, конечно. Он — мой клиент. Нанял меня для выяснения причин, по которым подставили его невесту.

— И какие у вас ощущения после беседы со Стасом?

— Никаких, — соврал я. — Мы общались не более пяти минут.

— Как вам его хвостик на затылке? Вернее, то, что должно называться хвостиком.

— Не понимаю, при чем здесь его хвостик. По словам Белецкой, у Стасика огромный потенциал в том, что касается юриспруденции, а хвостик... А хвостик наверняка отрастет.

— Стас мне неприятен, Иван Петрович, — сказала Брагина. — Он — самодовольный глупец.

— Простите, Наталья Николаевна, этот разговор может отнять у нас много времени, и я очень тороплюсь. Если пожелаете вернуться к диалогу, мой телефон у вас есть. А мне, к сожалению, уже пора. Работа, пардон, не ждет...

На улице я достал телефон, набрал номер. Ответили сразу. Назвав себя, я поздоровался и спросил:

— Не могли бы мы увидеться прямо сейчас, Станислав Гордеевич? Нам с вами есть о чем поговорить.

— Сейчас не могу, к сожалению, — прогудела трубка хорошо поставленным голосом. — Будет вам удобно часа, скажем, через полтора-два?

— Вполне.

— Я буду у себя, — и Крушинский отключился.

Я забрался за руль и двинул «старушку» в другой конец города, к своему старинному и очень хорошему товарищу, с которым не виделся уже полгода.

...Встреча была без бурных изъятий чувств, но достаточно теплой. Виктор, так звали моего приятеля, находился в той степени опьянения, когда вроде бы и можно добавить еще, но лучше все-таки пропустить, а пуще того — остановиться вовсе.

— Когда вернулся-то? — спросил я.

— Позавчера. Вчера всю нашу бумажную братию обходил, ну, а сегодня — первый день в отпуске.

— Отвоевался, стало быть.

Он пожал плечами.

— Да как тебе сказать... Немного погодя снова поеду.

— Неужели не надоело? — удивился я. — Эта командировка какая уже по счету?

— Четвертая. Привык я там, Ваня, скучно мне здесь. Обстановка не та: спокойно слишком. Один-два раза в месяц съездить на захват — разве это дело! — Виктор махнул рукой, потянулся к бутылке, наполнил стакан наполовину.

Подождав, пока он выпьет, я спросил:

— Обратно вы летели одни? Я имею в виду, только отряд находился на борту?

— Почему только отряд? Экипаж там еще был, — с тяжелым выдохом ответил Виктор.

— Естественно, был, как же без него-то! Ну, а левых брали на борт?

— Откуда известие о леваках?

— Если скажу про сорокин хвост, ты все равно не поверишь. Кто это такие, Вить?

— Они помогли группу террористов обезвредить. Бандиты взрыв на майские готовили, а эти ребята явились к нам с информацией: так, мол, и так, по такому-то адресу находится бандгруппа в таком-то составе, с таким-то арсеналом вооружения. Когда захват проводили, одного из наших ранило, так тот чеченец автомат его подхватил и — в самое пекло, как был, без бронезилета и остальной амуниции. В общем... Жизнь он мне спас, Ваня. Я с одним террорюгой лицом к лицу оказался, и в тот момент мой «калаш» заклинило. Пока я выбрасывал бы перекошенный патрон, бандит бы меня уделал — сто пудов. И тут информатор наш нарисовался. Короче,

снял он моего террорюгу, рукой мне махнул и — дальше работать. А работал, я тебе скажу, по-настоящему. Почти, как профи.

— И тебе это не показалось странным? Что работает он, как профессионал?

— Нет, Вань, не показалось. Он — чеченец, а чеченец уже рождается, если не с автоматом, то с ножом в руках — это железно.

— И потом, конечно, они попросили взять их с собой на борт?

— Да. А я не отказал. Документы в порядке были, чего еще надо! Руслан, так заводити звали, сказал, что в Ясновожск, со своими кунаками, свататься летит. Невеста у него здесь, в общем.

— Сколько их было?

— В комендатуру, с информацией о банде они вдвоем явились, а летело с нами четверо. Слушай, Вань, скажи правду, как ты про них узнал?

— Фамилия Чермоев тебе говорит что-нибудь?

— Конечно, говорит. Руслан Чермоев — братишка погибшего Ахмада — в федеральном розыске уже четыре года значится. А что?

Я достал из портмоне фото боевиков и бросил их на стол перед Виктором.

— Они летели с вами?

— Они самые... Откуда у тебя это?

— Фамилии назвать, или сам догадаешься?

— Погоди, ты хочешь сказать, что один из них — Чермоев?

— Ага. Я фотографии в контрразведке получил, а с ними — недостоверные сведения о том, что бандиты сейчас могут находиться в Ясновожске. Но ты все сомнения разом смахнул: боевики в городе.

...Через несколько секунд комната содрогнулась от оглушающего хохота Виктора.

Крушинский встретил меня в своем кабинете. Конечно же, личным кабинетом Станислава Гордеевича данное помещение не являлось — на двери висели пять табличек с фамилиями других адвокатов, а внутри, кроме рабочего стола Крушинского, стояли еще четыре.

Крушинский был один. Я вошел, устроился на стуле рядом. Поинтересовался причиной, по которой Белецкая заявила ему отвод.

— Я сам ей посоветовал, — помявшись, ответил Крушинский. — Дело, на мой взгляд, глухое. Мне его не потянуть.

— Почему вы не сказали об этом по телефону?

Он слегка поморщился.

— Не люблю я по телефону подробности выкладывать. Лучше при встрече...

— В какую фирму она собирается обращаться?

— Не знаю. Я предлагал не расторгать договор с нашей, лишь поменять юриста, но Вика, — тут Крушинский слегка скрипнул зубами и чуточку побледнел, — сказала, что у нее есть один знакомый адвокат, очень хороший.

— Очень хороший адвокат или очень хороший знакомый? — спросил я, изо всех сил стараясь хранить серьезное выражение лица.

— Адвокат, Иван Петрович. Хороший адвокат.

— А что вы сами думаете об убийстве? Кому оно могло понадобиться? И, вообще, кто такой этот убитый, и что она делала в его квартире?

— Как сказала мне Виктория, — Крушинский снова здорово изменился в лице, — Джоев собирался инвестировать некую сумму в ее бизнес. Он прилетел в Ясновожск для переговоров с ней.

— С ней? — удивился я. — Насколько мне известно, хозяин «Флер Шарман» — вы, а значит, и договариваться Джоев должен был с вами.

-
- Так то, оно так, да только уговор у них возник, когда еще Вика фирмой владела.
- Вы знали о том, что приезжает инвестор?
- Нет. О его существовании и о цели его приезда я узнал в ИВС. Когда встречался с Викторией.
- Она вам ничего не говорила, почему решила увидеться с ним с утра пораньше?
- Сказала, что он позвонил ей неожиданно, утром, и предложил приехать к нему.
- Наверное, для того, чтобы обговорить детали?
- Наверное...
- А сами вы где были в это время?
- На девять часов у меня была назначена встреча с Викой. Я ждал ее в своей машине у сквера Тукая.
- Дождались?
- Нет. Позже она позвонила и сообщила, где находится. Звонила уже из милиции.
- Вы знакомились с материалами дела?
- Конечно.
- Что это за бокал, на котором обнаружены ее отпечатки?
- Крушинский пожал плечами.
- Какой-то вертолет в «мертвой петле». Не знаю...
- Что за вертолет? Опишите подробнее.
- Я не видел фотографий, читал только протокол осмотра, — вяло отозвался «без пяти минут Плевако».
- Похвально, Станислав Гордеевич! — воскликнул я, удерживая себя от того, чтобы выдать ему грустную ухмылку. — Похвально... Сегодня я встречаюсь с Викторией Львовной. Передать ей что-нибудь?
- Да. Скажите, что я думаю о ней ежесекундно...

Глава **пятнадцатая**

Взгляд ее был затравленным, потухшим, не лишенным определенной нервозности, цвет лица, несмотря на то, что прошло больше суток с момента задержания, не изменился ничуть. Одета она была в ту же одежду, что у меня в офисе, в свое последнее посещение, на умытом лице я не увидел и следа косметики.

Дубровин поднялся из-за стола, зачем-то откашлялся в кулак.

— Я оставлю вас ненадолго, — объявил он. — Общайтесь.

Дубровин вышел, а Белецкая подняла на меня зеленые глаза, полные искренней надежды.

— Иван Петрович, заберите меня отсюда, — взмолилась она.

— У меня сегодня состоялся разговор с Изольдой Борисовной, — поставил я ее в известность. — Говорили о вас. Беседа была теплой и откровенной.

Взгляд ее оставался прежним. Вот только лицо сделалось совершенно серьезным, и его украсила грустная улыбка.

— Простите меня. Простите, что позволила себе водить вас за нос. Но это произошло само собой, по привычке.

— Круглова открыла мне истоки этой привычки. Но объясните, для чего нужна такая линия поведения? Ведь у вас нет врагов. Об этом уверенно заявили все, кто с вами близко знаком.

— И я подтверждаю их слова: явных врагов нет. Однако никто не может быть уверенным в существовании тайных противников. Как видите, у меня таковые отыскались. Но кто эти люди, ответить не могу — не знаю.

— Как насчет Клопа?

— А что Клоп? — Белецкая как-то безучастно пожала плечами. — Он — просто мешок с опилками, который кто-то, неизвестно, зачем, поставил на верхнюю полку в чулане.

— Но очень злопамятный, этот мешок с опилками. Вы ничем не могли его разозлить? Насколько мне известно, вы не откидывали Клопу ежемесячные суммы. Как вам удалось с ним договориться, Виктория Львовна?

— Можно, я не буду отвечать на этот вопрос? Могу поручиться чем угодно, что к моей проблеме он не имеет никакого отношения. Честно, Иван Петрович.

— Как хотите, можете не отвечать. А свой магазин на Крушинского вы сами переписали? Без всякого давления?

— Что за странное предположение! — удивилась Виктория. — Конечно, сама.

— Зачем?

— Как вам объяснить... Это что-то вроде свадебного подарка. У меня нет родителей, у него — тоже. На правах старшей, я сочла себя обязанной презентовать свой магазин. Нам обоим. Между нами говоря, юрист он никакой. И рассуждала я так: если Стаса сможет увлечь занятие бизнесом, то он, возможно, похоронит свою юриспруденцию в свинцовом гробу и попытается добиться чего-то в жизни на ниве коммерции. И не обязательно заниматься цветами. Не понравится — магазин всегда можно продать и начать новое дело.

— Никак не могу понять, для чего он вам, — медленно проговорил я.

— Магазин?

— Да нет, Виктория Львовна. Я Крушинского имею в виду.

— Ну, знаете! — возмутилась Белецкая. — То, что вы работаете сейчас на меня и для меня, не дает вам права... Добрый он. Добрый и застенчивый. Ну, как ребенок.

— Когда вы приняли решение отказаться от его услуг?

— Вчера. Сразу после того, как подписала договор.

— Зачем же тогда подписывали?

— Не хотела с ходу объявлять Стасу о его несостоятельности. А сегодня Стас сам завел разговор о смене адвоката. Признался, что такого серьезного дела ему не поднять. У меня просто гора с плеч свалилась: я не хотела, чтобы он заподозрил меня в том, что я считаю его полным профаном в своем деле. Кому же я могла помешать? — неожиданно воскликнула Виктория. — Ведь ни с кем не вела серьезных дел. Серьезных настолько, чтобы из-за них можно было пойти на убийство.

— Давайте поговорим о фужере с вашими отпечатками, — предложил я.

— Сергей Валерьянович показывал его. Вчера, когда меня задержали. Знакомая вещь, но где я могла видеть ее, никак не вспомню.

— А что вы можете сказать о ресторане «Три вопроса»? Просто три вопросительных знака подряд.

— Ну, как же, конечно! — лицо Белецкой внезапно просветлело. — Мы со Стасом ужинали там один раз, чуть больше месяца назад. Ресторан тогда только-только открылся, — она резко умолкла и всплеснула руками. — Точно! Бокал из этого ресторана. Но... Вы ведь не думаете, что это Стас его украл, а потом подбросил на место преступления! Правда, не думаете, Иван Петрович?

— Если честно, то я пока не знаю, что и думать, — ответил я. — Когда вы вчера рано утром звонили Крушинскому, каков был предмет разговора?

— Не было никакого разговора, — ответила Виктория. — Нет, правда, вчера утром я ему не звонила, если не считать звонка из вашего офиса. Потом звонила только после того, как меня доставили в отдел милиции. Было это в районе двенадцати.

— И вы не договаривались с ним о встрече у сквера Тукая?

— Да нет же, повторяю!

Я вздохнул, побарабанил по столу пальцами.

— Знаете, что, Виктория Львовна, похоже, наше свидание близится к концу.

— А что? Что случилось?

— Посидите здесь, я пойду поищу Дубровина, — отрезал я вместо ответа...

Я остановил машину неподалеку от адвокатской конторы, где работал Крушинский. Его машина стояла у входа. Достав телефон, я набрал номер.

— Это Панин. Я только что виделся с Белецкой.

— Как она? Что говорит?

— Для вас — ничего светлого. Она не подтвердила факта вашего уговора о встрече у сквера Тукая. Где вы были в тот момент, Станислав Гордеевич?

— Не понимаю. Я уже объяснял вам...

— Я помню, что вы объясняли. И еще один нюанс: фужер с ее отпечатками. Этот фужер похищен из ресторана «Три вопроса». Вы были там с Викторией, и у меня почему-то все выводы напрашиваются сами собой.

— Я снова ничего не понимаю. Какие выводы?

— Ну, например, теперь я могу ответить на вопрос, почему вы не ознакомились с фотографиями, сделанными на месте убийства. Зачем человеку тратить время на осмотр предметов с места преступления, если он УЖЕ знает, как это место выглядит? А свое положение вы осложнили еще и тем, что отказались вести защиту Белецкой. Дело осталось за малым: думаю, официантка, которая обслуживала ваш столик, легко сможет опознать вас.

— При чем здесь официантка?

— Так вы соберите все воедино, а ответ всплывет самостоятельно... Одного не могу взять в толк, Станислав Гордеевич, в чем кроется причина всего этого? Магазин? Но он и так был уже вашим. Ревность? Не слишком ли жестоко отправлять любимую женщину в лагеря на пару десятков лет? М-да... Будет лучше, если вы сами явитесь с повинной. — И я, отключившись от линии, медленно положил трубку на сиденье рядом.

Прошло больше часа, но Крушинский не появлялся. Начинало темнеть. Я продолжал наблюдать за входом в контору: машина адвоката по-прежнему стояла на месте.

Запищал телефон. Мне показалось, сигнал звучит настойчивее обычного. Я ответил и услышал:

— Добрый вечер. Это официантка из ресторана, звоню вам насчет Веры... Короче, только что заходили два каких-то амбала, спрашивали ее адрес. Я им сообщила, как мы с вами и договаривались, а теперь звоню вам.

— Спасибо. А они не обращались друг к другу по имени?

— Постойте... Да, обращались. Одного из них зовут то ли Таракан, то ли Жук, в общем, какое-то насекомое. Ой, забыла я, простите.

— Ничего страшного. А не Клоп ли его зовут?

— Точно. Хорошо, что вы напомнили... Именно Клоп.

— Продиктуйте мне адрес Веры, пожалуйста, — попросил я и, наскоро нацарапав в блокноте несколько слов, врезал по газам.

Глава **шестнадцатая**

Въехав во двор, где жила Вера, я увидел новенький, с иголочки, джип Клопа. Сам Клоп и его дружок находились рядом и пытались захихнуть в этот момент в салон

автомобиля девушку, одетую в желтый плащ до колен. Я не видел ее лица, но короткий плащ цыплячьего оттенка подсказал мне, кто мог являться его хозяйкой.

«Яблочко!» — взорвалось у меня в голове, правая нога утопила педаль акселератора до отказа. Мощный движок «старушки» взревел, как оглашенный, и иномарка стала увеличиваться в размерах с каждым мгновением.

Бандиты, видимо, поняли, что сейчас должно произойти — они полностью потеряли всякий интерес к Яблочку. Лобовое стекло «старушки» поочередно украсили три пулевых отверстия. Выстрелов я не слышал, видел только их вспышки. Зато отчетливо слышал громкий хлопок в салоне: лопнуло и рассыпалось заднее «старушкино» стекло.

Убирая ногу с педали газа, я успел пробормотать только: «Ты прости меня, моя «старуха», — но слово «старуха» произносил, уже кубарем вываливаясь наружу, в приоткрытую дверцу машины.

А потом двор встал на дыбы, я почувствовал резкую боль в левой ключице.

Раздались команды Клопа:

— Пузырь, вали девку в салоне! Глюк, делаем мента по-быстрому!

Прогрели два выстрела. Одна пуля врезалась в асфальт, в метре от меня, другая гулко ударила в стенку контейнера, за которым я лежал.

— А где мусор-то? — голос незнакомый, мерзкий и гадкий.

— Ну, где еще мусору быть! За контейнером он. Обойди его, Глюк!

Я потянулся к своему «вальтеру», но, услышав быстрые шаги совсем рядом, понял, что не успею его вытащить. Бандит должен был появиться через секунду, и я пришел к неутешительному выводу, что действовать против него мне придется голыми руками. И тут я увидел рядом с собой обломок белого кирпича с острыми краями. Поднял его, попробовал на вес. Кирпич оказался достаточно тяжелым. И я швырнул его.

...Глухой звук удара кирпича был перекрыт грохотом выстрела. Над головой у меня просвистела пуля, Глюк судорожно икнул и вытаращил глаза. Когда, наконец, до него дошло, что можно стрелять снова, я уже стремглав несся в его направлении.

Глюк автоматически нажал на спуск, и снова грянул выстрел.

В тот миг, когда я столкнулся с бандитом, за моей спиной раздались еще два выстрела. Стрелял, вероятно, Клоп.

Мы, в обнимку с Глюком, рухнули на багажник «ушастого» «Запорожца», припаркованного рядом, Глюк, в момент падения, больно ударился об этот багажник спиной, издал надрывный стон, а я, тем временем, боднул его лбом в подбородок. Голова бандита резко запрокинулась, однако увлечься мне не стоило — сзади находился Клоп, и он продолжал стрелять. К счастью, пока безрезультатно, но каждый следующий выстрел мог запросто стать для меня роковым.

Поэтому я упал на колени и схватил обеими руками кисть Глюка, сжимавшую пистолет. Клоп, за мгновение до того, как мне упасть на колени, поймал мою спину в прицел и стал нажимать на спуск. Однако ударник спускового механизма вонзился в холодный капсюль патрона как раз тогда, когда я уже находился уровнем ниже. Пуля, выпущенная Клопом, вошла в горло Глюку, который к тому времени почти поднялся с багажника. Он покачнувшись, выронил пистолет мне в ладонь и повалился обратно, заливая старую эмаль алой кровью. Голова мертвого бандита ударилась о заднее стекло машины, высадив его, и Глюк, перекатившись через левый бок, мешком упал на асфальт...

Оглянувшись, я увидел Клопа, шагающего в мою сторону с пистолетом наизготовку и исказившимся от ярости лицом.

...Дверь его джипа оставалась открытой. Неожиданно оттуда донесся громкий женский крик. На самой высокой ноте он оборвался — прогремели подряд два выстрела, и стало очень тихо...

Ярость на лице Клопа на короткий миг уступила место удовлетворенной злоеющей ухмылке, но через секунду лицо снова было перекошено ужасающей гримасой. Я начал подниматься с колен, разворачиваясь одновременно через левое плечо и вытягивая руку с пистолетом в направлении наступающего. Я видел, как напрягся его указательный палец на спуске, слышал, как он процедил сквозь зубы: «Я мечтал об этом много лет, сволочь!», но... тут произошло нечто.

Я уже почти выпрямился в полный рост, мне оставалось разогнуть всего одно колено, как в этот момент я поскользнулся на небольшой лужице солидола, взмахнул руками, теряя равновесие, и распластался на залитом кровью багажнике в тот момент, когда Клоп выстрелил. Пуля пролетела мимо, но обойма была уже пуста — затвор пистолета зафиксировался в крайнем заднем положении. Клоп чертыхнулся, ловко выбросил ненужную обойму и также ловко вставил новую.

Теперь он никуда не спешил — его противник остался безоружным: падая, я ударился кистью о крышу машины и выронил свой трофей, захваченный у Глюка. Клоп подходил ко мне медленно, гадливо ухмыляясь.

«Отличный вечер для того, чтобы сдохнуть», — подумалось мне, и тут я почувствовал, что моя правая ладонь накрыла какой-то предмет цилиндрической продолговатой формы. Я не видел его, но на ощупь предмет был сделан из пластика, и мне до чертиков захотелось, чтобы вещь эта оказалась автомобильным огнетушителем. Только автомобильным огнетушителем и ничем иным.

Хвала Фортуне: под руку мне попался именно огнетушитель. Нащупав пальцем клапан, я выбросил руку вперед, в направлении лица бандита. Раздался сухой щелчок — затвор пистолета встал на свое место, — и Клоп собирался уже послать в меня пулю, когда я привел в действие запорно-пусковое устройство баллона.

Мощная струя ударила в глаза Клопу. Все пространство вокруг пронизал его истошный вопль. Клоп, опустив голову, собрался прижать обе руки к ослепшим глазам, но в правой у него находился пистолет с патроном в стволе и взведенным курком... И в тот момент, когда рука с оружием находилась возле лица, раздался выстрел.

Пуля вошла бандиту в правый глаз, а вышла с левой стороны черепа, захватив добрую половину височной кости. Клоп замертво упал, уткнувшись лицом в асфальт.

— Бей врага его же оружием, — пробормотал я и подумал, что расхожая поговорка, раз за разом, начинает наполняться вполне реальным смыслом.

...В тот миг, когда Клоп только начинал заваливаться на бок, я бросил огнетушитель, спасший мне жизнь, и попытался подхватить выпавший из руки Клопа пистолет. Я подхватил его — мне повезло, потому что из салона джипа показался тот самый громила, с которым мы так непринужденно снесли вчера дверь в моем кабинете. В руке у него, естественно, находился пистолет, и мне не надо было долго раздумывать, что Пузырь собирается с этим пистолетом делать. Другими словами, я, почти не целясь, четыре раза подряд выстрелил ему в грудь. Не попасть по Пузырю было очень трудно, как вы сами понимаете. И я попал. Все четыре пули достигли своей цели. Пузырь с наивным выражением лица медленно привалился плечом к дверце автомобиля, глаза его оставались открыты, не мигая, Пузырь смотрел прямо перед собой.

Глава семнадцатая

Заткнув пистолет за пояс, я опротясь бросился к машине, где на земле, у правой задней дверцы, без движения лежала девушка. Но когда я подбежал к ней, она уже пришла в себя.

— Ваня? Что с Верой?

Я юркнул в салон, где на заднем сиденье находилась подружка Яблочка. Девушка сидела, откинув голову назад, не подавая признаков жизни. Расстегнутый плащ открывал взгляду белоснежную кофточку, на которой медленно расплывалось большое багряное пятно. Я тронул ее запястье. Кожа была теплой, я ощутил слабеющие импульсы.

— Телефон есть? — бросил я через плечо, обращаясь неизвестно к кому. Я все еще не знал ее имени. — Звони в скорую, срочно!

Я решил не трогать Веру до приезда медиков. Оставив ее, вернулся к Яблочку. Та к этому времени заканчивала разговор с дежурным «Скорой помощи». Убрав трубку в карман, она подняла на меня влажные от слез глаза.

— Что с ней?

— Она жива. Давай отойдем.

— Ты милицию вызвал?

— А зачем? — удивился я. — Туда врачи позвонят. Как раз сейчас и звонят, наверное. Ну, или жильцы уже вызвали.

Она схватила меня за рукав куртки.

— За что они нас? Что мы им сделали?

— Ты — ничего, — вздохнул я. — Им Вера нужна была. А тебя они решили прихватить, чтобы лишнего свидетеля не оставлять.

— Свидетеля?

— Конечно. Отвезли бы вас куда-нибудь в лес, там бы и порешили. Ну, потом закопали бы, возможно. А возможно, и не стали бы... Тебе сегодня здорово досталось?

— Хватило.

— От которого из них?

— Он еще спрашивает! Твоя машина меня и ударила.

Я посмотрел виновато, исподлобья:

— Ты меня прощаешь?

Она прижалась щекой к моей груди:

— Дурацкий вопрос, Ванечка!

...Вой сирен раздался, когда я закончил беглый осмотр своей «старушки». К моему огромному облегчению и удивлению, транспортное средство мое пострадало слабо: смята была левая сторона капота, отсутствовала фара и решетка радиатора. Но движок весело заурчал, стоило мне лишь повернуть ключ. С довольным видом я выключил зажигание и вышел из машины.

С подножки подъехавшего «уазика» соскочил Дубровин. Увидел меня и фыркнул:

— Ну, конечно! Правильно Михайлов со мной спорить не стал — иначе проиграл бы червонец.

— О чем спорить собирались? — осведомился я.

— О том, увидим мы тебя здесь или нет... Ну, что? Скажешь, опять они друг друга перестреляли? То есть, без твоего участия.

— Да ты, Дуб, просто ясновидец! — проговорил я с восхищением. — Как всегда, все — в цвет!

— Правда? И от инфаркта сегодня никто не помер?

Я развел руками.

— Нет, к сожалению. Наверное, просто не успел — я его застрелил вовремя.

— Кого?

— Не знаю. Какого-то Пузыря. Там он, с той стороны машины лежит.

— Что с остальными?

— Хлопоненко ухлопал сначала какого-то Глюка, а потом и себя нечаянно.

— Хлопоненко? Клоп, что ли?

— Ага, — простецки ответил я. — Вон валяется, сердечный. Пойди, взгляни в последний раз.

— Ну что ж, давай все подробно: как ты здесь оказался и с какой целью, зачем им понадобились девушки, и так далее.

— С удовольствием. Тем более, что у меня и свидетель имеется, который слова мои подтвердить сможет. Это — одна из потерпевших. Начинать прямо сейчас?

Дубровин слабо пожал плечами. Подошел Михайлов.

— Позвольте ваш пистолет, Панин, — попросил он.

Я вручил ему оружие. Он понохал дульный срез и удивленно спросил:

— Чистый?

— Конечно. Я из этого стрелял, — вынул я из-за пояса и протянул ему ствол Глюка.

— Опять у бандюков отобрал! — усмехнулся Дубровин. — А из своего-то что не стреляешь? Для кого бережешь?

— Для кого надо, для того и берегу, — отмахнулся я, вкладывая пистолет в кобуру.

— Ты почему обманул меня вчера? — неожиданно спросил Дубровин.

— Не понял.

— Когда заявил, что не знаешь женщину, которая у Джоева на хвосте висела.

— Я тебя не обманывал. Вчера я действительно не знал, кто она такая.

— Ну, а сегодня?

— А сегодня ты и сам, вижу, в курсе-ракурсе. Чего тогда спрашиваешь?

— Может, знаешь также, кто на нее покушался?

Я кивнул на труп Хлопоненко.

— Он и покушался. Возможно, и не самолично, но приказ он отдавал.

— Как ты это выяснил?

Опять пришлось врать.

— Не выяснил — предположил. Я следил за ним какое-то время, и Клоп однажды выбросил спичечный коробок. Я коробок поднял, а на нем — адрес генерала. Ну, я и сопоставил.

Дубровин вопросительно посмотрел на Михайлова.

— Клоп, хоть и успел набрать вес в своем окружении, но чтобы тягаться с сильными мира сего... Зачем ему супруга замминистра?

— Затрудняюсь, Валерьяныч, — честно признался Михайлов.

Я тронул Дубровина за локоть.

— Ты, Дуб, пошарил бы в его карманах. Если это привычка такая, телефоны да адреса на спичках записывать, то, может, и в этот раз какой-нибудь адресок нарисуетя.

Дубровин пожал плечами и, натянув резиновые перчатки, зашагал к трупу. Вернулся он, держа в руках коробок.

— Запиши, — обратился Дубровин к Михайлову, продиктовал номер. — И пробей прямо сейчас, ладно?

Когда Михайлов удалился, я посмотрел на Дубровина.

— Странно все это.

— Странно — что?

— Клоп собственной персоной сюда явился. Разве нет у него шестерок?

— Последние дни в городе что-то непонятное творится, — удивил меня Дубровин. — Похоже, за бригаду Клопа кто-то решил взяться всерьез: позавчера еще четверых его людей ухлопали.

— Конкуренты?

— Трудно сказать. Сам-то Клоп жив был до сегодняшнего вечера.

Подошел возбужденный Михайлов.

— Валерьяныч, ты знаешь, чей это телефон?

— А вы, Михайлов, у меня спросите, — предложил я. — Вдруг я угадаю. Не Крушинского ли?

— Точно, его.

— Объявляйте в розыск, немедленно, — посоветовал я. — Да так, чтобы побольше людей об этом узнало.

И я рассказал почти обо всем, что мне было известно по делу, о своем последнем разговоре с Крушинским и о том, что произошло недавно в этом дворе. Закончил я словами:

— А у палаты потерпевшей не забудьте выставить охрану. Скорее всего, Станислав Гордеевич не успокоится, пока не уберет еще одного свидетеля.

— Почему — еще?

— Потому что одного свидетеля он уже, похоже, убрал: мэтра из ресторана «Три вопроса». Того самого ресторана, откуда был похищен бокал с отпечатками Белецкой. Этого мэтра три недели назад насмерть сбила машина. Ты бы узнал о том ДТП подробнее: нашли водителя или нет?

— Но это же глупо, Пан! — воскликнул Дубровин. — Одного свидетеля убрал, другого... Есть же Белецкая, в конце концов. До нее-то он добраться не сможет. Глупо, черт побери!

— А он — глупый, Сережа. Он — очень глупый.

Глава **восемнадцатая**

... — Я боюсь за Веру. Господи, хоть бы все обошлось! — глаза у Яблочка были полны слез. — Как ты думаешь, она выживет?

— Мне нечего думать, думают врачи. А они говорят, что оба ранения не смертельны, никаких жизненно важных органов не задето. Доктор предположил даже, что завтра она сама сможет двигаться. Дойти до туалета, например... Ей здорово повезло, твоей подруге. Пусть Клопа поблагодарит за это.

— Клопа?

— Конечно. Отличную команду подобрал себе этот выродок.

Мы возвращались из больницы. Оставшуюся часть пути проделали молча. Моя спутница не сказала ни слова и тогда, когда я на всех парах пролетел поворот к ее дому и направил машину в сторону своего жилища. Момент для долгих разговоров был никудышный: мы оба слишком много пережили за сегодняшний вечер. Чересчур много.

Абдуллаев стоял в подъезде уехавшего со стрелки бандита, на один пролет ниже его квартиры. Чермоев подстраховывал напарника пролетом выше, два других боевика находились на улице и должны были подать один условный знак, если объект появится в одиночестве, и совсем другой сигнал, если он покажется у подъезда в компании с кем-то.

Ждали долго, до поздней ночи. Наконец, мобильный Абдуллаева промурлыкал мягким электронным тремоло. Это означало, что нужный им человек приехал один. Боевики переглянулись, приготовились.

Лифт поднялся на этаж, бандит вышел из него и направился к двери квартиры.

— Постой, брат, — окликнул его Чермоев. — Вопрос к тебе есть.

Парень остановился.

— Как ты меня нашел? — удивленно спросил он, узнав Чермоева.

Но тут у его уха раздалось характерное потрескивание, парень сильно дернулся и, закатив глаза, рухнул на пол.

— Взяли, Руслан, — проговорил Абдуллаев, убирая в карман электрошокер. — Ах и тяжелый он, наверное!

Они взвалили бандита себе на плечи и поволокли вниз, к машине.

...Он очнулся подвешенным за руки к потолку полутемного подвала. Обвел глазами помещение, различил неясные очертания четырех человек. Услышал их голоса.

— Света добавь, — обратился Чермоев к одному из бандитов. — А ты паяльник приготовь. — Он посмотрел на пленного. — Ты здесь один, друзей среди нас у тебя нет. Выйдешь через эту дверь живым и невредимым, только если ответишь на все наши вопросы. Если нет, будем эти вопросы из тебя выбивать. Не получится — вытягивать станем. И вытянем. Перед смертью все равно заговоришь.

— Да пошел ты! — сквозь зубы процедил пленник.

И тут на его голову и туловище посыпался град ударов. Били сильно, руками и ногами, били сразу все четверо. Лицо постепенно превращалось в распухшее кровавое месиво: глаз затек, нос вздулся, губы потеряли свои привычные очертания, несколько ребер оказались сломаны, парню стало трудно дышать, но он продолжал держаться — он все еще молчал.

— Ну? — снова потребовал Чермоев. — Ответы будут?

— Ты меня лучше сразу убей, чурбан необструганный, — прошептал парень.

— А ты что шепчешь? — деланно удивился Чермоев. — Голос потерял? Так я тебе его сейчас быстро верну. Отвечай быстро!

— Мне Клоп приказал, — просипел парень.

— Зачем?

— Не знаю. Я сделал все, как было велено.

— Что сделал?

— Перерезал тормозные шланги и следил за машиной, пока она не перевернулась.

— Где это было?

— На двадцать четвертом километре магистрали Ясновожск-Аэропорт.

— Что стало с женщиной? Она погибла?

— Я не знаю. Не подходил к машине.

— Почему?

— Я... я трупов боюсь... — и парень уронил голову на грудь. Подошел Чермоев.

— Голову подними, — спокойно приказал он и плавным движением перерезал парню горло. Затем скомандовал: — Уходим!

Глава **девятнадцатая**

...Проснувшись, я никого не увидел рядом с собой. Моя одежда аккуратно висела на спинке стула, на тумбочке лежала записка.

«Ваня, я ушла. Прошу, не ищи со мной встреч. Ночь была просто чудесной, но наступило утро, и все стало по-другому. У тебя снова твоя работа, страшная и опасная, а я не хочу однажды потерять дорогого человека. Чувствую, ты можешь стать мне близким и родным, если наши отношения продолжатся. Лучше самой сжечь все мосты. Прости».

— Какая дальновидная, какая мудрая молодежь пошла! — проворчал я раздраженно и, натянув трусы, отправился умываться...

Когда я вошел в приемную, в моем кабинете всюду трезвонил телефон.

Я подбежал к нему, снял трубку и услышал голос Дубровина.

— Мы тут вчера успели кое-что раскопать относительно Крушинского, — заявил Дубровин. — Оказывается, они с Хлопоненко — двоюродные братья, представляешь! Тетка Крушинского — мать Клопа — сообщила, что росли мальчики вместе и были, по сути, родными. Клоп — старше на несколько лет и все время проявлял о младшеньком просто братскую заботу. Даже умывал его каждый день, когда Крушинский был еще ребенком.

— Выходит, он по просьбе Крушинского следил за Белецкой? — предположил я.

— Скорее всего. И если это так, значит, Крушинский подозревал Белецкую в неверности.

— Наверное, давно подозревал. И, похоже, знал о существовании Джоева. Так что, теперь тебе осталось упаковать Станислава Гордеевича.

— Ну, подробные ориентировки разосланы еще вчера.

— В больницу их не забыли передать?

— Никак нет, товарищ маршал всех родов войск, — отчитался Дубровин. — Передали в первую очередь.

Я усмехнулся и попросил:

— Мне бы съездить с Верой пообщаться? Дашь добро?

— Бери, что ж с тобой сделаешь! Только вряд ли она пришла в себя. Слишком тяжелое ранение.

— Врачи мне вчера сказали, что опасности для жизни нет.

— Но я-то не врач... В общем, Михайлов две минуты назад туда выехал. Если поторопишься и успеешь до его отъезда из больницы, то увидишь ее. А без него тебя к ней не пустят.

Я уже собрался уходить, но вдруг вспомнил, для чего же заезжал в офис. Подошел к искалеченному шкафу, открыл одинокую створку.

— Когда же я надевал тебя последний раз, дружок? — пробормотал я, снимая с плечика свои доспехи. — Давненько, надо полагать.

Я терпеть не мог мотаться по городу в бронезилете, но вчерашняя стычка с Клопом и его гвардейцами заставила меня по-другому взглянуть на предстоящие неудобства: я попросту махнул на них рукой.

До больницы я добрался быстро. Захлопнув дверцу, оглянулся по сторонам, приметил в дальнем углу стоянки оперативную машину УВД. Значит, Михайлов уже прибыл.

Водитель «жигуленка», дремавший за рулем, был мне знаком. Я подошел, побарабанил пальцами по стеклу. Он открыл глаза, узнал меня, слабо улыбнулся. Открыл дверь, вышел на воздух.

— Ты Михайлова привез?

Кивок.

— Давно?

— Не очень. Он сначала к заведомому зайти собирался, в хирургию.

У заведующего хирургическим отделением мне сказали, что майор Михайлов вышел от них около пяти минут назад. Получив подробные инструкции, как найти палату где лежит интересующая меня пациентка, я двинулся в указанном направлении.

Было тихо, у стола дежурной медсестры переговаривались между собой две девушки в белых халатах.

Вот одна из них направилась к двери с надписью «Кастелянша». Девушка вошла внутрь, и в ту же секунду я услышал оттуда ее пронзительный визг.

Этот визг подействовал на меня, как удар хлыста: я мгновенно ворвался в бельевую. То, что я там увидел, меня несколько не удивило: безжизненное тело мужчины с разбитым затылком лежало на тюках с грязным бельем, залитых кровью, медсестра, стоящая у входа, продолжала истошно вопить, поднеся ладони к перекошенному от ужаса лицу.

Чтобы прекратить эту истерику, я резко толкнул сестричку в плечо.

— Чего орешь? Или забыла, где работаешь? Давно привыкнуть пора. — Перевернув пострадавшего лицом вверх, я узнал Михайлова. Пощупал его запястье, посмотрел на медсестру. — Окажи первую помощь, жив он, — бросил я и выбежал из бельевой.

Повернув за угол, я увидел сержанта-охранника возле распахнутой наружу двери палаты. Лицо его было удивленно-испуганным, зубами он сжимал глушитель пистолета. Того, кто держал этот пистолет, я не видел — мешало матовое стекло открытой двери. Виднелись лишь руки преступника: в одной находилось оружие, другая сграбастала лацканы форменной куртки милиционера. Преступник, пятясь спиной, входил в палату, охранник послушно следовал за ним.

Моя ладонь скользнула к наплечной кобуре, одновременно я крикнул:

— Крушинский, не надо! Не делайте этого!

Ответом мне был громкий хлопок. Затылок сержанта словно раскололся надвое, кровь брызнула на светлый глянцевый пол.

До двери оставалось сделать всего пару шагов, и я их сделал: с разбегу саданул плечом в дверь, а та, в свою очередь, ударила стоящего за ней убийцу. Вслед за этим сработали извечные законы динамики: мой толчок отбросил убийцу в палату, а сам я врезался лбом в стену рядом с дверью. В мгновенно наступившей тьме я услышал звон разбитого стекла, после чего стал медленно сползать на пол.

Не знаю, каким чудом, но я нашел в себе силы не потерять сознание. Восстановив равновесие, открыл дверь и ворвался в палату. Тут ноги мои автоматически подогнулись, я услышал характерный присвист, а потом увидел, как массивная вешалка из нержавеющей стали проносится над моей макушкой. Держал ее совершенно лысый мужчина в темных очках, одетый в белый больничный халат. Его пистолет, который, по всей вероятности, вылетел из руки от удара дверью, валялся в углу, неподалеку.

Послышался неприятный скрежет металла: острая подставка вешалки вонзилась в стену справа от меня, отколов приличный кусок штукатурки, и застряла в цементном шве между кирпичами. Бритоголовому оставить бы в покое эту вешалку и броситься к оружию, которое преспокойно отдыхало в своем углу, но парень попытался освободить застрявшую в стене подставку. Несколько раз подряд он дернул ее на себя, чем я не преминул воспользоваться. Мой кулак описал небольшую дугу, угодив в переносицу преступнику. Из носа его брызнули первые несколько капель крови, темные очки слетели, упали на пол и разбились. Парень покачнулся, выпустил из рук свое орудие. Вешалка со стуком упала на пол.

...Глаза бандита яростно сверкнули из-под белесых бровей, и мне показалось, что на носу у парня сидят еще одни очки, хотя их, разумеется, и в помине не было. Мысленно я обозвал себя конченным болваном: передо мной стоял Станислав Гордевич Крушинский, собственной персоной. Я не узнал его в новом обличье, скорее всего, так же Крушинскому удалось перехитрить и бедолагу-сержанта, у которого наверняка имелось фото убийцы...

Я попытался ударить еще раз, но Крушинский ловко увернулся и нанес мне мощный боковой слева. Он выполнил его по всем правилам бокса: пятка-бедро-плечо, вложив в удар всю силу. На голову мне буквально свалилась серия уда-

ров. Каждый из них в отдельности не причинил бы ощутимого вреда, но все вместе они, наносимые один за другим, лишили меня способности четко ориентироваться в пространстве: я почувствовал, как пол выскальзывает из-под ног. Крушинский, вытянув руки перед собой, бросился на меня, распластавшегося в центре палаты. Мои ноги согнулись, и он упал грудью прямо на подошвы моих ботинок.

Немного усилия, и он отброшен назад, прямо к больничной кровати, на которой лежала Вера. Краем глаза я успел заметить, что девушка находится в сознании и, не двигаясь, со страхом наблюдает за происходящим.

И я, и Крушинский вскочили одновременно, он снова, ни секунды не раздумывая, бросился на меня. Мы обменялись несколькими ударами, почти ничего не значащими для обоих. Правда, в последний раз кулак Крушинского довольно основательно поддел мой подбородок, и я на полшага отступил назад.

Когда Крушинский вновь двинулся в наступление, я изловчился и, как говорят самбисты, «поймал его на плечо». А после потянул Крушинского на себя и, когда он под действием силы инерции оказался прижатым к моей спине, резко разогнул колени и завершил бросок. Крушинский рухнул на ту самую вешалку, ударом которой пытался угостить меня в самом начале.

Острая подставка металлической трубы прошла его, как вязальная спица клубок шерсти. Раздался неприятный хруст, и я увидел окровавленный конец стальной пластины, торчащий из груди адвоката.

Когда я приблизился, Крушинский был еще жив. Ярости в его взгляде больше не было. Он смотрел на меня сквозь прикрытые веки, прерывисто дыша.

— Зачем, Станислав Гордеевич? — задал я риторический вопрос.

Но Крушинский не успел ответить. Он был мертв...

Глава **двадцатая**

Бросив на него последний взгляд, я повернулся к Вере — девушка была сильно напугана. Я поднял с пола стул, опрокинутый во время схватки, присел рядом с кроватью.

— Вы узнали его? — спросил я, кивнув на мертвое тело.

С трудом разлепив ссохшиеся губы, она слабо мотнула головой:

— Лицо смутно знакомое. А где видела — не помню.

— Попробуйте дорисовать волосы. Раньше он забирал их в хвост... Ну, получается что-нибудь?

Вера сосредоточенно нахмурила лоб, и в следующую секунду лицо ее просветлело.

— Вспомнила! Он был у нас в ресторане.

— И?

— Что — «и»? Ничего. Просто мне его дама запомнилась. На ней было надето длинное ярко-красное платье из муара, и оно очень шло ее рыжим волосам. Эффектная женщина... Но стойте! Точно, после их ухода я недосчиталась бокала на столе. Нехорошо получилось: люди, на первый взгляд, приличные, а фужер пропал. Я, конечно, никому ничего не стала говорить, оформила его как разбитый и деньги в кассу внесла, но все равно, неприятно. Зачем он им понадобился? На память? Иван Петрович, — позвала она и повторила настойчивее: — Иван Петрович!

Боковым зрением я уловил легкое движение у двери. На пороге стоял Михайлов. В одной руке у него находился пистолет, другую он прижимал к разбитому затылку, рана продолжала кровоточить, левая ладонь Михайлова была вся в крови.

Он перешагнул через труп Крушинского, уселся на свободный стул и сконфуженно посмотрел на меня.

— Меня его новая прическа с толку сбила, очки и белый халат — проворчал майор, указывая на убитого. — Хитрая скотина. Ишь, замаскировался! А что с вами, Панин?

Я пожал плечами.

— Вам когда-нибудь приходилось чувствовать себя полным идиотом?

— И он еще спрашивает! Конечно, приходилось! Только что, когда меня вот этот скинхед пистолетом по макушке треснул. — Михайлов поморщился от боли и вздохнул. — Что-то последние дни трупы, как с неба, сыплются. Сегодня под утро еще одного нашли, все из той же шайки.

— Из бригады Клопа? — уточнил я.

— Ага. Его от души помучили перед смертью. И вот пальцы с тормозных шлангов машины Рюминой совпадают с отпечатками убитого. Покойничек этот катастрофую устроил.

— Что же вы раньше молчали! — воскликнул я, доставая из кармана телефон. — Когда он умер?

— Нашли его под утро, еще теплым.

— Мне нужно ехать, — объявил я. — Все показания позже я подробно изложу на бумаге. А сейчас сделаю звонок, только прошу вас, Михайлов, не предпринимайте поспешных шагов и ничему не удивляйтесь. То, что вы услышите, всего лишь предположения, и возникли они у меня только что.

Я переговорил с абонентом, постаравшись придать своему голосу иную окраску. Когда убирал мобильный в карман, Михайлов смотрел на меня, приоткрыв рот.

— Давайте договоримся, что до поры об этом — никому ни слова, — попросил я. — Встретимся у Дубровина через пару-тройку часов... Если, конечно, живы будем. — И с этими словами помчался вниз, прыгая через две ступеньки.

У дорожного указателя с надписью «Конь» я сбросил газ, принял вправо, и моя «старушка» резво запрыгала по колдобинам раскисшей от дождей грунтовки.

...Калитка была заперта изнутри: Митрич, похоже, внял моим наставлениям. Я перемахнул через забор, скрипнув тяжелой дверью, вошел в сени. Громко позвал:

— Хозяева!

В ответ — ни звука. Мимоходом я прикинул, что прошло больше суток с момента моего последнего визита сюда, а значит, действие успокаивающего, которое приняла Рюмина, уже закончилось. Я крикнул Митрича еще раз и, снова не получив ответа, толкнул дверь в комнату.

Рюмина стояла на коленях, в центре. С лицом, посеревшим от страха в тон лезвию ножа, игравшего матовым отливом у ее горла. Нож находился в правой руке Чермоева, левой бандит держал Светлану за волосы. По обе стороны от них располагались еще два субъекта, мне не известные, с пистолетами наготове.

Естественно, увиденное побудило меня к активным действиям: рука автоматически дернулась к напелченной кобуре. Но пальцы не успели даже нащупать рукоятку вальтера — светелка неожиданно взорвалась кровавыми брызгами, раскололась на части, и я почувствовал, что проваливаюсь куда-то вниз, прямо в щели между половыми досками, каждая из которых превратилась в черную, бесконечную пропасть.

«Абдуллаев приложился», — успело мелькнуть в моем мгновенно онемевшем затылке, прежде чем я полностью отключился.

Очнувшись на полу, я увидел, что лежу возле печки, и надо мной возвышаются две фигуры. Абдуллаев рассматривал лицензию на частную охранную деятельность

и о чем-то разговаривал с Чермоевым. Два других боевика молча стояли на прежнем месте, возле Рюминой.

— Он опять живой, Руслан, — проговорил Абдуллаев и посмотрел на меня. — Ты кто, и кого ты хотел здесь?

— Зачем тебе это? — удивился Чермоев. — Давай быстро убьем их и будем уходить. Не хочу опоздать на самолет.

Абдуллаев неуверенно склонил голову на бок.

— Ну, давай, убьем. Ты продолжи с этой, — он кивнул на Рюмину, — отрежь ей голову. А я этого сейчас закончу. — Он уронил удостоверение мне на грудь, достал из-за пояса кольт.

Чермоев крутанул в пальцах нож с широким лезвием и сделал шаг в направлении центра комнаты. Абдуллаев взвел курок пистолета и направил свое оружие на меня.

Я почувствовал, как похолодели кончики пальцев, как напрягся позвоночник, как почти полностью онемела шея. И в этот момент грянул выстрел...

Он заглушил треск разбившегося стекла в окне, выходящем во двор. Прозрачные осколки со звоном посыпались на пол, один из боевиков, находящийся возле Рюминой, упал навзничь, опрокинув стол, на котором стояла банка свежей сметаны.

Стол ружья, возникший в разбитом окошке, мгновенно переместился правее, в направлении Абдуллаева. Тот уже вскинул руку, чтобы упредить находящегося на улице, но не успел. Ружье снова выстрелило, и Абдуллаев, покачнувшись, схватился за левое плечо.

Раздались несколько выстрелов подряд. Это Чермоев и второй боевик палили по разбитому окну. Свой кинжал Чермоев отбросил в сторону, и тот упал недалеко от меня. Но, чтобы дотянуться до ножа, мне нужно было каким-то образом миновать Абдуллаева, который уже почти справился с первыми болевыми ощущениями, и у него в руке все еще находился пистолет.

И тут, справа от себя, я увидел обыкновенную кочергу. Закопченный стальной крюк был прислонен к стенке печи, у самого поддувала. Я схватил кочергу и, что было силы, ударил ею Абдуллаева под коленную чашечку. Тот выронил пистолет, рухнул на одно колено и схватился рукой за поврежденную голень, издавая громкие стоны.

Вскакивая с пола, я не успел подобрать кольт, упавший слишком далеко от меня, почти у самой двери. Левой рукой я смог дотянуться лишь до ножа, в правой у меня по-прежнему находилась кочерга.

Я метнул эту кочергу в Чермоева, который уже перемещал мой вальтер в моем направлении. Бросок оказался более или менее удачным: кочерга угодила Чермоеву прямо в лоб. Бандит вскрикнул, выронил пистолет и, схватившись обеими руками за голову, отступил на два шага.

Опять раздались выстрелы. Стрелял третий боевик, но все пули, к счастью, прошли мимо. А вместо последнего выстрела я услышал звонкий щелчок: патроны кончились. Нас разделяло несколько шагов, когда бандит, отбросив пистолет, сделал шаг в мою сторону. Он наступил в разлитую по полу сметану, а я в этот момент совершил кувырок через голову. В финальной стадии этого акробатического элемента я резко разогнул поджатые ноги и нанес ими удар в голеностопные суставы своего противника. Удар был сильным, а сметана, в луже которой боевик стоял в тот момент, свела на нет почти всю силу трения. Ступни его ног поехали назад, а сам бандит, взмахнув руками, рухнул прямо на меня. Мне оставалось только подставить нож, что я и сделал.

Лезвие с громким хрустом вонзилось ему в грудь.

— Ак... Ак... — умирая, он хватал ртом воздух.

Вскакивая на ноги, я краем глаза успел заметить, что творится у входной двери. В проеме ее материализовалась рослая фигура Митрича с двустволкой в руках. Ружье было не заряжено: оба курка — спущены. Абдуллаев со звериным рыком бросился на хозяина дома, но был остановлен одним мощным ударом приклада в челюсть. Однако даже такой сильный удар не свалил бандита с ног, а лишь заставил его на секунду замешкаться. Но и этого мгновения Митричу было достаточно, чтобы схватить Абдуллаева за грудки и несколько раз подряд садануть коленом под дых. Когда же бандит на какое-то время потерял способность что-либо соображать, Митрич, не долго думая, просто окунул его голову в бак с питьевой водой.

Тут с колен поднялась Рюмина и заслонила от взгляда Митрича с Абдуллаевым, а в следующую секунду над моим ухом уже пролетала пуля. Она угодила в сервант позади меня, разбив вдребезги несколько тарелок. Я повернул голову и увидел Чермоева. На его лице была написана устрашающая решимость, в руке бандит держал стечкина с дымящимся стволом.

По-моему, я уже доводил до вашего сведения, что самая милая моему сердцу музыка — это свист пули. Точно. Именно с этого момента я и начинал свое повествование...

Глава **двадцать первая**

Виктория сидела спутулившись, безвольно опустив плечи, казалось, она вот-вот расплывется. Дубровин, участливо наморщив лоб, поинтересовался:

— Что с вами, Виктория Львовна?

— Ничего. — Она сокрушено затрясла головой. — Ничего. Но Стас! Как же он мог так со мной? А какой овечкой притворялся все это время! Убить человека из-за пошленькой ревности! Меня до конца жизни упрятать за решетку! Ответьте, Иван Петрович, неужели я заслужила это?

— Трудно сказать, — отвечивал я. — Мне, к счастью, пока ни разу не изменяли.

— Они, наверное, просто не успевали этого сделать, — высказался Дубровин.

— Возможно. Но кто вообще говорит сегодня о неверности? Виктория Львовна, вы знали, кем в действительности является ваш Тимур?

— Нет, разумеется. Откуда же мне знать?

— То-то и оно! Причина, по которой он был убит, одна: это — бриллианты. Десять миллионов долларов — достаточная сумма, чтобы обеспечить себе безбедную старость. А провезти камни через таможеню — задача не из сложных. Их, например, можно положить в карман жакета, ну, на худой конец, можно и вовсе в лифчик спрятать.

— А где же они, эти чертовы бриллианты? — вскрикнула Белецкая.

— Я поражен вашим самообладанием! — проговорил я искренне. — Вы отлично знаете, что за дверью в коридоре сидит журналистка Власова, которая безусловно узнает вас, и, несмотря на это, продолжаете вести себя как ни в чем не бывало. Я в восхищении, Виктория Львовна! Или мне, все же, называть вас Ханум? Как вам привычнее?

Красивые черты ее лица мгновенно исказила гримаса ненависти, женщина изменившимся до неузнаваемости голосом прорычала:

— Где бриллианты, недоносок?

Я бросил взгляд на Дубровина. Мне показалось, что его нижняя челюсть уляжется сейчас на столешницу, аккуратно рядом с пепельницей, полной окурков.

Тут дверь распахнулась, и в кабинет быстрым шагом вошел полковник Гатчин в сопровождении двух своих подчиненных и майора Михайлова. Повернувшись ко мне, Гатчин объявил:

— Гражданин Панин, вы задержаны. По подозрению в причастности к убийству и...

— ...ограблению грузовика Гохрана? — закончил я за него. Гатчин смотрел на меня, ничего не понимая. Я пояснил: — Это я вам звонил пару часов назад. Майор Михайлов может мои слова подтвердить.

Полковник вопросительно посмотрел на майора, тот в ответ утвердительно кивнул.

— Значит, бриллианты вы нашли. Там же, где я и предполагал? — улыбнулся я.

— Да. Они находились за картиной, над диваном. — Гатчин все еще переваривал новость.

— Позвольте взглянуть?

Он достал из сумки полиэтиленовый пакет. В пакете лежал мешочек из черного бархата, перетянутый голубой тесьмой с латунной бляшкой овальной формы.

— Пальцы на бляшке имеются?

— Есть отпечаток, довольно четкий. Но сейчас я, почему-то, сомневаюсь, что он окажется вашим.

— И правильно делаете, что сомневаетесь, товарищ полковник, — изрек я со вздохом. — В деле Белецкой имеются ее отпечатки, можете сличить их хоть сейчас. Время есть у всех, а у Виктории Львовны его теперь и вовсе вагон.

— Где тут у вас свободный кабинет? — обратился Гатчин к Дубровину. — Я действительно попробую, не отходя от кассы... — Он взял со стола папку с делом и вышел. Его подчиненные вместе с Михайловыми отправились следом.

— Ищейка паршивая! — процедила Белецкая. — Все вынюхал! Как только умудрился, погань!

— Умудрился, Виктория Львовна, умудрился. Как же вы так с помадой-то промахнулись? Ай-ай-ай!

— А что с помадой? — не понял Дубровин.

— Все мы знаем, что Белецкая посещала ресторан только раз. Если бы фужер забрал Крушинский, то помада на нем была бы ярко-красная. Почему? Виктория Львовна приходила в «Три вопроса» в ярко-красном муаровом платье. Представь, Дуб, огненно-рыжую женщину в платье сочного красного оттенка и с темной помадой на губах. Представь?

— Представил, — согласился Дубровин. — Вопиющая безвкусица! Что дальше?

— А дальше, первый бокал, наверное, просто разбился нечаянно, и Белецкой пришлось тайком пробраться в ресторан еще раз и украсть еще один фужер. Но оставила она на нем отпечаток той помады, какая была у нее в тот момент под рукой, оставила машинально, упустив из виду этот нюанс. Когда Вера в больнице рассказала мне о наряде Белецкой, у меня в голове сначала возникла настоящая каша. Но потом постепенно все встало на свои места. Я вспомнил, как Виктория Львовна попросила меня однажды выйти из кабинета, для того, чтобы, якобы, переговорить по телефону со своим Стасиком. Рискнул увязать это с тем, что Джоев совершил налет на грузовик с бриллиантами, а при обыске квартиры камней не обнаружили, ну, и попробовал сделать вывод и позвонил Гатчину.

Дубровин посмотрел на Белецкую.

— Слишком рискованный ход, Виктория Львовна, — проговорил он с нескрываемым уважением, — инсценировать подставу на саму себя. Слишком рискованный.

— Ей нужно было протянуть время до того, как прибудет загранпаспорт, — ответил я за Викторию. — Она допускала, что милиция каким-то образом может напасть на ее след, допускала, что будет неоспоримо доказан факт ее знакомства с Джоевым, и тогда она в числе первых попадет под подозрение. А так, когда налицо явная и не слишком умелая подстава, подозреваемая в глазах всех без исключения пре-

вращается в овечку, в невинную жертву какого-то ужасного мистера Икс. И отношение к ней сразу становится совершенно другое. Согласись, Дуб, в этом деле ты не прокурором себя ощущал, а защитником всех опозоренных и оклеветанных. Ну что, скажешь, я не прав?

— Ничего я тебе не скажу, — проворчал Дубровин. — Давно это началось? Я подготовку к убийству имею в виду.

— Наверное, давно. Ну, непосредственная подготовка началась около месяца назад, когда Виктория Львовна предложила Крушинскому пригласить ее в ресторан. А решение созрело, конечно, намного раньше. Может быть, в тот день, когда Джоев известил ее о готовящемся ограблении фургона. Наверное, тогда она решила завладеть всеми бриллиантами и скрыться из страны.

Она переписала на Крушинского ресторан, заполучила фужер, дождалась приезда Джоева с бриллиантами и явилась ко мне с просьбой найти человека. Тем временем, дала распоряжение Крушинскому приложить все усилия для того, чтобы устранить Светлану Рюмину. Что она там ему наплела, нам пока не известно, возможно, позже Виктория Львовна посвятит нас в эту историю. О том, что на хвосте у Джоева висит бывшая журналистка, Джоев Белецкой сообщил сам. Наверняка он заметил ее в аэропорту и попытался оторваться. Но Рюмина, тем не менее, выяснила адрес, по которому он скрывается. А узнала она его в аэропорту по характерному подергиванию шеи: когда Джоев прикрыл однажды от пули Чермоева, он был тяжело ранен. Его, конечно, вылечили, но нервный тик так и остался на всю жизнь. Рюмина для Белецкой была опасна тем, что могла опознать в Виктории Львовне некую Ханум — инструктора боевиков Ахмада Чермоева по рукопашному бою и взрывному делу. Но многие в банде звали ее «Шайтан-кызы», что означает «Дочь дьявола». И там почему-то никого сильно не трогало, что она с бандитами иной веры...

Итак, Джоев прилетел, устроился, сообщил Белецкой свой адрес, и она ночью отправилась туда, чтобы перепилить дужки у замков пожарных люков. Наверное, это было самой опасной фазой операции.

Утром она позвонила Крушинскому, договорилась с ним о встрече у сквера Тукая, чтобы Стасик, ни о чем не подозревая, в одиночестве сидел в машине и, минута за минутой, лишался своего алиби.

Крушинский, кстати, когда понял, что его смогут обвинить в убийстве, не нашел ничего лучше, чем попытаться расправиться с Верой. Он работал по сценарию, написанному для него его же невестой, которая отлично знала, как у ее жениха работают мозги. Только вот Клопа за ней он пустил по своей собственной инициативе... Но и Крушинский перед самой смертью, видимо, понял, что его элементарно обвели вокруг пальца.

Виктория лишила Крушинского алиби, затем на глазах у всего двора приехала во двор, поднялась в квартиру к Джоеву, попросила его открыть шампанское. После застрелила его, бросила пистолет рядом с трупом, быстро сполоснула и насухо вытерла один фужер, заменила его своим, разлила шампанское по бокалам, убрала в сумочку перчатки, которые позже где-нибудь выбросила, подхватила брюлики и отправилась во двор ломать перед всеми свою комедию.

А затем приехала ко мне, чтобы заплатить остаток гонорара и спрятать бриллианты. Как вы намеревались поступить в дальнейшем со мной и Любой, Виктория Львовна? Застрелить? Или попытались бы изъять драгоценности тем же способом, каким оставили их у меня за картиной?

— Не знаю. — Она равнодушно пожалала плечами. — Придумала бы что-нибудь.

— Как вы убедили Крушинского помочь вам устранить Рюмину? — спросил Дубровин, но не успел получить ответ — дверь открылась, и в кабинет вошел Гатчин.

— Все точно, — объявил он. — Отпечатки идентичны, Сергей Валерьянович. Эту дамочку мы забираем с собой. Думаю, санкцию на арест судья выдаст сразу, как только получит доказательства. А их — пруд пруди, нужно только все документально оформить. Давай наручники, — повернулся он к своему человеку и собрался спрятать мешочек с камнями в карман.

Никто из присутствующих так и не успел сообразить, каким непостижимым образом Белецкая в мгновение ока оказалась возле полковника. Она со звериным рычанием вцепилась в бархат мягкой упаковки, голубая тесьма не выдержала, лопнула, и глазам всех предстал дождь играющих на солнце камней. Бриллианты с веселым стуком падали на пол, подскакивали, снова падали, и создавалось впечатление, будто они — живые и просто разбегаются в разные стороны.

Зрелище завораживало. Наверное, к этому и стремилась Белецкая, когда дернула из руки Гатчина мешочек с драгоценностями. Потому что в следующую же секунду полковник охнул и стал опускаться на колени. Второй его подчиненный, резким ударом высокого каблука в грудь, был отброшен к книжному шкафу. Я не успел уловить момент, когда Белецкая проводила прием Михайлову, я увидел его лежащим на полу и не подающим признаков жизни.

Белецкая даже не закончила резкий поворот, а в Дубровина уже летела авторучка, невеста каким чудом оказавшаяся в ее руке. К счастью, она промахнулась: авторучка с треском вонзилась в фотографию семейства Дубровина, стоявшую на столе.

Второй подчиненный Гатчина оказался проворнее остальных и успел вытащить пистолет, который навел на Белецкую. Но после этого он вдруг резко закатил глаза, схватился обеими руками за пах и стал медленно, с громким стоном съезжать вниз по стене кабинета. Пистолет к тому времени уже находился в руке Белецкой.

Мне просто повезло, что она, отбирая пистолет, повернулась ко мне спиной. Я вскочил со стула и провел один старый испытанный прием, которым последний раз пользовался совсем недавно: выхватив из-под себя стул, я что было сил опустил его на затылок Белецкой. Стул развалился на части, а Виктория Львовна покочнулась, повернулась ко мне влоборота, хотела взглянуть на меня, но не успела и повалилась на пол. Ее изумрудные глаза оставались открытыми, она, не мигая, смотрела куда-то в сторону входной двери.

Гатчин пришел в себя. Он нагнулся над Викторией, пощупал ее пульс, потом вернулся ко мне:

— Вы ее убили, Панин!

— Ага, — согласился я, выпуская из руки то, что оставалось от стула. — Убил. Я вам, идиотам, жизнь спас, всем, без исключения. Чтобы ей никто не помешал собрать разбросанные бриллианты, она бы всех нас тут в капусту покрошила. И будьте уверены, я знаю, что говорю. Мне Светлана Сергеевна такого в машине порассказала, у меня волосы дыбом встали... Ладно, давайте заканчивайте все свои необходимые формальности, да пойду я. У меня еще дел по горло.

Когда Гатчин со своими людьми удалился, когда Рюмину увез домой приезжавший в прокуратуру генерал, Дубровин посмотрел на меня и спросил:

— С каких это пор, Ванюша, ты стал живописью увлекаться? Картину вот себе купил, даже над диваном ее повесил... Что случилось, друг?

— Понимаешь, друг, — ответил я задушевым тоном, — в жизни любого человека однажды наступает момент, когда он устает от серости существования и начинает стремиться к прекрасному, к вечному. И для меня, наконец, настала минута, когда...

— Вот что тебе скажу, клоун, — оборвал меня Дубровин. — Пойди прочь с глаз моих со своей придурью! Я с ним серьезно, а он... — И Дубровин с видом отчаявшегося махнул рукой.

Хохотнув, я вышел из кабинета.

...Первым, что я увидел, оказавшись на улице, был короткий желтый плащик, казавшийся в лучах долгожданного солнца еще желтее, чем он был на самом деле. Придав своему лицу безразличное выражение, я молча кивнул в знак приветствия и собирался пройти мимо, но тут услышал:

— Прости меня. Ту записку я написала не подумав.

— И что теперь изменилось?

— Я подумала. И решила, что не стоит лишать себя прелести мгновений, когда в постель тебе приносят замечательную яичницу с ветчиной, тертым сыром и помидорами. Это нечестно. По отношению ко мне, к тебе, к нам.

— Думаешь, я куплюсь на это?

— Ведь я говорю искренне, Ванечка. Знал бы ты, чего мне стоило изменить свое решение! Потому что решений своих обычно я не меняю.

— Правда? — На моем лице отобразилась живейшая заинтересованность. — Тогда, я думаю, нужно попробовать перезнакомить между собой твоих родителей и моих старичков. Подозреваю, они прекрасно поладят.

— И когда мы будем их знакомить?

— Ну, до того момента нужно очень многое сделать. — Я взял ее под руку, и мы направились к моей «старушке».

— Что, например?

— Например, извести на тебя еще не одну дюжину яиц. Как ты на это помотришь?

— Положительно. — На ее губах заиграла обворожительная улыбка. — А прямо сейчас в твоем холодильнике присутствуют все необходимые ингредиенты?

— Конечно. Теперь они будут там присутствовать ежедневно.

Мы уселись в машину, и она спросила:

— Значит, едем к тебе?

— Не сразу. Сначала я обязан преподнести своей даме букет цветов.

— Но вокруг нет ни одного киоска.

— Зато недалеко отсюда есть один замечательный магазин. Называется он «Флер Шарман», и сегодня, по идее, должен еще работать.

С этими словами я запустил двигатель и тронул «старушку» с места... □

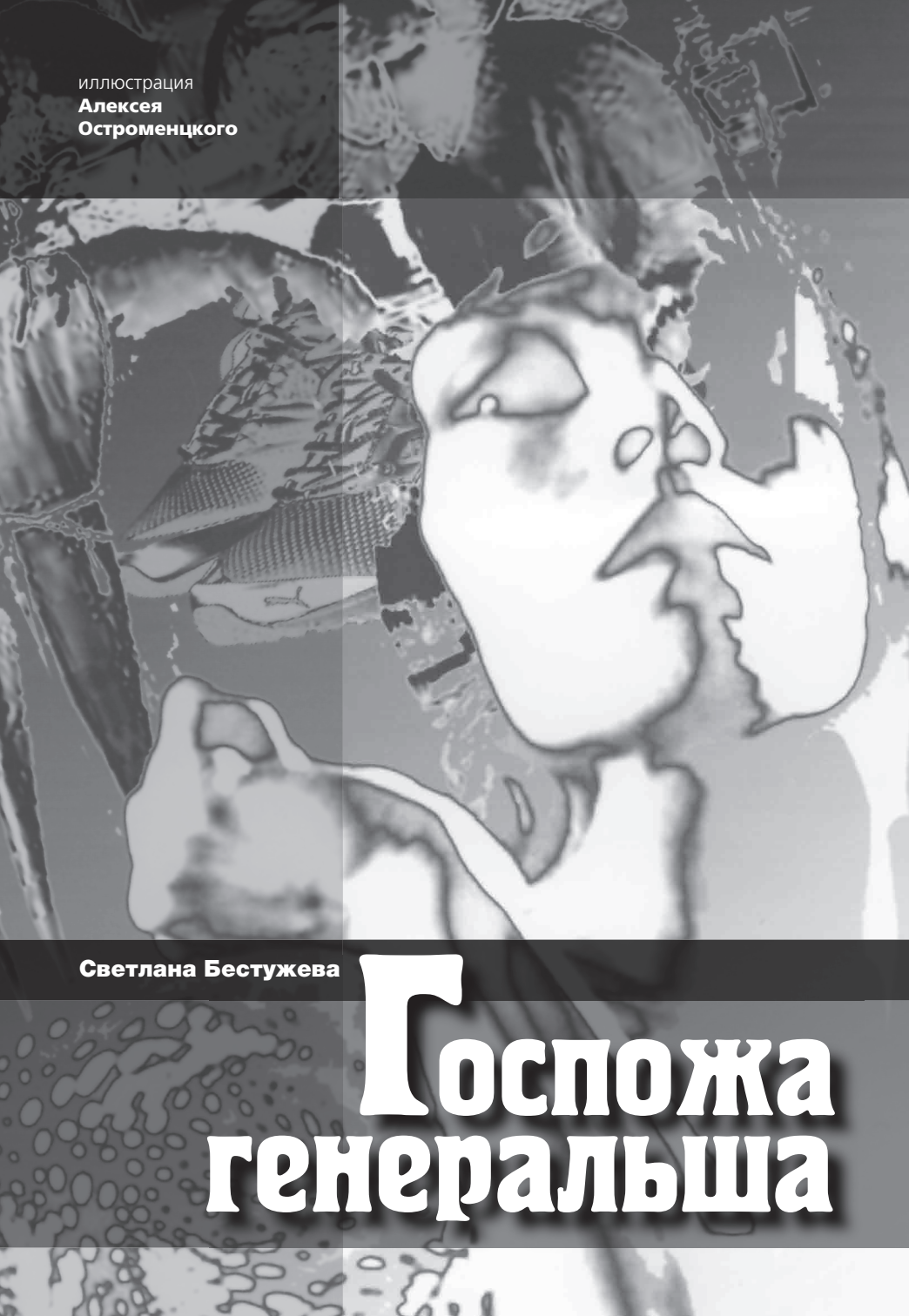

иллюстрация
**Алексея
Остроменцкого**

Светлана Бестужева

Госпожа генеральша

Говорят, москвичей нигде не любят. И зазнайки-то они, и в роскоши купаются, и шибко чересчур культурными себя считают, и так далее, и тому подобное. Возможно, в какой-то степени столичные жители эту репутацию оправдывают. Но на самом деле нет существа более уязвимого и беспомощного, чем москвич. Точнее, москвичка. Да еще, не приведи Господи, даже не во втором, а в каком-нибудь четвертом колене.

В одной модной песенке поется: «Девушке из высшего общества трудно избежать одиночества». Абсолютно верно! Принцев, действительно, мало, а главное, за принцев надо уметь сражаться. Даже если он уже твой сугубо официальный муж и теоретически никуда деваться не может.

Москвички сражаться не умеют по определению. Ни за своего мужа, ни, тем более, за чужого. Для таких занятий у них не столько мало сил, сколько много интеллигентности. Они постоянно «входят в положение», «становятся на точку зрения», жалеют своих соперниц и даже считаются с их нежными чувствами. То есть сами себя ставят в заведомо проигрышное положение.

Я не хочу сказать ничего плохого о провинциалках. У них есть то, чего не хватает действительно избалованным столичным жительницам — хватка. Житейская хватка. Они четко знают, чего хотят, и этого «чего-то» будут добиваться всеми силами: плечами, локтями, зубами, наконец.

История, которую я хочу рассказать, одновременно банальна и уникальна. В классический расклад «столица — провинция» неожиданно вмешалось еще одно действующее лицо, тоже из «глубинки». И безупречная, казалось бы, схема дала резкий сбой.

Впрочем, все по порядку.

Глава первая. **Как молоды мы были...**

Когда Анна Васильевна вспоминала молодость, что случалось, правда, не слишком часто, она всегда поражалась тому, как мало ценила то, что у нее было, как легкомысленно откладывала все «второстепенное» на потом, на будущее. Когда муж защитит диссертацию и станет получать «нормальные деньги», сын подрастет и перестанет болеть всякими коклюшами и свинками, их двухэтажную «виллу», пленными немцами строенную, наконец-то снесут, и они получат отдельную, благоустроенную квартиру...

Потом, потом, все будет потом. Эти мечты помогали отрешиться от склочных соседок из двух соседних комнат, не замечать убожества давно требовавших ремонта «мест общего пользования», годами носить одно и то же пальто и когда-то остромодные «всепогодные» сапожки. Это все — временные трудности, которые переживает вся страна, ничего страшного.

Зато была замечательная компания бывших сокурсников: ее — филолога, и мужа — химика, поездки на лоно природы, посиделки под гитару и умные разговоры, регулярные походы в театры и на концерты. Черно-белый телевизор включали чрезвычайно редко, основное украшение комнаты составляли книги, добываемые всеми правдами и неправдами, а безумная любовь, которая бросила их, тогда еще студентов, в объятия друг к другу, благополучно перешла в разумную любовь-дружбу двух умных, интеллигентных людей, превыше всего чтящих духовность.

— А знаешь, Анка, — как-то сказал ей супруг Евгений, — ты ведь сумасшедше красивая баба. Мне повезло.

— В чем? — изумилась Анна. — В том, что женился на красотке? Да их вокруг...

— Нет, милая моя, в том, что ты не делаешь из своей красоты фетиш. И не посвящаешь жизнь тому, чтобы окружающие курили фимиам твоей прелести.

Анна расхохоталась.

— Что это с тобой сегодня? Мы больше десяти лет женаты, и ты никогда...

— Поумнел, — лаконично отозвался Евгений. — К тому же в наши времена такая боевая подруга, как ты, дорогого стоит.

Неожиданное высказывание Евгения Анну поразило. Он вообще был скуповат на слова, считал, что чувства доказываются делами, а не болтовней. Но, конечно, отдавал должное внешнему виду супруги, ограничиваясь, правда, лаконичным:

— Класс.

А тут — такие дифирамбы. К чему бы это?

В тот вечер Анна, запершись в ванной комнате, где было относительно большое, хотя и порядком помутневшее зеркало, разделась и долго придирчиво разглядывала себя, пока одна из соседок не начала барабанить в дверь с воплями, что «другим тоже надо!»

Но Анна успела-таки провести «общую инспекцию». Фигура — прекрасная, ничего лишнего, но и кости не торчат, ноги стройные, длины умеренной, талия тонкая, но пропорциональна бедрам. Кожа...

Кожа действительно класс, хотя никакими специальными кремами Анна не пользовалась и, естественно, в салоны красоты не ходила. Да их и не было, по большому-то счету. Коллеги на работе иногда завистливо вздыхали:

— Дал же Бог такое... Как кинозвезда.

— А вы курите поменьше! — хохотала Анна. — И кофе литрами не глушите. Гулять перед сном, опять же, полезно.

Лукавила, конечно. Гулять перед сном ей было некогда: муж и сын требовали постоянных забот. Да и копна роскошных темно-каштановых волос тоже была подарком судьбы, и ни от каких прогулок, естественно, не зависела. Равно как и густые ресницы, ровные белые зубки и красивой лепки руки, не нуждавшиеся ни в каком макияже.

После института ее, постоянную отличницу с «красным дипломом», направили на работу в издательство Академии Наук. Но не в головное учреждение, а в маленькую хитрую контору под названием «Редакционный Совет», размещавшуюся в трех комнатухах на первом этаже монументального жилого дома. Комнатухи были до потолка забиты пыльными папками, на свободном месте помещалось ровно шесть столов: два — начальственных, в отдельной комнате, остальные — для рядовых сотрудников, в двух оставшихся смежных.

Чем занимался этот самый «РС», оставалось загадкой, кажется, даже для его учредителей. Четверо дам и двое мужчин, в основном, сводили воедино бесчисленные тематические планы различных академических издательств и, согласно указаниям свыше, вносили в них необходимые коррективы и дополнения. Впрочем, один из мужчин был начальником, а второй, естественно, его заместителем, так что они, как правило, ездили на всякие совещания и в местные командировки.

А три дамы обеспечивали работой машинистку Верочку, безотказную старую деву, которая способна была по несколько раз перепечатывать маловразумительные бумаги, составленные ее коллегами. Все четверо были замужними, с детьми, бытовыми проблемами и не слишком легкими характерами. Но, в целом, за годы коллектив сложился и даже оброс какими-то традициями, типа совместных кофе-чаепитий с сушками из соседней булочной.

С девяти до десяти утра собирались, наводили марафет, обменивались последними новостями, выпивали по первой чашке кофе, выкуривали по первой сигарете.

К половине шестого в конторе уже не было ни единой живой души: дамы разлетались оттуда с невероятной скоростью.

Платили, конечно, гроши, но и работа-то была... Анна, конечно, не предполагала всю жизнь прокорпеть в этих пыльных папках с одними и теми же разговорами. Просто пока сын ходил в детский сад, а потом — в младшие классы школы (с продленкой, естественно), такая работа была просто находкой. Кроме того, полагался один библиотечный день в неделю, то есть фактически третий выходной, да и отпроситься с обеда проблемы не составляло.

Евгений неизбежно подшучивал над работой супруги, но в глубине души был даже доволен. Никаких амбиций, никаких коллективных посиделок, никаких коллег-соперников, в смысле мужчин. Начальник был занят, в основном, сооружением капитальной дачи на месте недавно купленного скворечника в довольно ближнем Подмосковье, а его заместитель — проблемой выпивки вечером и опохмелки утром. Больше его вообще ничего в жизни не интересовало, в том числе и женщины.

Но были у этой странноватой работы и большие плюсы. Во-первых, ведомственный детский сад, удачно расположенный недалеко от местоживания Анны. Во-вторых, ведомственная поликлиника и, соответственно, больница. В услугах последней Анна, правда, не нуждалась, но поликлиника, с ее двумя диспансеризациями в год, сэкономила массу времени и позволяла не связываться с кошмаром районного здравоохранения. В-третьих, раз в месяц полагались так называемые «продовольственные заказы», а к праздникам — соответственно, праздничные, что тоже было совсем не лишним.

В общем, Анна отсиживала часы, а Евгений действительно работал в каком-то закрытом научно-исследовательском институте, учился в заочной аспирантуре, порой до глубокой ночи засиживался в лаборатории. Денег, правда, приносил не слишком много, но на жизнь семье хватало, даже удавалось кое-что откладывать на отпуск дикарями в Крыму, например, или на письменный стол для сына-школьника.

Жили, как все живут, точнее, жили в те времена. Никаких сюрпризов, потрясений, неожиданностей. Поэтому внезапное прозрение Евгения относительно красоты законной супруги поразило эту самую супругу до глубины души. С чего бы это?

На следующий день во время очередного чаепития Анна со смехом поведала эту историю коллегам. Но те ее веселья, как ни странно, не разделили.

— У него кто-то появился, — безапелляционно заявила самая старшая из коллег, Нонна Сергеевна, считавшаяся экспертом в брачных вопросах, поскольку замужем была уже в третий раз. — И он сравнивает тебя с нею.

— Все-таки мужики — сволочи, — вздохнула искусственная блондинка Раечка, которой вот уже десять лет было тридцать пять. — Как ни крутись вокруг них, все равно норовят налево. Вот мой...

Сага про Раечкиного супруга всем уже давно осточертела, поэтому Марго, жгучая брюнетка, игравшая в коллективе роль женщины-вамп, перебила ее достаточно бесцеремонно:

— Только приворотом, девочки. Если нужно, могу дать адресок. И различницу накажут так, что мало не покажется.

Марго и сама немного смахивала не то на цыганку, не то на ведьму, и была давно и прочно «задвинута» на всевозможной магии и прочей чертовщине.

Верочка в дискуссию не вступала, только хлопала глазами и вздыхала. Да ее и не воспринимали как полноценного собеседника, тем более — в вопросах любви и брака.

— А вообще-то, Аня, красота проходит быстро, — грустно вздохнула Раечка. — Как и молодость.

— Так что, пользуйся, пока есть возможность, — поддержала ее Нонна Сергеевна, прикуривая очередную сигарету от предыдущей.

Анна слегка опешила:

— Как это — пользуйся?

— Заведи любовника, — безмятежно пояснила Марго. — Или двух.

— Зачем?

— Чтобы были! — фыркнула Раечка. — Чтобы водили по кабакам, дарили цветы, побрякушки...

— Где это ты таких видела? — ядовито поинтересовалась Нонна Сергеевна.

— Мне подруга рассказывала... — слегка смутилась Раечка.

— Подруга тебе содержание какого-нибудь кинофильма пересказывала, — предположила Марго. — А ты, святая простота, поверила.

— Девочки, стоп! — вмешалась Анна. — Я замужем, какие любовники? Да и некогда мне... Шурик вон скоро в шестой класс пойдет, за ним глаз да глаз нужен. И Евгений тоже...

— Тогда положи свою красоту в чемодан и убери на антресоли, — сухо проговорила Нонна Сергеевна. — Только не тычь ею в глаза окружающим.

— Но я и не думала...

— А зачем тогда всю эту историю рассказала? — чуть ли не хором закричали коллеги.

Анна сочла за благо дискуссию на этом прекратить. Скандальчики в их коллективе были не редкостью, характеры у всех были не слишком простые, но сама Анна предпочитала держаться от этого в стороне. И вот — на тебе! А сама виновата: нечего трепаться про сугубо личную жизнь.

В общем, все, конечно, помирились еще до конца рабочего дня, но у Анны осадок, как говорится, остался. К тому же не давала покоя идея, зароненная многими дамами: у Евгения кто-то есть. Или появился. Или... уже давно был?

Ревность никогда не была присуща Анне. Во-первых, она искренне считала, что это — недостойное чувство недоверия к близкому человеку, во-вторых, поводов для ревности у нее никогда не было. А то, что супруг периодически где-то пропадал до глубокой ночи, так это понятно и объяснимо: работа такая. Вечерами в лаборатории пусто, оборудование свободно, да и не все опыты можно просто взять и прекратить до следующего дня. Это не издательские планы составлять.

А через несколько дней после этого разговора случилось такое, что начисто выбило у Анны из головы все предыдущие события. Глубокой ночью соседний подъезд их «особняка» со страшным шумом и треском обвалился. К счастью, дом был деревянный и двухэтажный, так что обошлось без смертельных случаев. Но девять семей из четырех квартир остались без крыши над головой, а уцелевшая половина дома — без света, газа и воды.

Понаехавшие к утру чиновники всех уровней проблему, как ни странно, решили довольно шустро: лишившимся жилья тут же выделили квартиры в малоизвестном тогда Солнцево, а оставшимся предложили на выбор жилье из «выморочного фонда». Семье Анны досталась двухкомнатная смежная малогабаритная квартирка в панельной башне, но в пяти минутах ходьбы от метро, причем станции кольцевой линии.

Очередной отпуск Анна провела по уши в известке, обойном клее и прочих ремонтных прелестях. Евгений, как нарочно, вынужден был уехать в срочную командировку, сына, благо уже наступили летние каникулы, удалось пристроить в пионерский лагерь, несмотря на его явное неудовольствие, а сама Анна занялась ремонтом и переездом, причем, закончив оба этих процесса, потом долго удивлялась, как она вообще могла осилить такое.

— А чему ты удивляешься? — спросил ее вернувшийся из командировки Евгений. — Я всегда знал, что ты — женщина сильная, коня на скаку остановишь только так, а уж про горящую избу вообще молчу. Я бы только путался у тебя под ногами, ты же знаешь, быт — не моя стихия.

Свеженькая и вылизанная до стерильного блеска квартира казалась игрушкой... пока в ней не собрались все обитатели. Проходную комнату предназначили сыну, сохранив за ней функции гостиной, вторую — совсем крохотную — сделали спальней. И только. На десяти квадратных метрах, часть которых занимало окно с балконом, а часть — дверь, кроме кровати, шкафа и пары тумбочек места не хватало уже ни на что. В пятиметровой кухне было непривычно и тесно, а совмещенный санузел вообще создавал неведомые доселе проблемы. Так что, про себя Анна даже пожалела, что не согласилась на полнометражную квартиру в далеком Солнцево.

Она то пожалела про себя, а вот муж и сын свои негативные эмоции не скрывали. Шурика, давно переросший Анну на голову, поначалу обрадовался, что может приглашать новообетенных приятелей в как бы собственную комнату. Но быстро понял, что на заставленных до предела четырнадцати метрах особо не развернешься, и что мать имеет обыкновение приходить с работы в самый неподходящий момент.

А потом побывал в гостях у кого-то из приятелей и несколько вечеров подряд бормотал себе под нос, что некоторые умеют жить, что бывают приличные дома, где макушкой не задеваешь потолок, а плечами — стены, и у взрослого человека есть своя, изолированная комната, куда предки носа не суют. Зато в карманных деньгах не отказывают, а он, как первоклашка, до сих пор получает какие-то копейки на школьный завтрак. Что другие...

В конце концов кончилось даже терпение Анны.

— Чем ты недоволен? — прервала она как-то вечером один из подобных монологов вполголоса. — Одет-обут, крыша над головой есть, слава Богу, не голодаешь...

— По-твоему, человеку больше ничего не нужно? — скривил губы Шурик. — Ни мага приличного, ни кассет, ни шузов...

— Будь добр, выражайся по-русски, — одернула его Анна. — Какие еще шузы? Ботинки, что ли?

— Ботинки? Ты еще скажи — валенки. У нас все в фирме ходят, кроссовки, джинсы, все такое только с лейблами. А я будто из тундры.

— Это что, главное в жизни? Тряпки с модными наклейками?

— Ну, поехали! Конечно, для тебя главное — духовность.

— Представь себе.

— А что тут представлять? Считаешь копейки, носишь годами одну и ту же юбку, зато книгами весь дом забит, от пыли деваться некуда. Лучше бы видак купили...

Анна посчитала про себя до десяти, потом как можно мягче сказала:

— Шурик, видеомагнитофоны появились совсем недавно, а книги мы покупали много лет подряд. И потом, откуда у нас возьмутся деньги на...

Сын, не дослушав, фыркнул:

— Да козе понятно, что денег нет. Телек — черно-белый, маг — допотопный. Другие вон кооперативы создают, деньги гребут лопатой, и детям покупают не кеды, а музыкальные центры.

— Скажи это отцу. Он, кажется, зарабатывает больше меня.

— Сколько? — с неподдельным интересом спросил Шурик.

И тут Анна растерялась. Она понятия не имела, сколько зарабатывает супруг, который вот уже много лет выдавал ей с каждой получки ровно сто рублей. Наверняка он получал не те сто двадцать, которые полагались Анне в ее издательском

совете, но сколько? Сто сорок? Сто восемьдесят? Сколько может получать младший научный сотрудник без степени?

— Я не знаю точно, — пробормотала она. — У нас как-то не принято говорить о деньгах...

Сынуля посмотрел на нее с какой-то жалостью и решительным жестом нацепил наушники от пресловутого допотопного магнитофона. Жить без музыкального сопровождения он, похоже, просто не мог. А Анна прошла в кухню, налила себе чашку чая, села в свой уголок и задумалась.

Под угрозой оказался собственный дом, который всегда казался таким незыблемым и уютным. Сын считает ее идиоткой-идеалисткой, муж вообще непонятно чем живет и о чем думает, на работе все чаще заговаривают о том, что скоро будет большая реформа Академии наук и их «шарашкину контору» обязательно прихлопнут за бесполезность, так что надо начинать подыскивать новое место работы. Какой? Где? Что они умели делать, дамы далеко не первой молодости, давно привыкшие к своей комфортной синекуре?

Анна протянула руку, чтобы налить себе еще чай, и вдруг согнулась пополам от нестерпимой режущей боли. Словно кто-то всадил ей в живот нож и медленно, с садистским упоением, поворачивал его, раздирая внутренности. Перед глазами все поплыло, она сползла по стенке на пол и окончательно потеряла сознание. Звать на помощь было некогда: Евгения дома нет, сын за своими наушниками ничего не услышит...

Очнулась она в совершенно незнакомом месте, прежде всего поразившем ее своей тишиной. Попыталась разглядеть что-нибудь в полумраке, но не столько увидела, сколько почувствовала воткнутую в вену иглу и резиновую трубку, уходящую куда-то вбок и вверх. Анна попыталась шевельнуться, но не смогла, и непроизвольно застонала. Почти тут же над ней склонилось абсолютно незнакомое женское лицо, обрамленное белой косынкой.

— Очнулась, милая? — тихо спросила женщина. — Ну, вот и хорошо, все правильно.

— Где я? — почти беззвучно шевельнула губами Анна.

— В реанимации, милая. Почти сутки здесь, мы уж беспокоились. Правда, привезли тебя... поздновато. Но ничего, операцию сам профессор сделал, все будет хорошо.

«Какую операцию?» — хотела спросить Анна, но перед глазами опять все поплыло, и она провалилась в беспамятство.

Когда она снова открыла глаза, то обнаружила, что находится в большом сумрачном помещении с несколькими койками. Капельница стояла рядом с ее кроватью, только игла была воткнута уже в другую руку. И туман в голове был не такой густой, она даже вспомнила, что уже приходила в себя, что лежит в реанимации после какой-то операции, и что все прошло довольно успешно. Но как она вообще сюда попала, и что еще за операция? Неужели под машину попала? Ничего не вспоминалось.

Страшно хотелось пить, но кого об этом просить и как, она не знала. И тут, словно в ответ на ее немую мольбу, появилась медсестра. Вроде бы та, которая подходила в прошлый раз. Или другая? Эти косынки всех делают на одно лицо.

— Пить, — прошептала Анна.

Сестра привычным движением протерла ей губы извлеченной откуда-то влажной салфеткой.

— Пока потерпи, — сказала она. — Скоро профессор посмотрит, решит, что тебе можно, а что нет. Сейчас утренний обход будет.

— Как я сюда попала?

— Как все — по «скорой», — краешком губ усмехнулась сестра. — Сначала — в операционную, потом — под капельницу. Скоро, наверное, в палату переведут, и так ты тут задержалась.

— Меня сбила машина?

Сестра изумленно приподняла брови.

— Машина? Нет, тебя вроде бы по другой части оперировали. По женской. Ты пока полежи молча, я тебе утренний туалет сделаю, а вопросы врачам задавать буду. Договорились?

Анна молча кивнула, ошарашенная услышанным. Операция по женской части? Странно, с этим у нее вроде бы все было в порядке. Или — не совсем? Вдруг вспомнились неоправданные задержки и преждевременные кровотечения, периодические тянущие боли внизу живота, еще какие-то мелочи. А диспансеризацию она в этом году пропустила, что-то помешало, все откладывалась. Вот и дооткладывалась.

В любом случае, любая беременность и выкидыш исключались: Евгений не прикасался к ней уже несколько месяцев. Кстати, он-то знает, что с ней произошло? И что с Шуркой? Неужели он дома один? Если верить сестрам, она здесь вторые сутки, как же там ее мужчины?

Глава вторая. **Не было бы счастья...**

Поток ее невеселых мыслей прервало появление группы людей в белых халатах. Надо полагать, обещанный утренний обход. Ну что ж, теперь хоть что-то прояснится.

— Как самочувствие? — спросил мужчина, который явно был главным в этой группе. — Что беспокоит?

— Пить очень хочется, — прошептала Анна.

— Естественно. Сейчас я вас посмотрю, если все в порядке, дадим попить, пора уже. Боли не беспокоят?

Анна покачала головой.

— Ну и славно. Теперь — только покой, лекарства, и все будет прекрасно.

— А что со мной было?

— Опухоль, уважаемая... — Врач заглянул в медицинскую карту, услужливо протянутую ему кем-то из сестры, и продолжил: — ... уважаемая Анна Васильевна. С моей точки зрения, абсолютно доброкачественная, но результатов гистологии все равно придется подождать. Запустили вы себя совсем, раньше можно было бы лечением обойтись. А вы дотянули до операции.

— И что теперь?

— Ничего страшного. Правда, пришлось практически все удалить, но ведь вы рожать больше не собирались, правда? Сын у вас уже есть, почти взрослый. Зато недомоганий периодических не будет, уже плюс.

— То есть я уже не женщина? — с ужасом спросила Анна.

Профессор укоризненно покачал головой и присел на краешек постели.

— Удивительный все-таки народ — прекрасный пол, — назидательно произнес он. — Если раз в месяц не... болеете, значит, не женщина? Смешно, ей-богу. Вы еще молодая, к тому же красивая женщина, запомните это, пожалуйста. Только вот супругу вашему совершенно не обязательно знать о некоторых... изменениях в вашем организме. Он тоже может воспринять это... неадекватно.

— А что же я ему скажу? Кстати, он знает, что я в больнице?

— Знает, конечно. «Скорую» вам сын вызывал, он же и отцу позвонил... на работу. Вот переведут вас в обычную палату, поживаетесь с ними. А сказать можете... ну, скажем, про внематочную беременность.

— Исключено, — покачала головой Анна. — Беременность исключается в принципе.

— Вот как? Ну, тогда скажите, что вам удалили полипы, в подробности не вдавайтесь. Все наладится, Анна Васильевна, не грустите. Еще радоваться будете, что все так обошлось, помяните мое слово.

Медики отошли к другой койке, а Анна прикрыла глаза и попыталась осмыслить услышанное. Значит, ей стало плохо дома, она сидела в кухне, пила чай и думала... О чем она думала?

Господи, да о разговоре с сыном, конечно! Неприятный этот разговор вдруг с предельной точностью ожил в памяти, вызвав сильное сердцебиение. Это был фактически разговор с чужим человеком, который не понимал ее и не хотел понимать. Как же так? Ведь она растила и воспитывала его совсем по другим принципам, по своим, и вот — такое. Где же она недосмотрела?

И как теперь быть с мужем? Профессору легко советовать ничего не говорить или напустить туману. Во-первых, она не умеет врать, во-вторых, Евгений тут же поймет, что она говорит неправду. В-третьих, у него, практически здорового человека, какое-то патологическое отвращение ко всякого рода недомоганиям, и даже обычный грипп приводил его в состояние крайнего раздражения. С его точки зрения, больно — значит, неполноценный. А она ведь действительно стала неполноценной...

Стоп. Это имеет какое-нибудь значение? Когда муж последний раз смотрел на нее любящими глазами? Когда замечал, хорошо или плохо она выглядит, во что одета? Для него она уже давно — бесплатная домработница, а не жена. За последние годы случаи близости между ними можно было пересчитать по пальцам. Можно просто отмахнуться от вопросов, сказать, что это — скучные женские дела. Вряд ли он будет допытываться подробностей. Если первое его посещение пройдет нормально, то дальше все будет по-прежнему. Только вот с Шуриком нужно будет заниматься больше...

К вечеру ее действительно перевели в общую палату, и только тут Анна поняла, что попала все-таки в родную академическую больницу, а не в районную. Палата была светлая, четырехместная, с умывальником и зеркалом над ним, в холле стояли мягкие кресла и даже цветной телевизор. Правда, мебель знавала лучшие времена, да и все помещение требовало хотя бы капитального ремонта, но это уже были такие мелочи, на которые не стоило даже обращать внимания.

Палата подобралась на редкость удачная, в плане уживаемости. Две молодые девушки-аспирантки отлеживались после «плановой чистки», точнее, весь день пропадали в соседнем урологическом отделении, где резались в преферанс. Третья пациентка была ровесницей Анны, ухоженной и уверенной в себе женщиной, супругой директора одного из академических издательств. Представилась она Инной и тут же повернула дело так, что Анна оказалась как бы под ее опекой и покровительством.

Анне, если честно, было все равно. Она вполуха слушала бесконечные истории Инны о поездках с мужем на модные заграничные курорты, о хлопотах с машиной и ремонтом в квартире, об интригах коллег... Детей у Инны никогда не было, как не было и стремления ими обзаводиться, поэтому перенесенную операцию, точь-в-точь такую, как у Анны, она рассматривала просто как гигиеническую процедуру.

— Слава Богу, убрали лишнее. Аппендицит-то мне еще в школе вырезали.

— Но это же не аппендицит, — робко пробормотала Анна.

— Это хуже! — безапелляционно заявила Инна. — Сколько времени я потратила на всякие дурацкие курорты, точнее, на процедуры, на лекарства, на хождение по врачам. Про деньги молчу, за потраченные можно было две машины купить. И все равно то и дело что-то болело. Теперь — свобода! Никаких критических дней, никаких головокружений, и свидания переносить не придется...

— Свидания? — удивилась Анна.

— Ну да, с любовниками. Что ты на меня смотришь круглыми глазами? Муж — это муж, я его люблю, если хочешь знать. А любовники — это для самоуважения, для здоровья. Для поддержания тонуса. Гормональная терапия. Теперь мне это тем более будет нужно, естественный-то процесс уже не пойдет.

Анна даже не знала, как на это реагировать. Супруга Инны она видела практически каждый вечер: он приезжал навещать жену с букетами цветов, роскошными коробками конфет, фруктами. Еще не старый, но совершенно седой мужчина, импозантный, подтянутый, исключительно вежливый. Жену явно обожал, достаточно было видеть, какими глазами он на нее смотрел. Какие тут могут быть любовники?

— Осуждаешь? — спросила как-то Инна, когда, проводив супруга, вернулась в палату. — Понятное дело. Эдик, конечно, мужик экстра-класса, но рядом с ним от тоски мухи дохнут. И в постели, прямо скажем, так себе...

— Я не осуждаю, — вздохнула Анна. — Я просто не понимаю...

И неожиданно для самой себя рассказала Инне историю своего брака и своей семьи. Та слушала, не перебивая, только порой иронически кривила губы. Наконец, Анна выговорилась и замолчала.

— Все ясно, — сказала Инна. — Типичный совок, даже скучно. Разбаловала ты своих мужиков, Анка, вот что плохо. Сынуля твой обожаемый сюда носа не жает — это понятно, парню в такое отделение соваться неловко. Но благоверный-то твой сколько раз был? Один? Или два?

— Ты же знаешь, что один, — прошептала Анна. — Видела его.

— Ну, могла что-то пропустить. Значит, один. И чем же он так занят, что не может любимую супругу после тяжелой операции навещать?

— Я сказала, что операция ерундовая, просто полипы удалили...

— Да? Интересненько. Это почему?

— Мне так профессор посоветовал. Сказал, что мужики иногда неадекватно реагируют.

— Ну, не знаю. Мой-то счастлив до потери пульса, что одной дыркой в голове меньше стало. Детей он не любит и никогда не любил, а я аборт терпеть не могу. Особенно если не от законного супруга залетаешь. Такая канитель... Ну, ладно, это к делу не относится. Так чем твой муженек занят?

— Готовится к защите диссертации. Он — химик. Часто задерживается в лаборатории... Ну, и вообще...

— А сын как?

— Жена сказал, соседка помогает. Надо будет ее потом как-нибудь отблагодарить. Хорошая тетка, только очень разговорчивая. И слишком энергичная. Сейчас все эти фонды появились, сулят прибыли немереные, так она только ими и живет. В один вложит, из другого проценты вынет...

— Доиграется, — безапелляционно сказала Инна. — Сама только в эти фонды не суйся, это для буратин всячески организовано. Ну, Бог с ней, с соседкой. Знаешь...

Тут в дверь палаты постучали. Женщины недоуменно переглянулись: для супруга Инны было рановато, а кроме него...

К огромному изумлению Анны, в палате появилась целая делегация из ее конторы: Нонна Сергеевна, Раечка и Марго. С букетиком каких-то похоронных хризантем и кульком фруктов.

— Ну, как ты тут? — затараторили наперебой посетительницы. — Поправляешься? Выглядишь прекрасно. Что у тебя было? Когда выпишут?

— Не знаю еще, — восточ ответила Анна. — Чувствую себя прилично. Наверное, скоро.

— А ты не торопись, — мрачно проговорила Нонна Сергеевна, поудобнее усаживаясь на стул. — Некуда.

— В каком смысле? — оторопела Анна.

— Прикрывают нашу лавочку, — всхлипнула Раечка. — Хорошо, что я уже пенсию оформила. Все не на улицу.

— Ты — пенсию? — искренне удивилась Анна.

— Она у нас просто вечно молодая, — с кривой усмешкой вступила Марго, — а по паспорту постарше будет... годков на двадцать. Такие вот пироги, девушка.

— А вы как же?

Нонна Сергеевна пожала плечами.

— Меня сестра обещала в какой-то кооператив пристроить. Продавщицей. Деньги неплохие. А Марго нигде не пропадет.

Марго сделала загадочное выражение лица и всем видом продемонстрировала, что — да, она-то не пропадет, ее вся эта свистопляска совершенно не волнует.

— А я? — спросила Анна, у которой болезненно защемило сердце.

— А ты посиди на больничном, сколько можно. Шеф вроде бы обещал тебя куда-то пристроить.

— Круче всех Верочка отмочила, — хихикнула Раечка. — Смотрела-смотрела телевизор, да и подалась в помощники к какому-то депутату. Заходила за расчетом, точнее, заезжала на машине с шофером — ну, прямо бизнес-леди. Хотя внешне как крысой была, так и осталась...

Неизвестно, сколько бы еще болтали коллеги, но помешал ежевечерний визит супруга Инны. Дамы при его появлении как-то увяли, застеснялись и гуськом потянулись к выходу, обещая обязательно быть еще в самом ближайшем будущем, и вообще...

Инна с мужем вышли в холл, а Анна так и осталась полулежать на малокомфортной больничной койке в совершенной растерянности от обрушившейся на нее лавины новостей.

Допустим, еще месяц она проведет на больничном. А что потом? В Академии Наук вакантных мест отродясь не бывало, туда попадали обычно по блату, либо уж по совершенно дикому везению. А сыну скоро в институт поступать, нужны репетиторы... Господи, да что же это все так сразу посыпалось?!

— Ты, никак, реветь собралась? — услышала она насмешливый голос Инны. — Из-за чего, интересно?

Анна только судорожно всхлипнула.

— Подружки расстроили? А они молодцы: пришли, так сказать, морально поддержать больную коллегу. Я бы таких убивала.

— Толку-то что? — устало спросила Анна. — Лучше самой умереть.

— Вот еще! — фыркнула Инна. — Я тебе место соорудила, как закроешь больничный, так туда и отправишься работать. Не пожалеешь.

— Секретаршей? — тупо спросила Анна.

— Нет, дурочка, старшим редактором. Я тут рассказала Эдику о твоих проблемах, он тебя к себе в издательство берет, не глядя. Три дня в редакции, два дня — дома. Оклад — приличный, но работа, предупреждаю, тоскливая. Эдик хочет тебя на мемуарную линию посадить.

— Не поняла.

— Они перестраиваются, вместо всякой научной лабуды начинают издавать как бы художественную литературу. Переводную и отечественную. На любовные романы и детективы, сама понимаешь, охотников полно, а вот с мемуарами возиться мало кому охота, скука же смертная.

— Ты бы посмотрела, чем я на работе занимаюсь... занималась, — слабо улыбнулась Анна. — Мемуары по сравнению с этими таблицами просто Джеймс Бонд. И потом я люблю серьезную литературу.

— Я так и думала. Так что, выкинь из головы глупости, поправляйся себе спокойно, а потом начинай новую жизнь. Нет неразрешимых проблем.

— Я — твоя должница, — с огромной благодарностью сказала Анна.

— Сочтемся, свои люди, — отмахнулась Инна. — Кстати, твоим единственным и непосредственным начальником будет мой супруг, так что, если что не так — сразу звонишь мне... Шучу.

Следующий вечер принес новый сюрприз: визит Евгения. Второй по счету за все время пребывания в больнице. Выглядел супруг ухоженным, не слишком обеспокоенным, хотя приличествующую ситуации маску озабоченности на лицо натянул. И вопросы о самочувствии задавал правильные. Но что-то было не так, а что — Анна никак не могла разобраться.

— А я три дня назад защитился, — вдруг сообщил Евгений. — Теперь только решения ВАКа нужно подождать. Впрочем, сейчас это быстро.

Анне бы обрадоваться, но что-то мешало сделать это по-настоящему.

— Поздравляю тебя, — сказала она с нужной долей энтузиазма. — И очень рада. Теперь тебе полегче будет, а то ты последнее время совсем замотался.

— Это точно, — подтвердил Евгений. — Прости, что к тебе редко выбираюсь...

— Ну что ты, я же понимаю. А как дела у Шурика?

— Весь в науках, представь себе. Проснулась тяга к знаниям.

— А чем вы питаетесь?

— Валентина свет Максимовна заботится. Стол — как в ресторане. Я ей приплачиваю, конечно... за качество обслуживания.

«Мог бы сказать: без тебя все-таки не то, дома тоскливо. Нет, не скажет. Ему, кажется, даже легче, что я не торчу вечерами у окошка в кухне и не высматриваю его приход... Квартиру, наверное, запустили до невозможности. Но ведь мужикам без разницы».

— А почему ты сказал, что ВАК теперь быстро все решает? — поинтересовалась она, чтобы хоть что-то спросить.

— Да потому, что сейчас защищаются только дураки вроде меня, — с неожиданным озлоблением ответил Евгений. — Зарплата остается прежней, в должности меня никто повышать не собирается, ассигнования на опыты урезают бесконечно. В общем, мрак. Надо что-то придумывать, пока институт совсем не прикрыли.

— Ваш институт? Да у вас же почти сплошные госзаказы...

— Были, — все так же желчно завершил фразу Евгений. — Государства-то уже практически нет, спустишь с небес на землю.

— Меня уже спустили, — сообщила Анна. — Наш Совет разгоняют.

— Давно пора, — хмыкнул Евгений. — Та еще богадельня.

Анна ждала закономерного вопроса, куда же она теперь денется, но так и не дождалась. Похоже, Евгения это вообще не интересовало. Но оказалось, что она слегка ошиблась.

— А может, это и к лучшему, — продолжил Евгений после небольшой паузы. — Я, видишь ли, прорабатываю одну комбинацию... Контракт на три года за рубежом. Если все пойдет нормально, приедете с Шуркой ко мне...

— Насовсем? — с ужасом спросила Анна.

— А что ты так переполошилась? Что тебя здесь держит, объясни, сделай милость? Работа? Роскошная квартира? Интересная жизнь?

— Нет, но эмигрировать...

— Пока никто про эмиграцию не говорит, — оборвал ее Евгений. — Пожить в цивилизованной стране, заработать нормальные деньги, вот и все, чего я хочу. А вернуться сюда можно в любое время, было бы желание. Ты все-таки безнадежный совок, Анка.

— Какая есть, — сказала она, сдерживая подступающие слезы. — И как скоро ты собираешься...

— Не завтра, успокойся. Пока еще все в стадии проекта. Но главное сделано: диссертацию я защитил. Ладно, мне пора. Будь умницей, поправляйся скорее. — Он приложился к ее щеке с дежурным поцелуем и с видимым облегчением покинул палату.

Инна, вернувшаяся из холла с очередной встречи с мужем, застала Анну в слезах.

— Опять? Что еще случилось? Твой благоверный тоже работу потерял?

Анна, путаясь в словах и всхлипывая, довольно бессвязно пересказала содержание разговора.

— И что ты реवेशь? — удивилась Инна. — Устроится мужик за кордоном, потом высвистит тебя с сынулей, и заживете по-человечески. Ты — молодая, красивая, заездил тебя только быт тутошний, вот и все. А там — расцветешь.

Анна покачала головой.

— Что-то мне кажется, все будет совсем не так замечательно...

— Когда кажется, креститься нужно, — резко оборвала ее Инна. — Думаешь, не вызовет? Хочет тебя бросить? Глупая, для этого совершенно не обязательно уезжать за границу. У нас в одной Москве сотни пар ежедневно разводятся. Ну-ну, только не реви, ради Бога, это же я так, предположительно. А сама прикинь: мужик зачитился, скинул многолетний груз, у него стресс сильнейший...

— От радости, что ли?

— Представь себе, от этого тоже. Ты — в больнице, дома наверняка небольшой бардак. В такой обстановке трудно сохранять хладнокровие и выражать нежные чувства.

— Но твой же муж...

— Правильно воспитан, — хмыкнула Инна. — Попробовал бы он вести себя по-другому. Я лично ему в такой ситуации не завидую.

— Мудрая ты женщина, — прошептала Анна.

— Нет, просто земная. Я ведь Эдика семь лет обхаживала, пока он на мне жениться решил. Учились вместе в полиграфическом, он парой курсов старше, москвич, красавец, из хорошей семьи. А я — пермячка, перебивалась на стипендию, место в столичном издательстве зубами выгрызла, а супруга своего измором взяла. Какие невесты вокруг крутились — красавицы, умницы, с родителями, дачами, машинами... Всех перетерпела, смогла так сделать, что без меня Эдику плохо, а со мной — полный кайф. А когда поняла, что он детей иметь ну ни в какую не хочет, тут-то и подловила: дала понять, что со мной таких проблем не будет.

Анна слушала темпераментную исповедь Инны, затаив дыхание.

— Он до сих пор не понял, что карьеру ему я выстроила, точнее, вылежала с кем надо. Докторскую защитил, директором издательства стал, все его мечты исполнялись, как по мановению волшебной палочки. А когда роли переменялись, он уже этого не заметил. Привык со мной советоваться, привык обо всем мне рассказывать, привык носиться со мной, как с хрустальной вазой. Я же без него пропаду, я же для него всем пожертвовала: карьерой, возможностью иметь детей... Вот так-то. Иначе вернулась бы в свою Пермь и сидела бы там в какой-нибудь дыре пыльной младшим редактором. Пик везения — выйти замуж за директора магазина. Нет, это не для меня...

— Я бы так не смогла, — искренне сказала Анна. — Сил бы не хватило.

— Вот-вот, а со стороны выглядишь совсем наоборот. Благополучная, устроенная, всем довольная. Так с какой стати с тобой церемониться? Везешь свой воз — и вези, никто помогать не будет.

— Ты же помогла работу найти.

— Я, Аннушка, воробей стреляный, людей на своем веку повидала всяких. И тебя, уж извини, насквозь вижу. Торговать в кооператив какой-нибудь ты не пойдешь — не то воспитание, да и характер не тот, свое дело открыть — это тоже уметь надо, а ты не умеешь. Так и будешь сидеть в своем уголке, грызть сухую корочку и ждать, когда времена изменятся к лучшему. А они сами по себе не изменятся. И потом, разве это помощь? Это я Эдику своему очередное благодеяние сделала — надежного, ответственного сотрудника нашла. А тебе при этом просто повезло.

Эту ночь Анне все-таки удалось поспать. То ли биологе у Инны было достаточно мощным, чтобы зарядить энергией соседку по койке, то ли организм мобилизовал защитные силы и не допустил второй бессонной ночи. А на следующий день выяснилось, что результаты ее анализов пришли, просто их куда-то засунули и забыли, что ничего страшного у нее, в принципе, нет, и через пару-тройку дней можно домой: на нормальную пищу, витамины и амбулаторное долечивание. Даже швы, точнее, шов, снимать не надо: делали по новой технологии, должен рассосаться сам. Теоретически.

— Я тебе позвоню, — сказала ей Инна, выписываясь. — Недельки через две. Отдохнешь еще немного, оформишь увольнение с прежней работы... Хотя зачем тебе этой ерундой заниматься? Совсем я тут тонус потеряла. Секретарша Эдика все оформит переводом, придешь сразу на новое место. От тебя, кстати, две остановки на метро или двадцать минут автобусом. Скажи, удобно?

— Спасибо тебе. Я бы без тебя тут совсем пропала, честное слово.

— Не пропала бы, — хохотнула Инна. — Ты — баба сильная, выкрутилась бы и сама. Правильно?

— Неправильно, — слабо улынулась Анна. — Я — слабая, я только теперь это понимаю. Просто меня жизнь жалела-жалела, да и перестала.

Она даже не представляла себе, насколько была права. Евгений, которому она позвонила на работу накануне выписки, довольно сухо сказал, что освободиться в первой половине дня никак не может, и что ей разумнее всего взять такси, благо от больницы до дома недалеко. У Шурика какая-то сверхважная олимпиада, его лучше вообще не трогать. Так что, увидятся дома.

Можно было бы позвонить кому-нибудь из бывших коллег, но Анна так и не смогла заставить себя это сделать. То ли гордыня внезапно появилась, то ли просто не хотелось видеть никого с уже прежнего места работы: их визита в больницу ей вполне хватило, чтобы понять: за много лет она так и не стала частью дружного коллектива, да и коллектив-то держался, в основном, на общем стремлении делать как можно меньше.

Такси она брать не стала по очень простой причине: не было денег. Евгений как-то об этом не подумал, а у нее в сумочке, которую, судя по всему, собирал до смерти перепугавшийся Шурик, было всего несколько рублей — на метро. Слава Богу, ключи от квартиры там тоже были, иначе возвращение домой в первой половине дня вообще становилось проблематичным.

Анна открыла входную дверь и тут же увидела почти новые кроссовки, явно импортные, стоявшие там, куда Шурик обычно ставил свои вывавшие виды кеды. В квартире на полную катушку гремела любимая музыка сына, от которой у нормального человека лопались барабанные перепонки. А как же важная олимпиада?

Анна осторожно заглянула в комнату: сын сидел за столом и что-то писал. Кошмарная музыка ему, судя по всему, абсолютно не мешала. Беспорядок был умеренный, могло быть хуже. Все так же тихо Анна прошла на кухню: почти чисто. Во всяком случае, в мойке — только пара тарелок, а не гора заплесневелой посуды, пол не затоптан. Глинта, правда, нуждается в хорошей чистке, ну, это дело привычное.

Анна снова вернулась в комнату и после минутного колебания нажала кнопку «стоп» на новом, между прочим, кассетном магнитофоне. Похоже, ее пребывание в больнице повлияло на благосостояние семьи в положительную сторону.

Внезапно наступившая тишина заставила Шурика подскочить на стуле и развернуться к матери. Проступившее на его лице изумление было совершенно неподдельным. И... мгновенно промелькнувшее выражение досады. Или ей показалось?

— Мама? Тебя уже выписали?

Анна бросилась к своему мальчику, стиснула его в объятиях, принялась осыпать поцелуями. Как же она по нему соскучилась, Господи! Как она могла так долго его не видеть?

Шурик на эмоциональный порыв матери отозвался довольно вяло, но он всегда скептически относился к таким вещам, особенно в последний год. Впрочем, поцелуй ей вернул достаточно искренне, тоже, кажется, соскучился.

— Разве папа тебе не сказал, что я сегодня вернусь?

Шурик покачал головой.

— Он вчера поздно пришел. Я уже спал.

— А как твоя олимпиада?

— Какая?

— У тебя сегодня должна быть важная олимпиада. Отец сказал...

— Он что-то напутал, — пожал плечами Шурик. — Олимпиада была на прошлой неделе. Я, между прочим, занял второе место.

— Молодец! А как вообще дела в школе?

— Нормально. Учимся помаленьку. Меня теперь отец премирует за успехи: видишь, маг классный купил.

— И кроссовки...

— Ага. И еще джинсовый костюм. Клево, да?

Анна присела в кресло и сморгнула внезапно навернувшиеся слезы.

— Наверное, клево, сынок. Наверное...

Глава третья. **Все течет, все меняется...**

Анна думала, что Евгений придет пораньше — все-таки жену выписали из больницы, но он появился уже после десяти часов. Заглянула соседка, поздравила с выздоровлением, рассказала массу историй про свои финансовые дела. Анна поблагодарила ее за хлопоты, но та лишь отмахнулась:

— Пустяки. Я все равно на пенсии, времени полно. Да и Евгений Петрович не обижал...

— В смысле? — не поняла Анна.

— В смысле — негловой приварок к пенсии был. Мне, правда, деньги особо не нужны, но как не помочь соседям.

На прощание соседка испекла пирог с капустой и предложила свою помощь на тех же условиях. Анна вежливо поблагодарила, а от предложения уклонилась: ни да, ни нет. Сколько ей будут платить на новой работе, она не знала, а по больничному листу, когда его еще оплатят, золотые горы ей вряд ли отвалят.

Но интересно все-таки, что у Евгения нашлись деньги и на модные обложки сыну, и на магнитофон, и на оглату фактически домработницы. Почему же до сих пор были только классические сто рублей в месяц и ни копейки больше? Этот вопрос не давал Анне покоя весь вечер, пока она довольно бестолково тыкалась по квартире, пытаясь навести предварительный порядок, а потом прилегла: шов все-таки давал о себе знать.

Когда в замке повернулся ключ, она не без труда поднялась и вышла в переднюю встречать мужа. Вместе с ним в прихожую влилось облако совершенно незнакомых запахов: то ли вкусной еды, то ли дорогих напитков, то ли всего вместе в смеси с каким-то парфюмом. Увидев жену, он вздрогнул.

— Слушай, прости, я забыл, что тебя сегодня выписывают, — произнес он, касаясь мимолетным поцелуем ее лица где-то в области переносицы. — Ну, как ты?

— Как положено, — ответила Анна. — Ползаю по квартире потихоньку. На кухне пирог, могу чай подогреть.

— Спасибо, я сыт, — рассеянно проговорил муж. — Шурка дома?

— Естественно, — с некоторым изумлением ответила Анна. — А где ему быть в такое время?

— Мало ли, парень взрослый уже. Просто музыки не слышно.

— Я попросила его надеть наушники. Кстати, откуда такой дорогой магнитофон?

— Из магазина. Можно мне пройти помыть руки? Или ты так и будешь держать меня в прихожей?

Меньше всего это походило на радостную встречу любящих супругов. Конечно, для Анны была не новость, что ее супруг, мягко говоря, скуп на нежности, но не до такой же степени!

— У тебя неприятности на работе? — спросила Анна, когда Евгений, переодевшись в домашний костюм, появился на кухне.

— С чего ты взяла? Скорее наоборот. Но об этом мы с тобой попозже поговорим.

— О чем, об этом?

— О моей работе. Точнее, о моей зарубежной работе.

— А что, есть положительные сдвиги?

— В общем, да... Но об этом после. Скажи пожалуйста, что за операцию тебе делали?

— Ты мог поговорить об этом с лечащим врачом, — слегка побледнела Анна.

— Я поговорил с медсестрой, этого было достаточно. Аборт с осложнениями, так ведь?

Анна лишилась дара речи. Откуда он вообще взял такой диагноз.

— Какой аборт, Женя? Мы с тобой несколько месяцев не спали...

— Я — не единственный мужчина на свете.

— Ты себя-то слышишь? — стараясь не впасть в истерику, спросила она. — Ты понимаешь, в чем меня обвиняешь? Причем на ровном месте, да еще в первый мой вечер дома.

— Я узнавал, что только в подобных случаях женщина не может больше иметь детей, поскольку лишается необходимых для этого органов.

— Возможно, я не в курсе. А ты хочешь еще детей?

— Нет, — быстро ответил Евгений. — Но еще меньше хочу быть обманутым идиотом.

— Так не будь им, — пожал плечами Анна. — Аборт — это плод твоей фантазии. А детей у меня действительно больше не будет.

— Потому что ты больше не женщина?

«Пресловутая врачебная тайна, — с горечью подумала Анна. — Конечно, он побеседовал с какой-нибудь милосердной сестричкой, обаял ее, и та все выложила. Ей-то все равно. Предупреждал ведь меня профессор, ну, и что толку?»

— Молчишь, — с удовлетворением констатировал Евгений. — Значит, так оно и есть.

— На все остальные женские функции это не влияет, — тихо сказала Анна.

— Возможно. Но мне не хотелось бы иметь дело с выпотрошенной куклой.

Анне показалось, что ей дали звонкую пощечину. Она машинально вытащила из пачки мужа сигарету и неумело прикурила. Даже не закашлялась, как это обычно бывает с теми, кто курит впервые. Просто ничего не почувствовала. Было только предельно ясно, что после всего этого прежние отношения между ними вряд ли восстановятся. Так что, если он действительно уедет на пару лет за границу... Хуже ей от этого не станет.

Евгений, кажется, понял, что перегнул палку, и постарался дать задний ход.

— Прости. Я вовсе не хотел тебя обидеть. Ну, что я могу поделывать, если у меня такое ощущение?

Анна молча пожала плечами.

Молча они попили чаю. Молча же отправились спать, стараясь не разбудить сына, который уже спал сном праведника, богатырски раскинувшись на раскладном диване. Молча улеглись каждый со своей стороны постели, оставив между собой приличный зазор. Больше всего Анне хотелось заплакать, причем от души, всласть, но именно этого она позволить себе не могла: женских слез ее супруг не переносил.

«И ведь это тоже было, — думала Анна, изо всех сил сдерживая слезы. — А я терпела. Всегда ровная, спокойная. Веселая. Всем довольная. Идеальная, все понимающая и всепрощающая жена. Вот и награда — за идеальность. Права Инна, трижды права: мужчины не понимают хорошего отношения»...

За этими мыслями Анна как-то незаметно уснула. А проснувшись, обнаружила, что времени уже — десять часов утра, и в квартире царит тишина. Значит, Шурка ушел в школу, а Евгений — на работу. Все правильно, жизнь продолжается.

В холодильнике еще был суп, так что обед для Шурика имелся. В морозилке лежал кусок мяса и пачка пельменей, да и вообще все необходимые продукты были налицо. То ли соседка старалась, то ли ее мужики вовсе не такие беспомощные, как казалось Анне до сих пор. В любом случае, можно было, не торопясь, заняться приготовлением ужина, что она и сделала. Самой есть не хотелось совершенно, кусочка хлеба с сыром оказалось вполне достаточно на весь день.

Шурик пришел часа в три, объявил, что через час у него — важные дополнительные занятия и придет он нескоро, мгновенно поел и так же мгновенно испарился. Анна даже не успела толком расспросить его про школьные и прочие дела. Только когда захлопнулась входная дверь, с горечью подумала, что всего за две недели сын отвык от нее так, как если бы она отсутствовала два года.

Телефонный звонок заставил ее вздрогнуть. В трубке раздался жизнерадостный голос Инны:

— Привет, подруга! Как дома? Небось, блаженствуешь?

Анна хотела что-то ответить, но горло перехватил спазм.

— Так, — хмыкнула Инна, — все еще хуже, чем я думала. Дома бардак, да? Кто тебя, вообще-то, встречал?

— Никто меня не встречал, — глотая слезы, ответила Анна. — А дома все относительно чисто, даже еда есть. Но они совсем чужие, понимаешь, чужие...

— Не понимаю, — озадаченно ответила Инна. — Что не встретили, конечно, сви-
ньи, ты их разбаловала. Но почему чужие?

И Анна неожиданно для себя рассказала Инне все, что произошло между ней и мужем накануне вечером. Инна слушала ее внимательно и перебила только один раз, причем сугубо непечатным выражением, когда узнала, кто рассказал Евгению о диагнозе.

— Грустно, — подвела она итог, — но не смертельно. Твой благоверный за границу-то собирается?

— Вроде да. Мы только мельком этого коснулись.

— Оно и к лучшему. Только потребуй, чтобы он тебе деньги высылал ежемесячно. А то ты со своими интеллигентскими замашками совсем пропадешь. Хотя зарплата у тебя будет приличная — примерно триста баксов, но это не бог весть что...

— Триста! — ахнула Анна. — Это же такая прорва деньжищ!

— Прожиточный минимум для тебя с сыном, — сухо ответила Инна. — Так что, засунь свое благородство туда, где никогда не бывает загара, и веди себя по-умному. Хотя бы для разнообразия.

— Сын меня практически не замечает, — продолжала Анна. — Отец тут закупил ему кучу импортных шмоток, магнитофон... Я вроде бы лишняя.

— Не накручивай себя, пожалуйста. У парня — подростковый возраст, за магнитофон он и тебя, и папеньку своего продаст, не поморщится. Перестань киснуть, выйди погулять, купи себе витаминов, фруктов, в общем, возвращайся к нормальной жизни. А я тебе еще позвоню.

Евгений пришел домой даже раньше Шурика, от ужина не отказался и вообще вел себя менее агрессивно, чем накануне. В какую-то минуту Анна даже подумала, что накануне супруг перебрал лишнего, поэтому нес всякую ахинею. Но когда она убрала со стола грязную посуду и налила чай, то услышала:

— Аня, я хочу с тобой поговорить. Серьезно.

— О чем?

— О моем отъезде за границу.

— Все-таки отъезде?

— Все-таки отъезде. В этой стране мне делать нечего.

— И как скоро ты собираешься...

— Это зависит от тебя.

— Не поняла.

— Я могу уехать без особых хлопот, если мы разведемся.

— Все равно не поняла, — тупо повторила Анна. — Как же ты потом сможешь вызвать нас с Шуркой?

— Шурка поедет со мной.

— При разводе ребенка оставляют с матерью, — шепнула Анна побелевшими губами.

— Он уже не ребенок, может сам решать, с кем ему лучше. Конечно, ты можешь судиться. Но он вот-вот получит паспорт, тогда нас без хлопот разведут через загс.

— И все-таки я не понимаю...

— А ты постарайся понять, — жестко сказал Евгений. — У меня появилась возможность жениться на одной даме, канадке, хозяйке небольшого предприятия. Тогда я буду не бесправный эмигрант — наемный работник, а полноправный гражданин цивилизованной страны. И мой сын — тоже. Вместо того, чтобы присылать на него алименты, я полностью буду его содержать.

— А алименты тебе буду платить я? — бессильно съязвила Анна.

— Не юродствуй, тебе не идет. Будешь свободной, самостоятельной женщиной. Личную жизнь, конечно, вряд ли устроишь после того, что с тобой произошло...

— Мне, между прочим, не ногу отрезали или руку...

— На таких, кстати, больше охотников, чем на женщин с твоим диагнозом. Впрочем, меня это не касается.

— А что тебя касается? — вырвалось у Анны. — И зачем тебе понадобился сын?

— Затем. У Агнесс детей нет и не будет, а тут — готовый наследник. И муж — не захребетник, а полноценный партнер. Впрочем, я могу с ней поговорить, она найдет тебе какого-нибудь заморского жениха.

Анна разрыдалась. Вопреки ожиданиям, супруг не встал и не хлопнул дверью, а просто сидел и курил, пережидая этот всплеск эмоций. Анна начала немного успокаиваться, когда в замке повернулся ключ. Сын, наконец, явился домой.

— Умойся, — прошипел почти беззвучно Евгений. — Не травмируй парня своей опухшей физиономией.

Анна, как сомнамбула, подошла к раковине и плеснула в лицо ледяной водой.

— А пожрать в этом доме дадут? — весело спросил вошедший Шурика.

Запלקанных глаз матери он то ли не заметил, то ли не пожелал замечать. В данный момент его интересовала только еда.

Евгений из кухни не выходил, словно чего-то выжидал. Чего именно, Анна поняла, когда тарелка перед сыном опустела.

— Александр, — сказал Евгений, — мы тут с твоей матерью обсуждали планы на будущее. Ты не передумал?

Анну словно ударило в грудь чем-то тупым и тяжелым. Она бессильно опустилась на табуретку. Значит, они это уже обсуждали, и Шурик ничего не имеет против того, чтобы уехать с отцом. Значит, она для него уже действительно больше ничего не значит? Или он ее вообще не любит, как и Евгений?

— Ну, мам, чего ты? — нахмурился Шурика. — По-моему, отец клево все придумал. Прикинь: от армии косить не придется, с учебой — без проблем, со всем остальным — тоже. Что я в этом совке забыл?

— Меня.

— Ну, мам, ну, какая ты... Я буду приезжать на каникулы, и вообще... Тебе же легче будет. А мне отец машину купить обещал, здорово, правда? Ты же не купишь... И у меня, наконец, будет отдельная комната, а не этот чертов закуток...

— Так, — спокойно проговорила Анна, — я вижу, вы все уже обсудили, продумали и решили. О чем же вы тогда со мной беседуете? Мы с отцом разводимся, я остаюсь здесь, потому что вам не нужна, вы уезжаете. Что вы хотите, чтобы я плясала от радости на столе? Или кинулась вас обнимать со слезами восторга?

— Аня, по-моему, ты...

— Что — я? Не волнуйся, скандала не будет. И развод я тебе дам, и Шурика отсуживать не собираюсь. Он действительно уже взрослый, а насильно мил не будешь. К тому же разве можно колебаться в выборе между родной матерью и мачехой с машиной и отдельной комнатой? Даже смешно.

Шурик набылчился и пробормотал себе под нос:

— Конечно, обо мне никто не думает. А если с тобой что-нибудь случится, как я тут буду?

— В смысле, если я умру? — поинтересовалась Анна.

— Но ты же практически инвалид.

— Это тебе папа сказал? — ровным голосом спросила Анна.

— Да все говорят! — взорвался Шурик. — И как мы тут будем на зарплату твою копейную? Мне перед ребятами стыдно, я словно детдомовец какой-то...

— Хорошо. Ты поедешь с отцом и не будешь как детдомовец. Я останусь здесь со своей «копейной зарплатой» и, думаю, выживу. Если я правильно понимаю ситуацию, за границей я вам не нужна ни под каким видом. Ладно. Я жалею только об одном...

— О чем? — перебил ее Евгений. — О том, что вышла за меня замуж, или о том, что родила ребенка?

— О том, что выжила после операции. Тогда вы могли бы не просто спокойно уехать, но и избежать хлопот с разводом, и квартиру продать — все-таки стартовый капитал. Ну, извините, если что не так. А теперь я пойду лягу, устала.

Ее уход из кухни сопровождался полным молчанием. То ли сказать было вообще нечего, то ли они уже вычеркнули ее из своей жизни и рассматривали как некое препятствие, которое нужно даже не преодолеть — обойти.

Как ни странно, слез у нее не было. И боли особой она не ощущала: словно вся находилась под воздействием какой-то мощной анестезии. Только много позже она поняла, что в этот момент организм включил все свои защитные силы, чтобы не дать ей сойти с ума или покончить с собой. Точнее, он ее просто отключил — на время.

Как прошли следующие три месяца, Анна потом не могла толком вспомнить. Разводили их по доверенности, которую она молча, без комментариев, подписала вместе с какими-то еще бумагами, оказавшимися отказом от каких-либо моральных и материальных претензий к бывшему супругу, а также предоставление полной свободы уже совершеннолетнему сыну.

Инна, периодически звонившая, сначала пыталась как-то Анну раскатать, пробудить от этой неестественной спячки, заставить бороться за свои права.

— Он обязан выплачивать тебе содержание, — яростно толковывала она приятельнице. — Или выплатить компенсацию за то, что ты уступаешь ему все права на сына. Ты ему просто подарок делаешь из-за гордыни своей дурацкой или уж не знаю, чего там...

— Оставь, Инна, — наконец, не выдержала Анна. — Сыном я торговать не собираюсь, от Евгения мне ничего не нужно. Он меня предал. И виновата в этом только я, ты сама мне миллион раз твердила, что я избаловала своих мужиков. Теперь нужно платить по счетам.

В конце концов, Инна махнула рукой и добилась только того, что после закрытия больничного Анна получила оплачиваемый отпуск на предыдущей работе и такой же отпуск, можно сказать, авансом, в издательстве.

Прежний начальник вдруг проявил непонятный альтруизм и осчастливил уже бывшую подчиненную фактически бесплатной путевкой в подмосковный санаторий «по профилю заболевания». Это было действительно благодеянием: больше всего в те дни Анне хотелось оказаться где-нибудь подальше от собственного дома.

Весна в том году была ранней и удивительно теплой: деревья зазеленели уже в начале апреля. Санаторий, когда-то ведомственный, а теперь неизвестно какой, представлял собой порядком запущенный особняк на краю то ли парка, то ли леса, и находился километрах в трех от ближайшего поселка с магазинчиком и прочими благами цивилизации.

А до железнодорожной станции еще нужно было добираться рейсовым автобусом, который теоретически ходил трижды в сутки, а практически — когда водителю заблагорассудится. Словом, такую глушь еще надо было поискать, зато Анне достался однокомнатный номер — крохотный, от силы восемь метров, с основными удобствами — в конце длинного коридора. Зато была довольно удобная кровать, черно-белый, неизвестно как уцелевший телевизор, ловивший, правда, только два канала, и главное — небольшой балкончик, выходящий на сосновый бор.

В первую же ночь Анна мгновенно заснула и проспала почти двенадцать часов, причем без сновидений. Естественно, опоздала на завтрак, зато впервые за долгое время с аппетитом съела довольно-таки незамысловатый обед. На полдник полагалось яблоко и плюшка, после ужина — стакан кефира. Большинство обитателей

санатория, естественно, оставались полуголодными, и чуть ли не ежедневно совершали экскурсии в поселок «за приварком».

Анна ходила туда только один раз: купила небольшую баночку растворимого кофе и кулечек сахара. Кипятильник ей одолжила сердобольная горничная: кто-то из предыдущих обитателей номера оставил этот незатейливый прибор в тумбочке. А еще купила сигарет, хотя курить в санатории категорически запрещалось. Но кто мог помешать ей делать это на балкончике? Да и не следил за ней никто.

В дальнем углу санатория она обнаружила очень даже неплохую библиотеку, и почти все время, свободное от сна и прогулок, читала. Читала все подряд: русскую и зарубежную классику, затрепаннные детективы, современные, неизвестно как попавшие сюда, любовные романы.

Ее никто не навещал, да она и не ждала этого. Инна отправилась долечиваться на модный заграничный курорт, бывшие коллеги, во-первых, не знали, где она находится, а если и знали, то слишком были заняты устройством собственных дел. Время пролетело незаметно, и уезжала из санатория Анна практически здоровая физически, но все еще не отошедшая от своего «внутреннего наркоза». Кстати, уезжать не хотелось: конец апреля был уже почти по-летнему ясен и даже жарок, бытовые заботы не тяготили, а дома... Что такого приятного ждало ее дома? Готовые к отъезду уже чужие муж и сын? Пустая квартира? Новая работа? Вот разве что работа...

Дома ее, впрочем, ждал сюрприз: вместо готовых к отъезду мужа и сына она обнаружила полупустую, хотя довольно чистую квартиру, девственно-пустой холодильник и записку на столе, возле ее любимого места:

«Нам удалось уехать чуть раньше. Прости, что не получилось по-человечески попрощаться. Я забрал часть библиотеки и, естественно, все наши вещи. Напишем, когда окончательно устроимся на новом месте. Шурик тебя целует. Е.»

Анна опустилась на стул и тупо перечитала записку. Вот так закончились почти девятнадцать лет абсолютно благополучного брака. Почти пустые книжные полки, распахнутые полупустые шкафы, уже успевший осесть на мебели тонкий слой пыли. А она-то готовила себя к еще одному испытанию: долготу прощанию! Снова ошиблась...

Надо надеяться, что Шурику будет хорошо на новом месте. Десятый класс он закончит уже там, в Канаде. Или у них другая система образования? Хотя какая разница, ей об этом вряд ли кто-нибудь сообщит. И письма не будет: Евгений часто говорил про себя, что у него, как у самолета, нет заднего хода. И стоп-крана тоже нет, и никогда не было...

Ну, вот и все. То, что началось несколько месяцев назад сильнейшим приступом боли в любимом углу кухни, там же и закончилось — абсолютным крахом. Несколько месяцев назад она считала, что у нее есть все, сейчас отчетливо понимала, что не осталось практически ничего. И есть только два выхода из этого положения: покончить с собой, причем не откладывая это ни на минуту, или...

Или стиснуть зубы и попытаться жить дальше. В санатории она поняла, что есть многое, кроме работы и заботы о семействе. Теперь она свободна, совершенно свободна, к тому же может не беспокоиться ни о работе, ни о деньгах: обещанной зарплаты ей вполне хватит.

А сейчас нужно сходить в магазин, купить что-то на первое время, немножко прибраться в квартире, принять нормальную ванну, по которой она стосковалась после общего, но слишком презентабельного душа в санатории. Купить газету с программой телепередач. Лечь спать пораньше...

Анна решительно встала и медленно, как во сне, опустилась на пол, потеряв сознание... □

Окончание следует.

КТО КОГО?

Некто Воланд, обаятельный Булгаковский персонаж, однажды сказал (не ручаюсь за точность цитаты), что москвичи — хороший народ, вот только квартирный вопрос их испортил. Это — чистая правда, и неважно, что со времени написания «Мастера

и Маргариты» прошел без малого век. Отдельных квартир как тогда на всех не хватало, так и сейчас не хватает, поэтому многим нашим соотечественникам до сих пор приходится жить в коммуналках. И приводит это порой к таким последствиям...

Эта трехкомнатная квартира почти в центре Москвы была коммунальной не всегда. Изначально там обитала дружная семья: муж, жена, взрослая дочь и бабушка. Потом бабушка умерла, дочь выскочила замуж, а ее родители, наоборот, развелись. Обратились в тогда еще советский кооператив, там подыскивали варианты размена, а в «трешку» въехали четыре совершенно не знакомых друг другу жильца: разведенный мужчина, разведенная женщина с ребенком и молодой парень.

Прошло несколько лет. Разведенная женщина вышла замуж и родила еще одного ребенка. Разведенный мужчина женился, и в их семье тоже произошло пополнение. «Растем, как на дрожжах!» — заметил молодой парень и съехал из «дурдома» (его выражение) к своей девушке в крохотную «однушку», а вместо него в коммуналке поселилась старенькая бабушка, Ирина Максимовна, которая приходилась девушке какой-то дальней родственницей. В скором времени парень и его подруга оформили брак и официально совершили родственный обмен: старушка меняла свои метры в «однушке» на комнату в коммуналке. На том все временно устаканилось.

А вот продолжение всей этой истории последовало только в 2003 году, когда Ирина Максимовна отметила свой девяностолетний юбилей. Женщиной она была еще бодрой, но соседи, которые давно отчаялись обрести отдельное жилье, не теряли надежды дождаться однажды ее смерти и получить — на худой конец — хотя бы ее комнату. Дело в том, что квартира оставалась неприватизированной, старушка была прописана в своей комнате одна, так что, освободившаяся жилплощадь должна была достаться очередникам. Кому именно — дело десятое, главное — поскорее.

Постарайтесь представить себе эту ситуацию: в одной комнате (14 метров) — муж, жена и двое детей, во второй (17 метров) — муж, жена и ребенок, а в третьей (24 метра!) — тихая одинокая бабушка, которая (как представлялось ее соседям) явно зажилась на этом свете.

Конечно, до поры до времени никто и ничего Ирине Максимовне вслух не говорил. Как можно? Старый человек, ветеран труда, участник войны, две медали, к тому же ведет себя интеллигентно, из ума не вышла и общаться с ней — одно удовольствие. Но, повторюсь, еще Воланд сказал насчет квартирного вопроса...

Война началась в конце лета, как раз после юбилея Ирины Максимовны. Вроде бы с малого: старушка чисто случайно, по забывчивости, не выключила газ. Она не впала в маразм, просто задумалась о чем-то и ушла из кухни, оставив гореть конфорку. Пять минут спустя к ней ворвалась соседка (та самая бывшая разведенная женщина):

— Вы что делаете?! Квартиру спалить хотите?!

Ирина Максимовна попыталась оправдаться, начала что-то объяснять, но ее не стали слушать. Соседка убежала к себе, причитая и крича что-то-то насчет «нельзя теперь будет спокойно из дома выйти!» На вопли из своей комнаты вышла вторая соседка, жена того самого бывшего разведенного мужчины, и горячо поддержала: «Газ не выключает? Мда, вот этого я и боялась».

Ирина Максимовна была так расстроена всем происшедшим, что у нее заболело сердце. Еще бы, ведь раньше отношения с соседями были вполне нормальные, и вдруг... Она не понимала, с чем связана такая перемена. Не все ведь интересуются жилищным законодательством — а зря. Если бы пожилая дама удосужилась хотя бы в газетах поискать информацию, она бы узнала, что получить по очереди отдельную жилплощадь ее соседям практически не светит. Квартиру запросто можно купить, были бы деньги, а вот получить... Уже тогда в печать просачивались отдельные пункты будущего нового закона, в соответствии с которым жилье, полученное от государства по договору социального найма (а только на это могли когда-нибудь рассчитывать соседи), это совсем не то же самое, что в незабвенные советские времена. Такую квартиру нельзя будет приватизировать, продать, свободно обменять — это не собственность, даже условная, а что-то вроде прежнего ведомственного жилья, из которого тебя могут в любой момент «попросить». Своего рода общежитие, что ли. Да и дадут ли его?

Естественно, обе соседские семьи страшно нервничали. Перед ними маячила дата принятия нового закона, после которой приватизировать даже эту, имеющуюся, квартиру будет уже нельзя. Что тогда с ней делать? Ведь если она останется муниципальной собственностью, невозможно будет ее выгодно продать, поделить деньги и приобрести две отдельные квартиры в пригороде...

Можно было, конечно, заняться приватизацией сейчас, пока не поздно. Но как быть с бабушкой? Она тоже станет собственником жилья, соответственно, после ее смерти комната достанется не соседям, а наследникам! То есть уплывет прямо из рук!

Несколько раз у соседей (втайне от Ирины Максимовны) происходили своего рода экстренные совещания, где без конца обсуждался вопрос:

что делать? Старушка умирать, судя по всему, не собирается, а время поджидает...

И — что еще раз подтверждает воландовскую мысль — они нашли решение...

Врач-психиатр явился к Ирине Максимовне через день после случая с газом. Это была милостивая женщина лет пятидесяти, которая сразу, едва войдя в квартиру, приступила к делу:

— Кто больная? Сколько лет? Давно это началось? Какие еще симптомы?

Растерянную старушку оттеснили в сторону, отвечала за нее соседка, которая (к изумлению Ирины Максимовны) сказала следующее: «Ей девяносто уже. Постоянно не выключает газ на кухне, странно себя ведет, мы просто боимся ее одну в квартире оставлять... Нет, так-то она тихая, хорошая, но сами понимаете... возраст...» И зачем-то утащила врача в свою комнату.

К чести доктора следует сказать — этот номер не прошел. Не пробыв в соседской комнате и пяти минут, психиатр вышла, ласково заговорила с Ириной Максимовной, задала несколько вопросов и удалилась, посоветовав быть внимательнее и не злить людей, а заодно добавила, что люди сейчас и так злые, а уж в коммуналках — тем более.

Но если бы все было так просто! В тот же день к Ирине Максимовне пожаловала вторая соседка (жена бывшего разведенного мужчины) и сообщила, что, раз врачи сейчас «настолько непрофессиональны», она сама будет ее контролировать на случай повторения истории с газом. И начнет прямо сейчас.

Позже Ирина Максимовна рассказывала:

— Понимаете, я человек впечатлительный, мне тяжело все это переживать... А тут еще такая агрессия! Она перевернула мою тумбочку — искала спички, кажется. Проверила, какие лекарства я принимаю. Посмотрела мой холодильник. Зачем-то рылась в ящике с документами... Это было ужасно!

За старушкой начали следить. Ей не давали спокойно готовить себе пищу — стояли над душой. Бдительно проверяли после нее ванную и (зачем-то) туалет. Слушали ее телефонные разговоры. На что они рассчитывали? Правильно — на то, что у очень старой (все-таки девяносто лет!) женщины не выдержит сердце, и она просто тихо умрет, освободив их от проблемы.

Дальше — больше. Подросшие соседские дети, не без согласия своих родителей, начали собирать шумные компании друзей и громко включать музыку, зная, что Ирине Максимовне становится от этого плохо. Потом кто-то (случайно, наверное?) вылил в унитаз только что сваренный ею суп. Еще через несколько дней пришел участковый и сказал, что ему поступила жалоба от соседей на «странное» поведение «явно впавшей в маразм» старушки, которая «кричит, поет, пытается поджечь квартиру».

Как она все это выдержала? Трудно сказать. Наверное, не зря все-таки говорят, что трудности закаляют человека. Да и молодость, пришедшаяся на тяжелые для страны времена, что-то да значит. Как бы ни было — Ирина Максимовна не сдавалась. Она была неизменно вежлива с соседями, называла их на «вы» и только «голубчик, голубушка», никогда не повышала голос и в любой момент готова была простить все — лишь бы

больше не трогали. Она уже начинала понимать, что просто так от нее не отстанут, но все равно надеялась на лучшее и не держала ни на кого зла.

— Что поделаться, — сказала она намного позже, уже после всех трагических событий. — Можно людей понять... такая теснота... и никаких перспектив... Но я же не могла умереть только для того, чтобы сделать им одолжение!

И она не умерла. Случилось нечто противоположное — старушка осталась одна в трехкомнатной квартире! Но накануне, ранним вечером, когда обе соседские семьи пребывали еще в добром здравии, она из последних сил выползла во двор, подошла к сидящим на лавочке бабушкам и пробормотала: «Мне страшно... Я чувствую — меня убьют...» По словам свидетельниц (этих бабушек), выглядела она очень плохо, держалась за сердце, двигалась с трудом. Создавалось впечатление, что она действительно очень напугана.

А вот хроника следующего — рокового — дня:

В 9:35 утра Ирина Максимовна обратилась к участковому терапевту с жалобами на боли в области живота. При осмотре были обнаружены несколько кровоподтеков и ссадин, которые женщина объяснила падением на скользком полу ванной. Врач записала эти слова в медицинскую карточку, но поставила знак вопроса. В свете остальных событий это позволило предположить, что накануне старушка была избита.

В 10:00 в квартире раздались сразу два телефонных звонка с работы обоих глав семейств, которые в этот день на свои рабочие места не явились.

Около 11 часов Ирину Максимовну видели во дворе, где она сидела на скамейке, не сводя глаз с автобусной остановки. Через полчаса из автобуса вышел незнакомый мужчина лет сорока пяти (бывший молодой парень, с которым она поменялась), подошел к ней и увел в дом. Он же через 15 минут вызвал «Скорую помощь» и милицию, так как соседи — все семь человек! — были давно и безнадежно мертвы, тела даже успели остыть.

Бригада оперативников осмотрела квартиру и не обнаружила никаких следов борьбы или насилия. В меньшей из комнат вся семья сидела, уткнувшись головами в стол, накрытый для завтрака. Глава второй семьи лежал на полу в ванной, его жена — на полу в комнате, а сын закончил на корточках у раскрытого платяного шкафа. Причина смерти оказалась у всех одинаковой — отравление каким-то сильнодействующим ядом быстрого действия. Судя по всему, никто не успел осознать, что происходит.

Ирину Максимовну допросили. По ее словам, утром она ушла к врачу, так как плохо себя чувствовала, а когда вернулась, заглянула к соседям и увидела их уже мертвыми. Никто посторонний вроде бы не заходил, все вещи остались лежать на своих местах, дверь была заперта на оба замка. Нет, она не знает, в чем тут может быть дело. Да, с соседями были плохие отношения, но, скорее, плохие с их стороны, а она сама всегда старалась сохранить мир в доме. Это могут подтвердить почти все бабушки в доме, участковый, врач из психдиспансера. Нет, она ни в коем случае не желала своим соседям смерти, а уж тем более их детям! Надеялась, что рано или поздно ситуация как-то разрешится, и все будет хорошо, как раньше.

Вскрытие трупов показало, что смерть наступила от отравления ядом из группы цианидов (название, по понятным причинам, не указываю) и была мгновенной. Вещество обнаружилось во всех трех чайниках с питьевой водой (включая чайник Ирины Максимовны!), в сахарнице одной из семей, в белом хлебе, в заварке, на поверхности кухонных столов, на коробках спичек, на полотенцах, на полу... одним словом, потребовалась санитарная обработка квартиры для того, чтобы уничтожить все до последней крупинки. Квартира была буквально напичкана ядом!

Естественно, главной (и единственной) подозреваемой была Ирина Максимовна. Но сразу возникало множество вопросов. Откуда у нее это вещество? Оно используется в ряде специальных химических производств и простому обывателю недоступно. Как ей удалось совершенно незаметно всюду рассыпать порошок, да еще подмешать его в сахар и чайники? Почему она не отравилась сама, чем защитила органы дыхания, кожу? Ведь для летального исхода достаточно попадания в организм 0,003 мг яда, а такое количество запросто можно занести случайно. Откуда на ее теле взялись синяки? Люди порой падают в ванной, но повреждения при этом получают совсем иного характера. Почему она не пила чай утром? Почему...?

Ответа на эти вопросы найти не удалось. И только в нынешнем году, разговорившись с человеком, который занимался этим делом, я узнала некоторые подробности.

— Понимаешь, — сказал он, — люди беспечны! Мы тут мучились, как яд попал в чайники. А недавно утром я чайник ставлю и вдруг поймал себя на том, что вода-то в нем осталась еще с вечера! Сыпь — не хочу! Очень мало кто меняет воду по утрам. Есть вечерняя, кипяченая — просто ставят на конфорку, и все. А это вещество распадается только в том случае, если воду кипятить не менее 10 минут. Еще я подумал: мой сын, когда с нашей собакой играет, все время ей руку в пасть сует, а у нас, между прочим, бультерьер! Почему? Да потому, что он уверен, что Крошка не кусается! У него нет другого опыта. Те два семейства попались на собственную же удочку. Они упорно, в течение двух месяцев, издевались над старухой, но даже предположить не могли, что она способна как-то им на это ответить!

— Так ее вина доказана? — удивилась я. — Ее посадили?

— Ее?! — засмеялся мой знакомый. — Человеку уже 92 года. Смысл? Дело прекращено. А квартира достанется ее внуку... или кто он ей там. Она прописала его с женой и детьми через месяц после смерти соседей.

— А как же... ведь очередники... мало ли...

— Когда на этот счет хватились, было уже поздно. А сейчас и подавно.

У меня остался только один вопрос, и я его задала:

— А яд-то все-таки откуда?

Знакомый пожал плечами:

— Если бы нам удалось это выяснить, все было бы гораздо проще. Не знаю, откуда! Я только одно знаю: как аукнется, так и откликнется. И тебе тоже советую об этом всегда помнить.

...Иногда задумываешься: что люди творят? Ведь хорошие люди, любят друг друга, детей воспитывают... Нет, все-таки квартирный вопрос, и правда, нас испортил. □

СКРОМНАЯ

ЗВЕЗДА

Владимир Кислов

Редко можно встретить голливудскую звезду, идущую по улице без макияжа в тренировочном костюме. Тем более, что она выросла в семье миллионеров. Такой необычной кинозвездой является Дэррил Ханна.

В отличие от большинства звезд, Дэррил интересуется проблемами окружающей среды и занимается самопознанием. Голубые глаза, высокий рост бросались в глаза голливудским продюсерам, и они пригла-

шали красивую блондинку в свои картины. Наследница миллионов могла спокойно жить, ничего не делая, но Ханна не может вести подобный образ жизни. Она не любит голливудские праздные посиделки и шумиху вокруг своего имени.

Сейчас, когда ей за 40, Дэррил не уступает молодым супермоделям, и для этого ей не нужно нацеплять кольца и бриллианты и делать макияж. Из-за этого ее не узнают на

улицах, чему она рада, потому что это позволяет ей жить нормальной, «незвездной» жизнью...

Закомплексованная дылда

В детстве Ханна была тихой, закомплексованной девочкой. Она страдала бессонницей и долгими ночами смотрела телевизор. С той поры она полюбила голливудские филь-

мы 30—40-х годов и картины Великого Немого. Отец Дэррил — владелец крупной судовладельческой компании, а мать происходила из семейства «табачных королей» Юга.

Родилась Дэррил 3 декабря 1960 года. Когда ей было семь лет, отец погиб в автокатастрофе. Через год после его смерти мать Дэррил вышла замуж за чикагского миллиардера Джеральда Уэкслера. Вскоре девочке поставили диагноз: на-

чальная стадия аутизма. Мать Дэррил — Сьюзен — отправилась с дочкой в многомесячное путешествие на Багамские острова, откуда та вернулась уже другим человеком.

Дэррил наряжалась в мамины платья и надевала туфли и украшения своей сестры, изображая актрису или балерину. Брат отчима — известный кинематографист Хаскелл Векслер, заявил, что у девочки не подходящий для кино тип лица, и родители отдали ее в балетную школу третьей из четырех жен Балланчина — Марии Толчифф. На фоне других девочек Ханна выглядела неуклюжим жеребенком, и ей пришлось нанять частного учителя. «Мои учителя в балетной школе в Нью-Йорке, — вспоминает Дэррил, — били меня палками. 12-летние девочки были так запуганы, что на нервной почве постоянно курили».

Драматическому искусству Ханна обучалась в чикагском «Гудмэн-театре» и в Нью-Йорке под руководством Стеллы Адлер, потом она специально выбрала Калифорнийский университет в Беркли, потому что он находится в 20 милях от Голливуда. Дэррил поселилась в студенческом кампусе в одной комнате с английской девушкой Рэйчел Уорд, племянницей герцога Норфолкского. Рэйчел так же, как и Дэррил, мечтала о съемках в кино. Девушки объединились в покорении Голливуда и втайне от своих родителей поступили в школу актерского мастерства при киностудии «Уорнер Бразерс».

Первые роли и первая любовь

Во время учебы Ханна снялась у Брайана Де Пальмы в фантастическом триллере «Ярость» (1978), а Рэйчел прославилась исполнением главной роли в телесериале «Поющие в терновнике» (1980). Энергичная Дэррил успевала принимать участие в демонстрациях мод и рекламе духов Карла Лагерфельда.

Знаменитостью Ханна стала после исполнения роли влюбленного робота в фантастическом триллере Ридли Скотта «Бегущий по лезвию бритвы» (1982). У нее были лучшие отзывы, чем у звезд Харрисона Форда и Рутгера Хауэра. Газета «Вэрайети» писала, что «у этой девушки есть все, чтобы стать звездой: молодость, красота и, главное, — талант».

В последующие 10 лет Ханна сыграла в 20 картинах, среди них в таких хитах, как «Уолл-стрит», «Стальные магнолии», «Исповедь человека-невидимки», «Нападение 50-тифутовой женщины».

Звездой Ханну сделала роль Русалки в комедии «Всплеск» (режиссер Рон Хауард, 1984). После этого за ней закрепился имидж нежной блондин-

ки, попадающей в романтические истории.

После короткой связи с режиссером Ридли Скоттом Дэррил влюбилась в рок-музыканта Джексона Брауна. На одном из его выступлений она сидела в первом ряду и визжала от восторга.

Четыре года они жили на роскошной вилле Дэррил в пригороде Лос-Анджелеса, но их роман закончился, когда Ханна встретила элегантного аристократа Джона Кеннеди-младшего...

Большая любовь

Они были созданы друг для друга. Баловень судьбы — сын президента Джона Кеннеди и знаменитая актриса. Но встречаться они стали не сразу. В июле 1988 года тетя Джона — Ли Радзивилл решила в очередной раз выйти замуж. Ее выбор пал на известного продюсера и режиссера Герберта Росса. Во время свадебной церемонии Джон, слывший сердцеедом, как и все мужчины из рода Кеннеди, не знал, кого из красавиц, собравшихся на вилле Радзивиллов в Глен-Кове, выбрать, но, когда в зале появилась эффектная блондинка, сомнения у него отпали. Но Дэррил тогда была влюблена в Брауна, и Джон ничего не добился, а он не любил проигрывать...

С очередной любовницей, моделью Кристи Тарлингтон он отправился в Голливуд на церемонию вручения премии «Оскар» за 1992 год. Ханна ошеломила всех присутствующих своим костюмом, вернее его отсутствием. На ее точеном теле находились всего три виноградных лозы, а из-за плеч выглядывали два крылышка. Джон в тот вечер не отходил от нее ни на шаг и, в конце концов, добился согласия на свидание.

Их первое свидание состоялось на вилле Рэйчел Уорд в Санта-Монике. «У нас оказалось много общего, — вспоминает Дэррил, — мы родились в конце 1960 года и в детстве потеряли отцов. Нас воспитывали богатые отчимы». В это время Джексон Браун оказался на мели и жил на деньги Ханны. Узнав об ее свиданиях с Джоном, он спровоцировал драку с соперником, но Кеннеди прекрасно владел приемами восточных единоборств. К этому времени Дэррил надоело выносить грубости Джексона. Она решила покончить с их связью и в сентябре 1992 года стала собирать свои вещи, но Браун

привязал ее к стулу и стал методично избивать.

Джон обедал с друзьями в ресторане, когда Дэррил позвонила ему из больницы. У нее было разбито лицо, сломана рука, имелось много царапин и ушибов на теле. Джон прилетел на своем самолете в Лос-Анджелес. «Я больше никогда не позволю ему приближаться к тебе», — воскликнул он. В суд на Брауна Ханна решила не подавать.

Как ни пытался Джон скрыть от матери свой новый роман, ему это не удалось, потому что о нем трубили все газеты и журналы. Жаклин с помощью частных детективов, ко-

которые положили в карманы 300 тысяч долларов, установила, что Дэррил происходит из богатой известной семьи, получила прекрасное образование и очень красива, но у нее в роду были лишь судовладельцы и торговцы хлопком с ненавистного клану Кеннеди Юга. К тому же она снималась в кино, что не подошло невесте отпрыска из семьи Кеннеди, которую в Америке считали «королевской династией».

Когда Джон познакомил Дэррил с матерью, Жаклин почувствовала, что Ханна будет руководить ее сыном. Этого она не могла допустить, хотя единственным аргументом у нее было утверждение, что Дэррил «ненатурально красива!» Астролог Роберт Макс, которому Жаклин уплатила огромный гонорар, сделал неблагоприятный прогноз совместной жизни Ханны и Джона. Дядя Джона — сенатор Эдвард Кеннеди заявил, что Дэррил в свои 33 года не сможет иметь много детей. Женатый на кузине Джона Арнольд Шварценеггер добавил, что «из звезды Голливуда никогда не полу-

чится хорошей жены», к тому же у Жаклин еще свежи оставались воспоминания о романе своего мужа с Мэрилин Монро.

Дэррил же надоело выслушивать всю эту ерунду и, хотя она с Джоном приобрела в Лос-Анджелесе лицензию на брак в трехмесячный срок, они решили на время расстаться. В 1994 году Жаклин умерла, а через два года Джон женился на пресс-секретарше Кельвина Кляйна Кэролайн Бессет.

Новые увлечения

Вскоре после женитьбы Джона Дэррил стала встречаться с известным магнатом плейбоем Доди Аль Файедом. Доди импонировало появление с ней в обществе, а она ценила его аристократизм и интеллект. Они участвовали в различных благотворительных акциях, но их не связывала любовь. Поэтому Ханна спокойно отнеслась к известию о романе Доди Аль Файеда с принцессой Дианой, закончившемся их трагической гибелью.

После этого она познакомилась с популярным английским ди-джемем Крисом Эвансом, но ритмическое однообразие хип-хопа ей вскоре приелось и она снова вернулась в киносреду, где ее встретил с распростертыми объятиями известный сердцеед Вэл Килмер. Он увез Дэррил в свой особняк в Санта-Монику, где они прекрасно проводили время. Папарацци хорошо заработали на этом сюжете, поместив в желтой прессе серию скандальных фотографий, на которых любители кино увидели Ханну и Килмера, отдыхающих на берегу океана. Расставшись с Килмером, Дэррил переключилась на иллюзиониста Дэвида Блейна, но его фокусы ей тоже быстро надоели. В это время брак Джона стал разрушаться, и он вспомнил

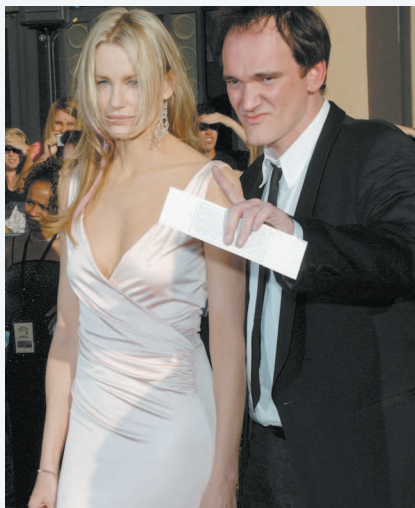
о Дэррил. Она, не прошив его, все же не отказалась от свиданий. В июне 1999 года легкий спортивный самолет Джона, на борту которого были его жена, он сам и сестра жены, разбился. Гибель любимого мужчины потрясла Ханну. Она переживала свое горе вместе с любимыми собаками и кошками в своем доме в штате Колорадо и покидала его только во время съемок...

Ураган по имени Квентин

Когда в 2000 году Ханна играла в лондонском театре бывшую роль Мэрилин Монро в спектакле «Зуд седьмого года», в ее гримерку ворвался Квентин Тарантино и вручил 200-страничный сценарий фильма «Убить Билла». Дэррил давно уже надоело исполнять роли романтических барышень. «Я мечтала сыграть сильную, волевою героиню, — вспоминает актриса, — и Квентин дал мне такую роль».

Дэррил сразу же согласилась сниматься у Тарантино. Отказаться от съемок у него могла только полная

идiotка. «Раньше, — сказала Ханна, — я никогда не играла злодейку до мозга костей. Я поняла, какая на самом деле мерзавка эта самая Эль Драйвер, и пришла в восторг. Когда невеста выбыла из игры, она заняла ее место. Но когда невеста ожила, Эль хочет устранить ее собственными руками».

Тарантино специально свел в поединке двух голливудских звезд — Уму Турман и Дэррил Ханну. Для своего поединка они овладели различными видами восточных единоборств, в том числе шаолиньским кунь-фу.

Ханна сыграла в фильме Тарантино «Убить Билла-2», где ее героиня погибает. «Квентин, — сказала она, — говорил о возможном продолжении фильма. Он любит трилогии. Хотя моя героиня умерла, но в кино есть традиция оживления персонажа, и, если Квентин пригласит меня, с удовольствием снимусь».

Образ жизни

На своем ранчо в Техасе Ханна живет в окружении четырех собак и

ров смешивать разные жанры. Она прекрасно вписалась в плеяду талантливых актрис 80-х годов — Кэтлин Тернер, Сигурни Уивер, Мишель Пфайффер, Джемми Ли Кертис.

Ханна придерживается следующих примет: избегает проходить под лестницей, если соль просыпалась, она бросает щепотку через плечо и старается не разбивать зеркала.

Во время съемок фильма «Убить Билла» она познакомилась с владельцем отелей Шоном Макферсоном. Он готов выполнить любой ее каприз и с уважением относится к ее прошлому. Не об этом ли мечтают все женщины? □

двух лошадей. Своих детей у нее нет, но у нее есть акушерские способности: она приняла роды у шестерых женщин. «Помогая новой жизни появиться на свет, — сказала Дэррил, — я испытываю самые прекрасные чувства». Атлетическая фигура актрисы говорит о человеке, с детства занимающемся спортом. Любимые виды спорта у Дэррил — гимнастика и плавание. Из-за узких бедер и довольно широких плеч многие в Голливуде считают ее угловатой, но весь ее вид говорит о мягкости ее натуры. На левой руке у Ханны недостает фаланги указательного пальца, и во время разговоров и встреч она, стесняясь, прячет этот палец в руке, а снимаясь в кино, надевает на него протез.

Ханна любит ходить по магазинам и копаться в вещах. «Я знаю, что это ужасно, — вздыхает красавица, — но мне нравятся платья, сшитые вручную, и этнические костюмы. А дизайнерские марки оставляют меня совершенно равнодушной».

Дэррил — дитя постмодернистской эпохи, приучившей режиссе-

Что такое НЛО? Дословно это расшифровывается как «неопознанный летающий объект», и было время, когда подобными «объектами» повально болело все население Земли. Кто их только ни видел! От ученых до домохозяйек!

от английского Unidentified Flying Objects (Неопознанные (более правильно — Неотождествлённые) Летающие Объекты (НЛО)). Уфология — наука о НЛО. Конечно же, далеко не все люди, занимающиеся этой наукой, действительно ученые. Есть масса так называемых «уфоманов» и дилетантов, выступления которых компрометируют всю проблему в целом!

Анатолий Пимонов

ПРИШЕЛЬЦЫ

Откуда
они
пришли?

Сейчас бум пришельцев как-то поутих, но если отбросить все прочитанные газетные статьи и задуматься: что же такое НЛО?

Существует гипотеза, что человечество кто-то контролирует извне. Это именно гипотеза, которая считается ненаучной, лежащей скорее в области мифов. Правда, в последние 30—40 лет появилась новая категория специалистов — уфологи. УФО, это аббревиатура

К сожалению, история отечественной уфологии пестрит заплатками псевдоуфологических публикаций и непроверенных рукописных материалов. Людям так хотелось найти следы НЛО в нашей стране, что это желание опережало появление достоверных фактов.

В 2007 году уфология отметит шестидесятилетие возникновения гипотезы о посещении Земли космическими кораблями с других пла-

нет. Ее развитию способствовали два не связанных друг с другом крупных происшествия в июне и июле 1947 года.

24 июня 1947 года пилот Кеннет Арнольд заметил девять объектов возле Каскадных гор в штате Вашингтон, США. Тогда же с подачи прессы и родился термин «летающая тарелка». 2 июля появились официальные сообщения о том,

«...Погода идеальная, ни облачка. Над Каскадными горами (штат Вашингтон) виднеется только один самолет. Это летит в Якиму тридцатидвухлетний Кеннет Арнольд, все внимание которого приковано к земле, потому что тому, кто обнаружит место недавней катастрофы транспортного самолета, командование ВВС обещало 5000 долларов.

Вдруг боковым зрением Арнольд уловил луч света, отраженный его самолетом. Осмотрелся вокруг — никого, и только почти у горизонта, одинокий ДС-4, летевший, видимо, из Сан-Франциско в Сиэтл.

Поиск места катастрофы продолжился. Предполагалось, что самолет разбился у юго-западных отрогов горы Рейнир (4392 м). Но вскоре уже было не до этого.

Рассказывает Кеннет Арнольд: «Время — 14:57. Я находился примерно в 40—45 километрах от горы Рейнир, поднялся на 2800 метров и заметил слева целый ряд объектов, напоминавших хвост змея, который вибрировал и летел со страшной скоростью, вырисовываясь на фоне горы... Это могли быть гуси, потому что они летели, как гуси, но летели так быстро, что я вскоре отказался от такого предположения и решил, что вижу полет новых реактивных самолетов в летном строю... Продолжал наблюдать за ними, пытался увидеть хвост самолетов, но хвоста не было. Подумал: «Что-то с глазами». Развернул самолет, открыл сдвижную форточку, но хвост так и не увидел... Разрезанное пополам блюдо для пирога с чем-то вроде треугольника сзади... Нет, они не летели в строю, как этому обучают в армии... Когда последний из них скрылся за горой Адамса, я бросил взгляд на часы — прошла минута сорок две секунды».

Всего объектов было девять, белоголубого цвета, а самый большой

что на ранчо возле Россуэла, Нью-Мексико, обнаружены странные обломки. По показаниям свидетелей, это были останки неизвестного воздушного объекта, взорвавшегося во время грозы. Военно-воздушная база Россуэла выпустила пресс-коммюнике, в котором назвала его неким «летающим диском».

Как же это было? Вот цитата из знаменитой книги Б.А. Шуринова «Загадка Розвелла»:

летел посередине. Иногда некоторые из них резко выскакивали в сторону, но тут же возвращались на свое место. Летели они с севера на юг. Арнольд понял, что солнечные блики исходили от них.

Но скорость — невероятная! Позже Арнольд прикинул — получилось более 2750 километров в час!

Ничего удивительного в том, что Арнольд больше не мог думать о поисках пропавшего самолета, забыл и о вознаграждении в 5000 долларов! Хотелось только одного: побыстрее приземлиться в Якиме и рассказать всем, что он видел.

Выслушав историю К. Арнольда, журналисты разнесли по миру сообщение о наблюдении загадочных летающих дисков.

Конечно, до 95 процентов случаев имеют простое объяснение: яркие звёзды и планеты, огни самолётов и вертолётов, метеозонды, атмосферные аномалии, воздушные суда, психические отклонения, мистификации и так далее. Но остается все-таки процент совершенно необъяснимого. Вот об этом проценте мы и поговорим.

Давайте рассмотрим основные гипотезы о происхождении НЛО.

1. Инопланетное

Эту версию больше всего любят журналисты, так как она вроде бы напрашивается сама собой. Мол, инопланетяне прилетают, чтобы изучать нас, помогать человечеству или «заимствовать» образцы человеческой расы для получения генетического материала и создания мутантов. Но если эти существа и впрямь с другой планеты, почему они так похожи на нас?

Критики утверждают, что мы «антропоморфизировали» феномен НЛО, придав ему черты нашей собственной культуры. Настоящие инопланетяне должны быть настолько чуждыми нам, что не будут поддаваться пониманию и не будут похожими на лунатиков из второсортных видеофильмов. А для покрытия огромных расстояний между звёздными системами потребуются века даже при скорости света, как утверждают критики.

Филип Дж. Класс, американский ниспровергатель уфологии с многолетним стажем, высказал одно замечание, которое оказалось более глубоким, чем он хотел. В предисловии к книге «Похищения людей инопланетянами: опасная игра» он пишет: «Общественность вводят в заблуждение и подвергают промыванию мозгов. Я уверяю вас, что не существует ни единого научно приемлемого материального доказательства того, что Землю посещают инопланетяне, не говоря уже о том, что они похищают людей».

2. НЛО — детище Третьего рейха

Год появления «тарелочек» — 1947 невольно наводит на мысли о секретных разработках нацистской Германии и гениальных ученых Тре-

тьего рейха, уделявших огромное внимание вопросам психологии, оккультизма и — в частности — созданию принципиально новых технологических устройств.

В нацистских архивах найдены рисунки, объясняющие принципы «закрутки» тонких физических полей, с помощью которых создавались некие техномагические аппараты. Одним из разработчиков таких устройств был знаменитый ученый д-р В.О. Шума. Его электродинамические машины, использовавшие быстрое вращение, не только изменяли вокруг себя структуру времени, но и парили в воздухе! Есть данные, что аппарат с такими возможностями отправили в Аугсбург, где его исследования продолжили.

Достоверно известно, что немцами были созданы серии «летающих дисков» типа «Врил» (проект В.О. Шума), «Haunebu» (проект В. Штрауберга, который был основан на технологиях древних индийцев), «Haunebu-II» (диаметр 26,3 метра. Двигатель: «Туле»-тахимонатор 70, диаметром 23,1 метра. Управление: импульсный генератор магнитного поля 4а. Скорость: 6000 км/час (расчетная — 21000 км/час). Длительность полета: 55 часов и выше. Приспособленность к полетам в космическом пространстве — 100 процентов. Экипаж — девять человек, с пассажирами — двадцать человек. Запланированное серийное производство: конец 1943-го — начало 1944 года), «Haunebu-III» (диаметр 76 метров, высота 30 метров, 4 орудийные башни, в каждой — 3 орудия калибра 27 см с крейсера «Мейзенау»).

Американский исследователь В. Терзийски утверждает, что в марте 1945 года «Haunebu-III» сделала один оборот вокруг Земли и приземлилась в Японии, где бортовые пушки заменили на девять японс-

ких орудий калибра 45 см с крейсера «Ямато». В движение «тарелку» приводил «двигатель на свободной энергии, который... использовал практически неисчерпаемую энергию гравитации».

Есть также данные об исследовательском проекте летающего диска «Фау-7», о котором до того времени ничего известно не было. В какой степени этот проект реализовали, не ясно, но достоверно известно, что знаменитому специалисту по «спецоперациям» Отто Скорцени в середине войны поручили создать отряд пилотов в 250 человек для управления «летающими тарелками» и пилотируемыми ракетами.

Отставник американский полковник Уиндел Стивенс (Wendelle C. Stevens), который в конце Второй мировой войны работал в разведке, сообщил, что у немцев имелось девять исследовательских предприятий, на которых испытывали проекты «летающих дисков». «Восемь из этих предприятий вместе с учеными и ключевыми фигурами были успешно эвакуированы из Германии. Девятое сооружение взорвано...», — рассказал он. — Мы имеем закрытую информацию, что некоторые из этих исследовательских предприятий перевезены в место под названием «Новая Швабия» (Земля Королевы Мод, Антарктида). Сегодня это может быть уже порядочных размеров комплекс. Может быть, там находятся эти большие грузовые субмарины. Мы полагаем, что в Антарктику было перевезено как минимум одно (или более) предприятие по разработке дисков. У нас есть информация о том, что одно было эвакуировано в район Амазонки, а другое — на северное побережье Норвегии, где много немецкого населения. Они были эвакуированы в секретные подземные сооружения...»

3 марта 1947 года американские ВМС попытались уничтожить секретную немецкую базу в «Новой Швабии», однако операцию неожиданно свернули. Через год, в мае 1948, на страницах европейского журнала «Бризант» всплыли некоторые детали. Сообщалось, что экспедиция встретила жесткое сопротивление противника. Были потеряны как минимум один корабль, десятки людей, четыре боевых самолета, еще девять самолетов пришлось оставить как непригодные к использованию. Если верить прессе, отважившиеся на воспоминания члены экипажей говорили о «выныривавших из-под воды» и атаковавших их «летающих дисках», о странных атмосферных явлениях, которые вызывали психические расстройства. Журналисты приводят отрывок из доклада Р. Берда, якобы сделанного на секретном заседании спецкомиссии: «США необходимо принять защитные акции против истребителей противника, совершающих вылеты из полярных районов. В случае новой войны Америка может подвергнуться атаке врага, обладающего способностью летать с одного полюса на другой с невероятной скоростью!»

3. Гипотеза о происхождении НЛО из параллельного мира

Пришельцев из параллельного мира называют уфонавтами. Часто они ведут себя, как призраки, например, проходят сквозь стены или растворяются в воздухе.

«Уфонавты», возможно, живут на нашей же планете, просто в другом измерении. В каком-то из параллельных миров наверняка есть даже наша полная копия, которая живёт совершенно по-другому, либо хуже, либо лучше, чем мы. Но, если бы мы имели возможность свободно путешествовать между мирами, была

бы опасность потерять дорогу домой, заблудиться. Пришельцы, скорее всего, эту проблему решили. Бывает телепортация только астрального тела, когда материальное остаётся на месте (нечто похожее человек испытывает во время сна, клинической смерти, при некоторых видах гипноза, потере сознания при обмороке). Может быть, это и объясняет «растворение» чужаков в воздухе. Кстати, эта теория могла бы помочь нам понять их озабоченность нашим разрушительным потенциалом, угрожающим Земле. На них, видимо, также сказывается тот ущерб, который мы наносим природе. Пришельцы могут вводить нас в заблуждение насчет своего происхождения, чтобы замести следы на случай, если мы разработаем способ перемещения из одного измерения в другое.

Похищенные уфонавтами люди попадают в такую же ловушку, как пойманные людьми дикие животные. Неопределенность ощущений и потеря сознания, возможно, вызваны влиянием наркотиков или использованием методов управления сознанием. Чаще всего на похищенных наносят «метку» и отпускают на волю. Иногда их позже похищают снова. Но, конечно, всё это могут делать и инопланетяне.

4. Гипотеза о том, что пришельцы прибывают из далёкого прошлого или будущего

Еще Эйнштейн предсказывал, что существуют частицы меньше атома, тахионы, которые движутся быстрее света и поэтому могут путешествовать во времени и пространстве. Значит, теоретически путешествия во времени возможны. Работы по созданию машины времени идут полным ходом в лабораториях многих стран мира, больше всего в США и Великобритании.

Если такая машина оказывается в прошлом, её пассажиры сознательно ограничиваются ролью наблюдателей и воздерживаются от излишнего вмешательства в происходящие события из боязни изменить линию времени и, таким образом, свою собственную реальность в будущем. Уфоноваты могут также маскироваться под культуру того времени, которое они посещают и зависеть от того, что диктуют обстоятельства времени, в котором они находятся.

надежды, искажённым отражением человеческой души. Возможно, какой-то разум, помимо нас, может пытаться в метафорической форме передавать нам какую-то информацию, чтобы помочь в решении личных и глобальных проблем. Для этой теории не нужен даже разум. Отклик, приобретающий на ограниченное время материальные формы, может возникать в рамках какого-то автоматически работающе-

5. Гипотеза — НЛО как паранормальное явление

Возможно, НЛО — это не машины, сотворенные существами из плоти и крови, а временные паранормальные явления, способные воспроизводить твёрдые объекты и живых существ. Феномен НЛО пользуется информацией, накопленной в коллективном подсознании человечества — банке данных, хранящем любую мысль человека, как считает психолог Карл Юнг.

Встречи с НЛО могут быть откликом на спроецированные страхи и

го механизма, своего рода приставки к нашему сознанию.

Разумеется, у каждой из этих гипотез есть плюсы и минусы, и ни одну нельзя пока принять как достоверный факт. Материала мало, требуются еще годы и годы изучения. Но надо помнить, что любая версия может неожиданно оказаться правдой, ибо: «Вселенная есть суперсовременная вычислительная машина, и, кроме неё, ничего в мире больше нет. Всё остальное — та или иная форма проявления Абсолюта». □

Это коварное

СВЕТИЛО!

Без Солнца — жизни нет. Эту простую истину, в отличие от множества физических законов, знает даже ребенок. Еще в древности люди смутно подозревали о том, какую роль играет наше светило в жизни Земли. Не случайно Солнце обожествляли, возводили в его честь храмы и города, приносили обильные жертвы, в том числе и человеческие.

С древних пор ученые пытались разгадать природу энергии Солнца. Однако только в XX веке стало ясно: наше светило — огромный термоядерный реактор, в котором происходят процессы, неподвластные человеку...

Пока неподвластные...

Загадочный «термояд»

Поразительный факт: возможность реакции слияния ядер открыли на несколько лет раньше реакции их распада. В 1934 году в лаборатории Э. Резерфорда был проведен синтез ядер изотопов водорода — дейтерия с получением другого изотопа — трития. Ученые высказали предположение, что на основе подобных химических превращений «горят» большинство звезд во Вселенной.

Однако на этом дело и закончилось. Термоядерные реакции (ученые называют их просто — «термоядом») «проиграли» реакциям ядерного распада. В Европе назревала война, и разработка атомного оружия казалась более перспек-

тивной задачей, нежели исследование содержимого звезд во Вселенной.

Как бы то ни было, продемонстрировать свои возможности история предоставила сначала реакциям ядерного распада. В августе 1945 мир пережил шок, а военные — удовлетворение. Никогда еще человек не создавал более разрушительного оружия, способного в мгновение ока уничтожить города и даже страны.

Еще не успел рассеяться дым от пожара в Хиросиме и Нагасаки, а военные всерьез задумались о создании более мощного оружия. И вот тут-то и пригодился «термояд». Выяснилось, что реакции синтеза не только не уступают реакциям распада, но по своей разрушительности превосходят их в тысячи раз!

Игра стоила свеч. В ноябре 1952 в США родился «Майк» — 50-тонный куб, высотой с двухэтажный дом, в котором использовался принцип термоядерных реакций. От острова в Тихом океане, где проводилось испытание, не осталось ничего — взрыв был в 1000 раз мощнее взрыва в Хиросиме.

Правда, «Майк» невозможно было доставить до места назначения — поднять 2-х этажный дом —

задача очень непростая даже в наше время.

В августе 1953 года в СССР испытали первую транспортабельную термоядерную бомбу. Эра «термояда» началась.

Взорвать нельзя — копировать?

В июне 1954 года в подмосковном Обнинске заработала первая в мире

атомная электростанция. Ток пошел по проводам в ближайшие поселки, а мысль ученых — дальше — по пути создания термоядерного реактора.

Вот тут-то физики призадумались. То, что «термояд» осуществим, ни у кого не вызывало сомнения — звезды во Вселенной «горят» миллиарды и миллиарды лет. Да и на Земле удалось получить нечто подобное — термоядерные бомбы одна за другой сходили с конвейера военных заводов. Но одно дело — управляемая реакция, нацеленная на разрушение, и совсем другое — использование «термояда» в мирных целях. Фактически, ученым предстояло придумать искусственное Солнце, но не в космосе, а на Земле.

В принципе, что сложного? Использовать схему действия атом-

ных реакторов и на их основе создать подобные термоядерные. В конце-концов, бомбу-то человечеству удалось сконструировать...

Но не так все просто. Реакции синтеза сложнее реакций распада. Для слияния ядер необходимы температуры от 100 миллионов градусов — намного выше температуры в центре Солнца! Именно тогда начинается реакция, и вещество превращается в плазму. Но ни один материал на нашей планете не может выдерживать подобные нагрузки. А потому от слепого копирования атомного реактора пришлось отказаться раз и навсегда.

Не подходила и термоядерная бомба. Во-первых, реакция — неуправляема, а во-вторых, для «зажигания» вещества в ней используется сначала ядерный распад — взрыв атомной бомбы. Так создается необходимая температура и выделяется колоссальная энергия — энергия, направленная на разрушение.

Надо сказать, что работы в этом направлении все-таки проводились. Академик Сахаров в середине прошлого столетия предложил в специальной подземной камере взрывать время от времени небольшие водородные бомбы. Выделяющееся тепло использовать для нагрева теплоносителя — воды, например. Далее — образующийся пар использовать для вращения турбин, вырабатывающих электрический ток. Какие последствия для всего живого несли такая «электростанция», можно лишь догадываться.

Эврика!

В 1949 году товарищ Сталин получил письмо. Некий Олег Лаврентьев, учащийся вечерней средней школы на далеком Сахалине, предлагал «принцип тепловой изоляции электрическим полем полно-

стью ионизированного газа с целью промышленной утилизации термоядерных реакций». Вряд ли Иосиф Виссарионович читал дальневосточное послание начинающего ученого. За него, судя по всему, эту работу проделал Берия. Всесильный временщик ничего не понимал в науке, но письмо попало-таки к советским физикам. А заодно и в самое «яблочко».

Архимед в таком случае прокричал бы свое сакральное «Эврика!» Наши же ученые молча начали работать. И оказалось, что идея Лаврентьева — удерживать плазму электромагнитными полями — весьма недурна собой.

Вскоре в Институте атомной энергии появилась первая исследовательская установка — Тороидальная Камера с Магнитной Катушкой — ТОКАМАК. Она-то и стала прототипом современных управляемых термоядерных реакторов.

Впоследствии, уже будучи академиком, Сахаров так отозвался о работе Олега Лаврентьева: «Подтверждаю, что в июне или июле 1950 г. я рецензировал работу О.А. Лаврентьева... Ознакомление с работой Лаврентьева послужило толчком, способствующим ускорению моей совместной с И.Е. Таммом работы по магнитной термоизоляции высокотемпературной плазмы».

Однако действительность оказалась сложнее. Выяснилось, что для того, чтобы плазма вращалась и не «вываливалась» за стенку реактора, необходимы магнитные поля специальной конфигурации. Перебрав массу вариантов, ученые остановились на спирали. Несколько десятилетий спустя эта работа сыграла историческую роль и стала основой теории ТОКАМАКов.

В 1969 на международной конференции в Дубне было объявлено, что в плазме ТОКАМАКа Т-3 до-

стигнута фантастическая для того времени температура — 10 миллионов градусов. Так началась эпоха ТОКАМАКов.

Вперед, к победе «термояда»!

В 1978 году СССР предложил высокоразвитым странам принять участие в необычном эксперименте: построить общими усилиями термоядерный реактор, провести эксперименты и лет через 20 соорудить первую в мире электростанцию.

Тогда инициативу Советского Союза встретили прохладно. Казалось, что нефть и газ никогда не кончатся — во всяком случае, в ближайшие сотни лет точно. Однако потребление энергии росло, и ресурсы начали таять буквально на глазах. По последним оценкам, газ закончится через 80 лет, нефть — через 60, а еще через полвека иссякнут урановые копи. И когда на Земле воцарится мрак, человечество, как пророчат фантасты, вымрет, как в свое время вымерли динозавры.

И ведь правы они. Возможно, нам удастся обойтись без кондиционеров и мобильных телефонов, без яхт и самолетов. Но как быть, например, с ядерным оружием и хранилищами радиоактивных отходов? Или с другими опасными производствами, потеря контроля над которыми может привести к началу библейского Апокалипсиса?

Правильный ответ — развивать термоядерную энергетику. Именно с этой целью Россия, Казахстан, Япония, Канада и Евросоюз создали консорциум ITER — Международный термоядерный экспериментальный реактор.

Стоимость проекта оценивается в 4 миллиарда долларов. По оценкам ученых, 10 лет потребуются на сооружение самого реактора, еще

лет 15 — на изучение плазмы и необходимые эксперименты. О первой термоядерной электростанции можно будет говорить не раньше 2030 года...

Будем надеяться, что ученые успеют вовремя. Приручение «термояда» исцелит человечество от «энергетической лихорадки» на миллионы лет вперед. «Земные солнца», по расчетам ученых, экологически безопасны: реактор не сможет «пойти в разгон» и взорваться, а аварийная утечка плазмы (если, конечно, такая случится!) будет быстро устранена.

Термоядерные электростанции не производят такого количества радиоактивных отходов, как их «братья» — атомные. А значит, не придется отводить большие территории для складирования ядовитых веществ.

К тому же топливо для «термояда» находится буквально под ногами — в океане, если быть точнее. Это значит, что энергия будущего, возможно, будет стоить дешевле коробки спичек. Впрочем, к тому времени «палочки с серой» станут настоящим раритетом. Увидеть их следующие поколения смогут только в музее — рядом с сырой нефтью и каменным углем... □

Как дилетант дилетанту

Просто Кир

podolak@rambler.ru

www.prostokir.pbnet.ru

Человечество всегда стремилось запечатлеть окружающий себя мир, людей и многое другое. Столетиями с этим успешно справлялись художники, потом их сменили фотографы, и на этом прогресс закончился. С момента изобретения фотокамеры не придумали ничего более совершенного. Развитие с тех пор пошло в ином направлении — улучшение качества оптики, пленки, самих агрегатов и, конечно же, навыков фотографирования.

Более чем за сто лет достигли потрясающих результатов. Сама техника подешевела, став доступной «простым смертным». Полупрофессиональные фотоаппараты, мыльницы, зеркальные камеры (не

все) — мог себе позволить любой работающий человек. Огромным толчком послужило радикальное уменьшение габаритов самих устройств и налаженное серийное производство.

С развитием компьютерной техники возникла идея цифровой фотокамеры (ЦФК). Разработки начались в 80-х, но ощутимого результата достигли в конце 90-х, когда снимки стали приемлемого качества. В новых аппаратах пленку заменила светочувствительная матрица, возможностями которой можно управлять (зависит от модели).

Сегодняшняя тема — выбор недорогой ЦФК для семейных или «дилетантских» целей.

Чем больше, тем лучше

Пиксел — сенсор на светочувствительной матрице, мегапиксел — миллион сенсоров. Реклама приучила к тому, что чем их больше — тем лучше. Это — миф!

Матрица имеет определенную площадь, которая указывается в соотношении с размером кадра пленки (35 мм), принятым за единицу. Пример: 5 мегапикселей (мрх) и размеры матриц: 1\2,5; 1\1,8; 1 к 2\3. Размеры разные, а количество пикселей одинаковое. Дело в том, что в такой ситуации лучше будет взять

матрицы 1\2,5, 5 мрх — 1\1,8 и 7 мрх — 1 к 2\3. Обычно фирма выпускает две или три модели с равной площадью матриц, но разным количеством мегапикселей. Естественно, при любых условиях, когда площадь одинакова, следует брать модель с меньшим количеством мрх.

Ошибка многих — чем больше, тем лучше. Для бытовых целей (дом, природа, дети, друзья) за глаза хватит и трех мегапикселей, ведь на фотографии 10х15 (если распечатать) разницы не будет даже с аппаратом, у которого 8 мрх. Если есть желание печатать А4, то здесь уже лучше ра-

аппарат, где площадь матрицы больше, то есть последний вариант. Это обусловлено тем, что при большом количестве сенсоров и маленькой площади на фотографии теоретически могут появляться шумы (искажения, лишние элементы, пятна, видимые при 100-процентном увеличении).

Покупателя чаще интересует количество пресловутых мегапикселей и он редко когда задумывается о размере матрицы. Производители всю используют незнание потребителей и рисуют крупным шрифтом второстепенные показатели качества, преследуя свои маркетинговые цели. Важно знать следующее: 3 мрх — нормальная площадь

ботать с 5 мегапикселями. Хочется чего-то большего — цифровая бюджетная камера — не для вас.

Зум-Зум

По большому счету, количество мегапикселей влияет только на разрешение или размер фотографии, и оно не является мерилем ни качества, ни четкости, так как это прерогатива оптики. Линзы должны быть стеклянными, объектив — как можно более светосильный (2,8—4,2 не меньше, 4,8—5,8 слишком мало), чтобы получать хорошие снимки без вспышки. Зум (возможность приближать и удалять картинку) —

только оптический (на большинстве бюджетных камер он 3х или 4х). Часто маркетологи используют в рекламе электронный зум (Digital Zoom), который может и превышать значение оптического, только он не приближает, а увеличивает уже имеющееся — это можно сделать и на компьютере (разницы не заметите). Не обращайте на такое внимания.

Еще одна причина глупости гонки за мегапикселями — оптика на мыльницах рассчитана (о чем молчит производитель) на 2 — 4 трх, поэтому пусть хоть матрица с 8 миллионами сенсоров — деталей боль-

выдержках и может быть синего, красного, зеленого и других цветов) пиксели. Это просто — если камера позволяет, то выставляем секундную выдержку, нет, и так можно, закрываем плотно (той же инструкцией по эксплуатации) объектив и фотografiруем. На более функциональных ЦФК снимаем так же на 5, 10 и, если возможно, на 15-секундных выдержках. Все делается при максимальном разрешении.

Полученные снимки переносим на компьютер (всегда есть в любом уважающем себя фотомагазине), загружаем любой просмотрщик

ше не появится, а вот вес снимка в несколько мегабайт обеспечен. Менять оптику и конструкцию объектива — накладно, гораздо проще оставить прежний размер матрицы и сделать побольше сенсоров. Разница в цене между камерами 5 и 8 мегапикселей — значительная, поэтому, взяв модель с 5-ю, на сдачу вы спокойно купите карточку памяти на 2 или 1 Гб.

Звездное небо

Перед покупкой обязательно проверьте на битые (мертвая, обычно белая точка, не передающая изображение) и горячие (сенсор, искажающий передачу цвета во время работы матрицы, виден на длительных

изображений (AC-DC, IrfanView, XnView, Adobe FotoShop и другие), увеличиваем размер показа до 100 процентов и яркость, чтобы черный кадр стал светло-серым, и просматриваем таким образом каждую фотографию. На секундной выдержке проверяем битые, на больших — горячие. В зависимости от модели, на выдержках больше 1 3\10 (на очень бюджетных с 1\60 секунды) работает «шумодав», который скрывает огрехи матрицы, но тем не менее на черном кадре все важно хорошо просматриваются. Важны отсутствие битых, а наличие одного или двух горячих — простительно, так как они не всегда видны, если вообще

видны. Наблюдаете звездное небо уже на 1 секунде — требуйте показать другой экземпляр.

Подобного рода брак обусловлен стремлением производителей уменьшать размеры матриц, а про известные одинаково хорошо все 5 или 7 миллионов пикселей не всегда возможно, поэтому при покупке придется мириться с некоторыми из огрехов, кроме мертвых пикселей.

Метр еду, два стою

Миниатюризация привела производителей к тому, что на компактные

вая. Все же главная цель — качество фотографий, а не их количество.

Потерян в собственном кармане

Рынок ЦФК делится между компактными, ультракомпактами (они же дорогие мыльницы), любительскими камерами (просьюмерки или зеркальные аппараты начального уровня) и профессиональными девайсами. Нас интересуют первые два пункта. В чем же разница между ними? Размер, иногда качество получаемых кадров и цена. Не-

модели обычные батарейки типа AA или AAA уже не идут, поэтому многие серии «Ультракомпакт» используют собственные аккумуляторы. Если они выходят из строя, то на покупку нового понадобится от 500 рублей и больше, да и заряд они держат слабовато (150—300 кадров), при том, что варианты на приличных пальчиковых аккумуляторах (1800 mAh и больше) влегкую выдадут снимков 500—700 (с учетом вспышки).

Здесь следует судить по тому, что требуется — компактная камера или фотоаппарат. Конечно, есть модели и из числа пальчиковых компактов, у которых только свой аккумулятор. Если все устраивает, то берите не раздумыв-

смотря на то, что компакт может отличаться сильно по стоимости в меньшую сторону от ультракомпакта, его КПД чаще всего лучше, ибо производители ничем не жертвовали ради миниатюризации. Непременен встанет вопрос, где носить — в кармане, барсетке или сумочке. Если важен минимальный размер, то придется жертвовать возможностями и немного качеством, а не важен, тогда вы только приобретаете. Все ультракомпакты рассчитаны (Canon серии Ixus, Fuji линейки F, Panasonic моделей FX и другие) на то, что пользователю не требуются ручные настройки (или только минимум — зависит от мо-

дели) — вытащит из кармана, сфотографирует и так же быстро уберет обратно. У каждого свое восприятие качества, поэтому говорить, что у «миниатюрных» мыльниц оно не блещет — неправильно, так как оно у них на хорошем уровне, достаточном для большинства. Просто соотношение цена/качество хромает на обе ноги и переплата идет за имидж и малые габариты.

Идеально выбирать среди компактов, которые крупнее, но в них и возможностей заложено больше, объективы не «пипеточные», да и

такие карты шли на аппараты старого образца, чаще у Canon.

Не стоит задумываться о ценах на память, учитывая, что гигабайт любого типа будет стоить практически одинаково или с разницей в несколько сотен. В порядке убывания цены за Гб: MS (от 1800 руб.), xD (от 1700 руб.) и SD (от 1400 руб.). Конечно, если не планируете далеко уезжать, то 256 Мб — за глаза (при разрешении 1600x1200 — больше 500 кадров), причем и цены на такой объем — в пределах 750 рублей за любой тип.

на фотоаппарат похожи больше, а не на визитку или пачку сигарет.

Фитюлька, а цены ломают...

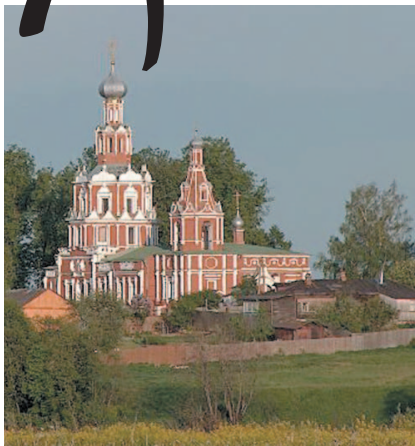
Важен вопрос карточек памяти, которые используют фотоаппараты. Но, смотря правде в глаза, — момент более чем второстепенный, ведь носитель берется только один раз и только для камеры, то есть установив — вы забудете даже название этой маленькой штучки. Существует несколько типов карт памяти: Memory Stick — они же MS (только у Sony), xD (Olympus и Fuji), Secure Digital — кратко SD (все остальные производители). Кому-то, может, попадется Compact Flash или CF, но

Что ж-таки у нас выходит?

Многое опущено, но основные моменты, которыми следует руководствоваться при выборе недорогой ЦФК в пределах 10 тысяч рублей, указаны. Минимальная цена достойного аппарата — 3480 руб. (Canon A410). Пленка еще жива, но цифра проща и дешевле — купишь один раз и не тратишь время на проявку, а неудачные кадры удаляешь прямо с фотоаппарата, поэтому КПД повышается. Чем дороже, тем лучше — здесь не работает, так как порой дешевый девайс способен затмить дорогой. Помните, что снимает не камера, а фотограф. □

Государево Село

На сегодняшний день Софрино — это довольно большое, даже по меркам Подмосковья, городское поселение на северо-востоке Московской области, в Пушкинском районе, расположенное в 35—40 километрах от границы современной Москвы по дороге, ведущей в Сергиев Посад, Ярославль, Вологду. Это городское поселение вобрало в себя множество сел, усадеб, деревень, поселков, центром которых является железнодорожная станция. Поэтому правильнее будет говорить о Софрино не как о населенном пункте, а как о местности. Основная жизнь Софрино сегодня бурлит на левом, если стоять спиной к Москве, «берегу» железной дороги. Но так было не всегда.

Пять веков истории

Софрино известно двумя достопримечательностями: знаменитой усадьбой со Смоленской церковью XVII века и единственным пока в России заводом по производству утвари для Русской православной церкви. Само селение известно с XV века, а его название историки обнаружили в XVI веке. В Москве в те далёкие времена было много греческих, крымских, итальянских торговцев. Их называли гостями. Один из таких гостей, Иван Сафарин, происходил из крымского города Сурож, теперь это город Судак. Иван Сафарин приобрёл земли недалеко от Москвы и основал там усадьбу, получившую название по его прозвищу — Сафарино. Впослед-

ствии оно стало изменяться и приобретать формы Сафорино, Сефорине и, наконец, Софрино. Происходило всё это постепенно, и в документах можно встретить одновременно то или другое название.

В 70-е годы XVII века владение числится «государевым селом», а к 90-м становится подмосковной вотчиной «ближнего боярина» царя Федора Салтыкова. Его дочь, Прасковья, вышла замуж за царя Ивана Алексеевича, старшего брата Петра I. При новом владельце строится усадебный комплекс. В середине XVIII века имение приписали к собственным вотчинам императрицы Елизаветы Петровны, для которой здесь в 1742 году был построен каменный двухэтажный дворец, соединенный переходом с церковью. В этом здании останавливались чле-

ны царствующей семьи по пути в Троице-Сергиев монастырь. Дорога, на которой находилось Софрино, становится очень популярной и оживленной. Что говорить о простых людях, духовенстве, даже боярах, если любой князь, царь и император считал своим долгом совершить паломничество к преподобному Сергию. В древности великие князья и цари Московские ежегодно совершали несколько таких паломничеств. Где власть — там и престиж. К XVII веку земля по этой дороге ценилась неизменно дорого. Можно сказать, что Сергиева дорога была гораздо престижнее, чем современная «Рублевка». Большинство земель здесь принадлежало лично государю. Управляло же Государевыми землями отдельное министерство. Раньше

оно называлось «Приказ Большого двorca».

Расцвет усадьбы

В конце XVIII века Сафарино стало владением Ягужинских. Интересен такой факт: помещица В.Н. Ягужинская в 1843 году, еще до реформы 1861 года, освободила всех своих крестьян от «крепости», а чуть позже она передала освобожденным крестьянам все свои земли. При Ягужинских здесь существовал каменный дворец в два этажа, с двухскатной деревянной кровлей. Со двора в палаты вело каменное крыльцо с деревянными перилами под навесом. Ко двору примыкал большой сад с плодовыми деревьями, парниками, прудом. Дворец соединялся переходом непосред-

ственно со Смоленской церковью, построенной в 1691 году в распространённом тогда «нарышкинском» стиле. Церковь имеет ярусную структуру: на куб-четверик с высоким подклетом поставлены убывающие по ширине восьмерики: два световых, и ярус звона с главкой, на глухом, кажущемся снизу ажурным, барабане. В декорировании использованы традиционные приёмы: трёхчетвертные колонки, полуколонки, треугольные и гребешковые фронтоны, тонко профилированные карнизы, оконные наличники. В подцерковье находится склеп, в котором покоится прах графини В.Н. Ягужинской. Через окошко можно разглядеть чёрный мраморный саркофаг с золотым тиснением. Этот прекрасный образец архитектуры, к счастью, сохранился до наших дней, реставрировался в 1970-х годах и в настоящее время является действующим храмом.

В 40-е годы XIX века вотчина пришла в полный упадок. Сад был запущен, часть деревьев вырублена. Дворец стоял без ремонта: в сводах образовались трещины, крыша прохудилась, окна зияли пустыми глазницами. Во второй половине XIX века его разобрали, а на его месте возвели трапезную с приделом и небольшой колокольней.

Святая земля

Земля, на которой расположено Софрино, освящена веками. Это связано с именем преподобного игумена Троице-Сергиевой лавры Сергия Радонежского, молитвенника за всю землю Русскую. Не случайно в начале 1970-х годов Святтейший патриарх Пимен обратился к властям с письмом, в котором просил выделить землю для строительства завода в ближнем Подмосковье. Единственное условие, кото-

рому должна была отвечать эта земля, ее расположение между Москвой и Троице-Сергиевой лаврой. Художественно-производственное предприятие Русской православной церкви было построено именно в Софрино и получило одноименное название. На предприятии «Софрино» работает около трех тысяч мастеров-умельцев. Они творят поистине доброе, пронизанное высшим духовным смыслом искусство, их произведения становятся настоящими шедеврами и прославлены уже во всём мире. «Софрино» ведёт большую просветительскую работу. Здесь обучаются разным ремёслам, музыке, профессиональным тайнам местные и приезжие дети. Известно, что на Руси такие благословенные мастерские строились на местах, отмеченных печатью Божией Благодати. Таким благословенным местом и является Софрино. □

3 Записки

«ГРОМООТВОДА»

Тесный зал, освещенный длинными плафонами дневного света. Пластиковые столы с перегородками, вращающиеся кресла. В креслах сидят люди. Кто-то читает, кто-то вяжет крючком, кто-то разговаривает. Перед каждым — телефонный аппарат без трубки, от которого тянется длинный провод с наушниками и микрофоном.

— Добрый день! Телефон доверия.

Именно так отвечает дежурный оператор службы экстренной психологической помощи на каждый поступивший звонок. Всего операторов

на смене — около двадцати человек, из них профессиональных психологов — меньше половины, они и оказывают именно психологическую помощь. Остальные (их называют «громоотводы») нужны для того, чтобы отсеивать звонки людей, которым просто хочется поговорить.

Я (еще стажер) сижу возле своей «учительницы» Ольги с параллельной телефонной гарнитурой на голове и слушаю объяснения:

— Как только садишься на свое рабочее место, нажимай вот эту кнопку. Это будет означать, что ты к работе приступила. Понятно?

Я киваю. Ольга кладет мне в руки толстую книгу с алфавитной «ленткой» по срезу:

— Вот сборник типичных ситуаций. Слушаешь абонента, находишь его ситуацию в книге и читаешь ему вопросы. Обязательно дай выговориться. Если что-то серьезное, ставишь его звонок в очередь на подключение к оператору-психологу и кратко записываешь историю на листочек. Как только замигает красная лампочка, говоришь абоненту: «Сейчас с вами побеседует наш старший психолог, не вешайте трубку», жмешь «переключить» и отдаешь листок оператору с четным номером.

— А если психолог надолго занят? Я могу сама?

— Не можешь! Твоя задача — тянуть время. Никакой отсебятины, понятно?

Я не психолог, а всего лишь студентка второго курса психфака. Здесь подрабатываю не только ради денег, но и для практики. Впрочем, как и большинство.

Ольге поступает звонок, она жестом велит мне молчать и слушать и производит в микрофон:

— Добрый день! Телефон доверия.

На том конце провода молчат, слышится дыхание, далекий звук работающего телевизора, чьи-то голоса.

— Давайте поговорим, — мягким, почти вкрадчивым голосом предлагает Ольга.

— А это кто? — громко раздается голос подростка. — Это секс по телефону?

Ольга даже бровью не ведет. Сразу видно, не первый месяц чело-век работает.

— С вами говорит оператор службы доверия, — спокойно отвечает она. — Скорее всего, вы ошиблись номером.

— А можно с вами познакомиться? — Подросток явно развлекается, говорит с ленцой, развязно, даже глумливо, рассчитывая вывести женщину из равновесия.

— Нет, нельзя. Всего доброго. — Ольга нажимает кнопку сброса и смотрит на меня. — Видишь? Вот для этого мы и нужны. Многие звонят просто так, от нечего делать. Особенно ночью. Представляешь, если психологу придется отвечать на такие звонки — смогут до него нормальные люди дозвониться?

Снова звонок. На этот раз на проводе — пожилая женщина. Она всхлипывает, нервничает, никак не может начать излагать проблему. Ольга приходит ей на помощь:

— Расскажите, пожалуйста, о себе. Как к вам обращаться? Меня можете называть «Лариса». Сколько вам лет? Где вы живете?..

Ситуация у звонящей не нова: взрослые дети давно не появляются, ничем не помогают, друзей совсем не осталось, пенсия — маленькая, не хватает даже на то, чтобы купить себе новые тапочки. Вот эти тапочки и стали последней каплей.

— Понимаете... — старушка плачет, — ...дело не в деньгах... но все-таки... я так больше не могу... каждую копейку считаю, ничего не ем, все на лекарства... у меня катаракта... я ослепнуть могу... у меня даже на лечение денег нет...

Ольга все внимательно слушает. Книга со списком стандартных ситуаций ей уже не нужна, она все помнит и так. Заботливо спрашивает о том, в каких условиях женщина живет, где живут ее дети, каков размер пенсии, что сказал врач по поводу катаракты. В процессе разговора старушка заметно успокаивается, все реже всхлипывает, веселее, начинает даже шутить. Ольга пишет мне на листочке: «Тут главное — выслушать». Я киваю.

На выслушивание уходит сорок минут. Психолог не нужен, человеку просто хотелось найти понимание. Результат разговора: пожилая женщина узнала от Ольги о некоторых новых льготах для пенсионеров, записала телефоны отделов социальной помощи и общественной приемной одного депутата, услышала много добрых слов, пришла к выводу, что не все так безнадежно, более того, ей даже пообещали помочь с одеждой и обувью — сообщить ее данные в хороший благотворительный фонд.

Выходим покурить. Всем операторам полагается десятиминутный перерыв раз в полтора часа. Смена длится двенадцать часов, график скользящий: день, ночь, «отсыпной», выходной. Некоторые, самые терпеливые, меняются сменами, чтобы работать сутки через трое, хотя по КЗоТу это и запрещено.

— Народу не хватает, — рассказывает Ольга. — Текучка большая. Во-первых, тяжело. Сама видишь, какие бывают звонки, но это еще цветочки. Бывает, звонят и матерятся, оскорбляют операторов, угрожают. Маньяки всякие звонят, некоторые очень упорные. Во-вторых, платят немного. В-третьих, это как-то изнашивает человека, что ли... — Ольга затягивается сигаретой. — Понимаешь, операторы «портятся». Не все, конечно. Но бывает, что устают от людей, от их проблем, и начинают просто отшивать абонентов. Был случай... Парень у нас работал, студент, учился на третьем курсе психфака. Позвонила девчонка и спросила: «Что делать, если не хочется жить?» А парень взял и ответил, причем с этаким иронией: «Пойти и повеситься». Она пошла и повесилась, слава Богу, снять успели... Мать на параллельном телефоне подслушивала, так в суд на нас подала...

— Господи! — мне не верится, что человеку, находящемуся на грани жизни и смерти, можно вот так ответить. Ольга смеется:

— Это ты сейчас ужасаешься. А через полгода запросто можешь сама испортиться. От этого никто не застрахован. Бывает, оператор и сам не ожидает от себя такого. Думаешь, того парня совесть не мучила? Но слово-то — не воробей. Поэтому надо себя «держат». Ни с кем не ссориться перед сменой, стараться воспринимать все поближе к сердцу, а главное — говорить мягко, негромко и ласково, как с другом. Одна злая нотка — и человек положит трубку. Если начальник смены прослушивает твою линию, запросто останешься без премии.

Она вдруг вздыхает:

— Но так иногда трудно сдержаться! Особенно с женщинами. У нас лимит: разговор не должен длиться больше часа. Психологи могут и по пять часов болтать, но мы, «громоотводы», в этом ограничены. А некоторые дамы даже за час не могут изложить проблему. Начинаешь подгонять — обиды. Даже жалуются, что хамим, видите ли, не хотим выслушать. Чуть ли не каждую смену приходится объяснительные писать. Но это — еще не главная трудность...

— В чем же главная?

— Главная трудность — отличить простого болтуна от человека, которому действительно нужна помощь. Бывает, так убедительно рассказывает, что поневоле веришь и переключаешь на психолога. А оказывается, что это просто кому-то скучно, а ситуацию он из сериала взял...

Возвращаемся в зал. Смена — в разгаре, от четных операторов уже идет дым. Нечетные — то есть «громоотводы» — заняты не все, некоторые разделились на пары и режутя

в «морской бой». Ольга садится, подключается и вручает мне наушники:

— Надевай. Сейчас не пиковая нагрузка, утро еще. Основная — днем и ночью. Днем звонят домохозяйки, пенсионеры, дети. Ночью много «самоубийц», подростков, мужчин. Но чаще звонят все-таки женщины.

Звонки поступают к операторам не в случайном порядке, их распределяет компьютер. Если ты только что с кем-то говорил, очередной вызов придет не к тебе, даже если ты свободен. Так и получается, разговор начинается «нечетная» девушка из противоположного ряда.

— Хочешь сама попробовать? — спрашивает Ольга.

В наушниках раздается сигнал.

— Добрый день! Телефон доверия, — зажмурившись от напряжения, говорю я.

— А можно с вами поговорить? — интересуется девичий голосок на том конце провода.

— Да, пожалуйста.

Молчит, но не отключается.

Ольга пишет мне записку: «Отключай». Я мотаю головой. Раздается хихиканье, и трубку бросают. Я сижу в расстроенных чувствах.

— Баловников сразу чувствую, — говорит Ольга. — Они любят операторов постарше, молодой голос их тревожит. Не знаю, почему, но они думают, что старшие более терпеливы и будут до посинения выслушивать их байки. Вообще, многие инстинктивно стараются попасть на женщину средних лет и иногда перебирают всех операторов. Это ужасно утомляет. Кстати, старайся избегать профессиональных ноток в голосе, это отталкивает.

В работе «громоотвода» много тонкостей. Например, нельзя говорить устало, с ленцой, равнодушным тоном. Нельзя раздражаться.

Даже если тебе кажется, что он уже звонил, ни в коем случае нельзя сообщать ему о своих подозрениях.

— У меня был случай, — рассказывает Ольга. — Позвонила девушка, а мне показалось, что я с ней уже разговаривала в прошлую смену. В общем, решила, что она из «болтунов», то есть каждый раз звонит с новой проблемой. Ну, и сказала ей это... Она вежливо извинилась, перезвонила и случайно попала на четного оператора — на психолога. Выяснилось, что она, во-первых, звонила в первый раз, а во-вторых, у нее была очень серьезная ситуация, человек находился почти на грани самоубийства. Еще хорошо, что она перезвонила! Но я все равно сидела без премии. Понимаешь, голоса бывают похожи, ухо устает, и тебе начинает казаться всякое... Но, — она понижает голос почти до шепота, — самое страшное — не наши ошибки, хуже, когда «портится» настоящий психолог, вот это уже совсем плохо.

Оказывается, психологи портятся даже чаще, чем «громоотводы». Вместо того, чтобы выслушать человека, они почти сразу предлагают ему записаться на платную очную консультацию. Стоимость — от 5 до 30 долларов в час. Само собой, это гораздо выгоднее, чем «сотрясать провода» бесплатной телефонной болтовней, вот и сводится вся «экстренная помощь» к примитивной коммерции.

— А денег у людей, как правило, нет, — вздыхает Ольга. — Тем более таких. Вот и стараются они попасть не на психолога, а на обычного оператора, который, может, и не обучался в университетах, но и на «бабло» разводиться не будет. Они это чувствуют. Некоторые часто звонят и спрашивают определенного оператора, знают график смен... Я думаю, такая помощь должна быть

бесплатной. Народ у нас небогатый, а проблем много. А тот, у кого есть деньги, время на телефон тратить не станет, в частный кабинет запишется, и все. Но ты не вздумай мои слова психологам передавать, уволю меня.

Новый звонок. На проводе — молодая женщина, жена классического трудоголика. Проблема: мужа постоянно нет дома, он пропадает в офисе даже в выходные, приходит поздно вечером, и это длится уже второй год. Семья начинает разваливаться. Женщина чувствует себя одинокой, невостребованной, она не ощущает, что у нее есть муж.

— Поймите, мне не нужны его деньги! — звенящим от напряжения голосом говорит она. — Меня от слова «деньги» уже тошнит! Как он не понимает, что мне нужен он, а не его зарплата? Я выросла в семье служащего, привыкла жить скромно, в гробу я видела все эти импортные тачки, евроремонты и тряпки...

Я открываю книгу на одноименной странице «Жена трудоголика» и начинаю задавать вопросы. Чувствуется, что у молодой дамы наболело, она злится, плачет, состояние ее близко к истерике. Минут через двадцать Ольга сует мне записку: «В очередь к оператору 8». Это означает, что без психолога ситуацию не разрулить. Мигает лампочка.

— Сейчас с вами будет говорить наш старший психолог, — сообщая я. — Не вешайте трубку, пожалуйста.

Спрашиваю у Ольги:

— А почему нужно говорить «старший»?

— Ну, подразумевается, что мы все тут — настоящие психологи, — она улыбается. — Нельзя же сказать человеку, что ты, мол, все это время говорил фактически с автоответчиком...

Звонок. На этот раз мужчина. Два дня как разведен. После заседания суда десятилетний сын заявил: «Ты мне больше не отец». Спрашивает, что делать, но по голосу чувствуется, что проблема совсем не в сыне. Ольга слушает и вдруг пишет записку: «В очередь на меня».

— Извините, сейчас с вами будет говорить наш старший психолог, — послушно отвечаю я и замолкаю. Начинает говорить моя «учительница».

Проблема у мужчины, оказывается, и впрямь не в сыне. Сын — это так, постольку-поскольку. На подходе уже новая семья, будущая жена на семнадцать лет моложе, очень ревнует отца к мальчику. Мужчина пытается тактично выяснить, может ли опрометчивое заявление сына считаться достаточной причиной для прекращения встреч с ним. Вот так, ни больше, ни меньше! Ольга задает много вопросов, но мужчина отвечает уклончиво, мнется, подолгу молчит. Потом не выдерживает:

— Это все очень сложно для меня. Я люблю свою девушку, сына тоже люблю, но боюсь, что он будет вредить моей новой семье. Он — сложный ребенок, к тому же обижен за мать...

Разговор длится долго. Я слушаю и вдруг начинаю понимать: это — не мое. Не та профессия, которой можно посвятить жизнь. А вот у Ольги это — призвание.

Правда, на работу я все же устроилась и посвятила ей целых пять месяцев, надеясь привыкнуть. Потом ушла, уж очень сильно расшаталась нервная система. А Оля и сейчас там работает, уже в должности начальника смены.

...Каждый из нас может хоть раз в жизни набрать заветные семь цифр, чтобы поделиться своей бо-

лю с невидимым человеком на том конце провода. Хотите сделать это общение более продуктивным? Вот несколько простых правил:

1. Заранее изложите на бумаге хотя бы основные пункты своей истории, чтобы легче все объяснить оператору.

2. Звонить по телефону доверия лучше утром или ранним вечером, в это время падает загруженность линии, и у вас есть шанс быстрее дозвониться.

3. Не настаивайте на разговоре именно с профессиональным психологом, если не уверены, что он вам нужен.

4. Не балуйте по телефону доверия, помните, что в момент вашего бальовства туда не могут дозвониться люди, у которых случилась настоящая беда.

5. Не добавляйте к своей истории вымышленных деталей, чтобы не запутывать оператора и не искажать картину событий.

6. Если у вас нет денег на платную очную консультацию, сразу сообщайте об этом оператору.

7. Если вы чувствуете, что оператор чем-то раздражен, просто вежливо попрощайтесь, дайте отбой и перезвоните по тому же номеру. Не надо жаловаться, качать права или оскорблять человека, пусть его настроение останется на его совести.

8. Если вам задают нескромные, на ваш взгляд, вопросы, все равно постарайтесь ответить на них: зна-

чит, так нужно для более квалифицированной помощи.

9. И, наконец, будьте вежливы так же, как оператор вежлив с вами.

ДЛЯ СПРАВКИ:

Экстренная медико-психологическая помощь в кризисных ситуациях **205-05-50**

Телефон доверия для детей и подростков **160-03-63**

Для инвалидов **283-59-01**

Для женщин:
«Анна» (для переживших домашнее насилие) **124-61-85**

«Голуба» (для несовершеннолетних) **166-60-65**

«Сестры» (для переживших сексуальное насилие) **901-02-01**

Для жертв алкоголизма и наркомании **126-04-51**

БОЖЕСТВО,

которое
умеет
танцевать

фото
Владимира
Чейшвили

Танцы существовали практически с первых шагов человечества. Первобытные люди изображали в них животных или силы природы. Как искусство, например, в Египте они были известны более четырех тысяч лет назад! Религиозные танцы — это часть истории человечества. Греки относились к ним, как к развлечению, как к максимальному удовольствию

во время праздников и пиров. Приверженцами танцев были Сократ и Платон. Это тот вид искусства, без которого не существовало бы ни великолепных королевских балов, ни стильных, современных дискотек.

В четырнадцатом веке в Италии родился бальный танец. Тогда он исполнялся парами или просто большим количеством народа на вечерах, точнее, балах. Потом им «заболела» Франция. Здесь по-настоящему стало развиваться то танцевальное искусство, которое нам известно сегодня. Хотя его корни мож-

но проследить и в других странах, именно во Франции танцы довели до совершенства. Трудно переоценить в этом роль Екатерины Медичи. Из Версаля любовь к танцевальному искусству распространилась в частные дома. При Людовике XIV

лись любые импровизации, соблюдались определенные порядки, в зависимости от ранга танцующих.

Если в семнадцатом веке балы устраивались только в аристократическом обществе, то с начала восемнадцатого все большее значе-

искусство салонного танца достигло больших высот. Организовывались великолепные балетные спектакли, и лучшие композиторы того времени создавали свою музыку для придворных балов.

Первоначально балльный танец не имел четко установленных движений. Преобладали поклоны, реверансы, сопровождаемые пением самих танцующих или игрой на лютне, флейте, тамбурине, арфе, трубе. Однако в XVIII веке в Париже была основана Королевская академия танца, регламентирующая стиль и манеру исполнения. В них преобладала парадность, запреща-

ние приобретали публичные платные балы. В 1768 году в Париже открылось первое специальное помещение для балов, названное английским словом Vauxhall, означавшим место общественных увеселений.

С середины XIX века самым популярным балльным танцем стал вальс. Его история неразрывно связана с творчеством венских композиторов — Ланнера и Штрауса.

В начале прошлого века значительное влияние на развитие балльных танцев оказали страны Северной и Южной Америки. Появились вальсбостон, тустеп, уанстеп, блюз, фокстрот, квик-степ, чарлстон и многие

другие. Безусловно, каждый из этих танцев имеет свой характер, свои отличительные черты.

Например, история самбы — это история слияния африканских танцев с испанскими и португальскими. В чопорной Австрии и Франции они считались греховными, поскольку в процессе танцоры касались друг друга. Сначала такой танец назывался «Batuque». Он стал настолько популярным, что король Испании вынужден был запретить его. Однако это не помешало жителям страны продолжать танцевать тайно. Позднее танец распространился на южную Америку, точнее, на Рио-де-Жанейро. Там его стали называть «Zemba Queca», что означает «ребенок от негра и местной женщины», то есть мулат. Потом, неизвестно по каким причинам, танец переименовали в самбу и несколько модернизировали — добавили несколько современных, на тот момент, движений. Истинный же характер самбы — это веселье и флирт, заигрывание друг с другом, сопровождающееся фривольными движениями.

В 1952 году известный английский преподаватель бальных танцев Пьер Лавелл посетил Кубу и познакомился там с оригинальным танцем — «Guaracha» (гуарача). Вернувшись в Англию, Лавелл тут же начал преподавать зажигательный кубинский танец в своей школе. Очень скоро гуарача стал невероятно популярен в Европе. А, чтобы не мучиться с трудностями перевода, мудрые европейцы назвали танец просто «ча-ча-ча».

Румба — танец африканских негров, подчеркивающий движения корпуса, а не ног. Можно смело ска-

зать, что это — сексуальная пантомима, исполняющаяся в быстром ритме и изображающая агрессивные домогательства мужчины и защитные движения женщины. В Европе румба появилась, так же, как и ча-ча-ча, благодаря энтузиазму Пьера Лавелла.

Сейчас румба считается душой латиноамериканской музыки. Очаровательные ритмы и движения тела делают ее одним из наиболее популярных видов бальных танцев.

Родина танго — Испания. Первоначально был популярен среди низших слоев общества, но в начале XX столетия начал привлекать внимание высшего света. Известный французский танцор Роберт Прис приложил немало усилий для популяризации танго в Европе. Однако у него было очень много противников, особенно среди французских епископов. Они указывали на недопустимую близость во время танца и его излишне чувственный характер. Танцующие, считалось, подвергали души греховному испытанию и могли лишиться святого причастия. Пресса тоже не жаловала танго. Тридцатого мая 1915 года в «Нью-Йорк Таймс» вышла обличительная статья: «Танго опаснее немецкого империализма!» Однако все это не ослабило интерес к танго, которое по сей день остается самым ярким танцем.

Танец под музыку R'n'B (ритм и блюз) — одно из самых модных направлений на Западе. Он базируется на основе техники хип-хопа и фанка, но имеет собственное специфическое движение — так называемый «кач». «Кач» напоминает о фривольности и показных манерах в городской негритянской эстетике

США. Чтобы лучше понять, что такое R'n'B, перечислим несколько известных западных исполнителей, в клипах которых вы можете увидеть подобные танцевальные комбинации. Джастин Тимберлейк, Дженет Джексон, Бритни Спирс.

Основная отличительная черта хауса — это широкие амплитудные движения под быстрый ритм музыки. Требуется большое пространство.

Крампинг — уникальный, не имеющий аналогов танец, развился из движения пляшущих клоунов. Шоу подобных клоунов проходит в Америке, в Лос-Анджелесе и по сей день. Однако крампинг полностью отделился от их нелепых плясок и представляет собой вид танцевального искусства. В противовес дурашливому «Clown Dancing», крампинг выражает гнев посредством неистовых, гиперболизированных и драматичных движений. Неискушенному зрителю он может напомнить драку.

Брейк-данс зародился в Нью-Йорке в 1969, когда Джеймс Браун продемонстрировал публике свой знаменитый танец «Get on the Good Foot». Брейк-данс — зрелищная танцевальная часть хип-хоп культуры. В переводе с английского языка, означает ломаный танец. Делится на нижний брейк и верхний. Нижний — весьма травмоопасен и требует хорошей физической подготовки. Он включает в себя сложные акробатические элементы: вращение на голове, прыжки на руках, обороты на одной руке, вращение ног вокруг своего тела с опорой на руки и т.д. Второй нуждается в развитой пластике и артистизме. Например, чтобы имитировать волны, проходящие по всему телу. В настоящее время

эстетика брейк-данса активно используется в мировом шоу-бизнесе. Жаль, что его не пришлось увидеть римскому оратору Цицерону, заявившему, что «здравомыслящий человек, если только он не выжил из ума, не танцует ни один, ни в чьем-либо обществе, так как танцы — спутник распущенности, беспутства и похоти». Наверное, он изменил бы свое мнение.

Как известно, исполнитель стрип-пластики (эротических танцев) демонстрирует сексуальную пластику тела, сопровождая это постепенным раздеванием.

Место обитания стрип-данса — ночные бары, рестораны, специальные стриптиз-клубы. У стрип-танцоров — прекрасные тела, которыми они владеют в совершенстве. За гармоничность и грацию стрип-данс относят к эротическому искусству. Его танцоры проходят серьезную хореографическую подготовку. Профессиональный стрип-данс выглядит интимно, красиво, естественно, пошловатая грубость в нем начисто отсутствует.

Танец живота — это искусство древнего востока. А восток, как известно, «дело тонкое». Это — и сказки Шахерезады, и горячие мужчины, и загадочные женщины, и, конечно же, танец — утонченный, чувственный и завораживающий! Обучение танцу живота отличается еще и особым оздоровительным эффектом для органов брюшной полости. Оно делает правильной осанку.

Ницше говорил: «Я поверил бы только в то божество, которое умеет танцевать». Если к такому выводу пришел великий философ, то нам, простым смертным, остается только с ним согласиться. □

Анжелика Подоляк

Горячие финские парни

Современная рок-музыка редко радует нас хорошими коллективами, не замусоривающими музыкальную коллекцию. Поэтому, когда появляется кто-то достойный, хочется узнать побольше о своем новом кумире. К сожалению, образ на сцене не всегда соотносится с реальностью, которая может разочаровать. Но нам же нужна музыка, а не сплетни и биографические факты. Пусть музыкант играет заданную роль — хорошего ценителя музыки это волновать не должно.

Сегодняшний наш разговор — о финской группе HIM. По первому впечатлению можно сказать, что это — мрачные парни, которые обкалываются и напиваются до чертиков, а потом передают свои ощущения через музыку. На самом же деле все обстоит по-другому. Нельзя сказать, что они лучше других, просто они работают заметно качественней, и прогресс в творчестве от альбома к альбому хорошо заметен. Если ранние песни резали слух, то на последних релизах звучание стало более «коммерческим». Вполне естественно — ведь культовость и популярность — вещи несопоставимые.

Кто зачинщик?

Несмотря на то, что в группе несколько человек, все внимание традиционно обращается к ее фронтмену Вилле Валло. Он — основатель коллектива, автор большинства композиций, и этим все сказано. Еще в раннем детстве Вилле увлекся музыкой, в 8 лет упросил родителей купить ему бас-гитару, чуть позже играл в школьных группах.

Первая попытка организовать собственную группу после окончания средней школы под названием

His Infernal Majesty (Его Дьявольское Величество) — провалилась. Дело не пошло по двум причинам: возраст не тот, да и денег кот наплакал. Официально классический состав группы утвердился в 1994 году. В тот же год участники во главе с Вилле приступили к работе над демо-записью.

Спустя некоторое время название сократили до аббревиатуры — HIM. Валло считает, что так звучит намного лучше, да и запоминается легче. Плюс ко всему, ни у кого не возникнет соблазна обвинить группу в сатанизме и приверженности к темным силам.

Love Metal (Любовный Метал)

Стиль группы не укладывается в определенные рамки какого-либо течения. Нельзя сказать, что это метал, готика или что-то еще. Парни смешали множество популярных направлений, и, по их определению, они играют «рок-н-ролл с элементами метала, готики, гранжа, попа и других стилей» — Love Metal. Придерживаться определенного жанра для HIM — недопустимо, иначе творчество теряет смысл. Намного приятней передавать всю гамму чувств и настроений, не закликаясь на чем-то определенном. Есть примеры коллективов, которые яро отстаивали определенные стили, но с годами скатывались до поп-музыки — выходит, они лукавили. Валло не хочет, чтобы его группу постигла такая же участь, и не дает никаких обещаний.

И наступит новая эра...

Периодически HIM причисляют к сатанинским группам, что не имеет отношения к действительности. Хотя в текстах песен присутствуют такие слова, как смерть, дьявольский, любовь, упоминается число

666, но смысл того, о чем поет Вилле, намного прозаичней — своей лирикой он задает вопрос: «Смог бы ты умереть ради любви?» И если копнуть глубже, то станет ясно, что Валло любит писать высокими словами, утрировать, поэтому вопрос упрощается до: «Чем ты готов пожертвовать ради жизни, любви и своего счастья?»

Мрачные песни, финская меланхолия и тяжелые гитарные рифы делают чудеса. Люди начинают верить всему, что скажет их кумир. Но он сам еще не нашел себя в этом мире, личной жизни практически нет: при его графике работы редкая девушка выдержит. Что он может посоветовать только-только начинающим жить подросткам? Ничего, ведь песни для него — просто повод выплеснуть все свои положительные и отрицательные эмоции.

Бабки и дедки

Каждая группа стремится к популярности, и HIM — не исключение. Валло уже запутался в том, что он говорит — то они создают искусство, то хотят быть популярными. Нетрудно совмещать, хотя приоритеты отдаются чаще возможности заработать лишнюю копейку. Все же музыканты тоже люди — они хотят достойно жить.

Вилле следует тому, что говорит в этом отношении — ни дорогая машина (нет водительских прав), ни особняк ему не нужны, заработанные деньги копит на будущее. Фронтмену коллектива нравится все, как есть, и менять ничего не намерен. Живет он в однокомнатной квартире, любит ходить пешком и уединяться. Часто по-настоящему творческие личности по жизни остаются одни. Вилле же не обделен вниманием друзей и девушек, но пока он не может найти то, что ему действительно принесет покой и

радость. Нет, он не пессимист, а меланхолик, то есть человек, живущий в грусти.

Имидж — ничто...

Имидж HIM — стандартный для групп подобного направления. Музыка мрачная, соответственно — темная одежда, немного грима и серьезные лица, «обезображенные знанием истины». Вилле носит только черное, на концертах подводит глаза черной тушью (а'ля пил и коллола всю ночь). Разрисованные и обклеенные инструменты к имиджу сложно отнести — когда нечего делать, парни так дурачатся, поэтому не пытайтесь найти в этих изображениях хоть какой-то тайный смысл.

«Ты туда не ходи, ты сюда ходи...»

Любая начинающая группа, попадая в шоу-бизнес, не может избежать указаний свыше. Фирма их раскручивает, следовательно, они должны выполнять все, что им приказывают. Если верить Валло, поначалу все так и было, но благо HIM не указывали, какую музыку играть. Возможно, потому, что они создавали как раз то, что требовалось. Это подтверждает первый альбом (Greatest Love Songs, vol. 666, 1997), ставший платиновым.

Неприятно, когда хочешь самовыразиться, а тебе говорят, как именно следует это сделать. Добившись мирового признания, и по окончании контракта группа уже сама может диктовать условия, и первое из них — полная свобода творчества.

Чертова дюжина

HIM уже пошел второй десяток лет. Но за 12 лет, проведенных на сцене, они выпустили только четыре альбома и множество сборников. Хорошо, что парни не гонятся за количеством

номерных альбомов и не выдают их конвейером. Вообще, процесс написания лирики и мелодий занимает много времени. Сначала Валло сочиняет текст, затем откладывает его, чтобы тот пожил «своей жизнью», потом, сидя в одиночестве с гитарой, придумывает мелодию.

Торопиться некуда — считает Вилли, ведь написав композицию, важно после прошествия времени взглянуть на собственное творение как слушатель.

Постепенно группа меняет звучание. Старые фанаты называют его коммерческим, для новых же это — приятная и новая музыка. Несмотря на то, что парни эксплуатируют несколько вариаций одних и тех же аккордов — творческий прогресс заметен, и по последним работам видно, что HIM добились не режущего слух, насыщенного клавишами и тяжелого звучания. Ни о какой индивидуальности говорить не приходится, ведь и до них сочиняли что-то подобное.

Мечтать не вредно

Профессия музыкант — не из легких. Постоянные турне, фото-сессии, интервью. Времени на личную жизнь почти не остается. Постоянная мечта выспаться, но пока они на волне популярности...

Вывод

HIM — коммерчески успешная команда, завоевавшая сердца подростков и частично старшего поколения. Парни не задаются, похоже, звездная болезнь им не грозит, что не может не радовать. Несмотря на многочисленные турне — в сущности, они — домоседы. Каждый со своими странностями, но у кого их нет. Не судите о HIM по интервью, телевизору и обложкам — послушайте их музыку и, может, она понравится и вам. □

Полина Теслер

КРАСОТА

за копеек

Моя бабушка всегда выглядела намного моложе своих лет. Отличная осанка, подтянутая шея, гладкое, почти без морщин, лицо. Когда я доросла до сознательного возраста и спросила ее, в чем тут секрет, она удивилась: «А какой секрет? Я даже настоящей косметикой никогда не пользовалась!» Конечно, я тут же заподозрила бабулю в бессовестном вранье. Тогда она вздохнула, полезла в шкаф и извлекла тетрадку с многообещающим названием

«Как быть красивой». Там были собраны «народные» рецепты красоты, начиная с 1935 года!

Признаюсь, я зачиталась. А потом подумала: как же все-таки это просто...

Привожу здесь, конечно, не все, а лишь самые лучшие выдержки.

Чтобы утром лицо было свежее. Выжать в воду половину лимона и протереть этой водой лицо. Намазать под глазами раститель-

ным маслом на 5 минут. Умыться обычной водой.

Если отекли глаза. Капнуть в них из пипетки холодной кипяченой водой и на 5 минут приложить к нижним векам кусочки сырой картошки.

Усталость к середине дня. Взять вторую половину лимона и протереть ей лоб и щеки, если блеснут. Умыться. Несколько раз наклониться вперед и резко выпрямиться. Хорошо расчесать волосы.

Плохой цвет лица. Вечером после ванны протирать лицо молоком, умываться теплой водой и выпивать перед сном стакан горячего чая с сахаром.

Если не выпались. Облиться прохладной водой, разжевать 2—3 кофейных зернышка, попрыгать на месте, приложить холодное на лоб, охладить руки. Съесть на завтрак что-то холодное.

От шелушения кожи. Утром натереть на терке яблоко, отжать сок и выпить, а кашицей, как ваткой, протереть лицо. Выпить стакан молока с белым хлебом. Намазать на 5 минут под глазами растительным маслом и смыть. Вечером после ванны сделать маску из сметаны с маслом на 10 минут, выпить молока.

Если устают ноги. Налить в тазик очень холодной воды и потоптаться в ней минут 10, потом сразу лечь и поднять ноги кверху.

Чтобы «ложился» загар. Съесть в день 200 г тертой моркови, утром умываться морковным соком.

Крем от морщинок. Смешать 100 г сливочного масла, 2 чайных ложки меда, 2 столовых ложки сметаны. Накладывать на лицо после утреннего и вечернего умывания на 1 минуту, смывать ваткой, смоченной молоком.

Крем для свежего цвета лица. Состав тот же, но добавить в смесь 2—3 ягоды клубники.

Чтобы кожа не блестела. Сделать маску из рассола от квашеной капусты, смешанного с картофельным крахмалом до консистенции сметаны. Держать на лице 20 минут на ночь.

Против обветренных губ. Если губы обветрились и трескаются, смазать их на ночь теплым растопленным салом, а утром осторожно помассировать старой мягкой зубной щеткой.

Против «лихорадки» на губе. Если «лихорадка» (герпес) еще не появилась, но уже чувствуется уплотнение, протереть губы кусочком льда и сразу смазать вазелином. Повторить несколько раз. Если успели вовремя, пузырьки не появятся.

Чтобы губы оставались розовыми. Развести обычную хну теплой водой до состояния кашицы и кисточкой ровно нанести ее на губы на 20 минут. Смыть прохладной водой.

Для блеска глаз. Каждое утро делать гимнастику: взгляд вправо, влево, по часовой стрелке, вдаль, на близкий предмет, после этого закапать холодную кипяченую воду.

Чтобы волосы выглядели здоровыми. Ежедневно, наклонившись так, чтобы голова находилась

ниже уровня сердца, расчесывать волосы вниз. Нужно сделать минимум 50 движений щеткой. Мыть голову лучше прохладной водой и ополаскивать волосы водой с уксусом (1 чайная ложка на литр).

Маска против веснушек. Развести в стакане молока 2 таблетки перекиси водорода и добавить картофельный крахмал до консистенции сметаны. Наложить на чистую кожу на 30 минут, смывать холодной водой.

Маска против вялости кожи. Натереть на терке 2 огурца и 2—3 редиски, добавить ложечку меда и наложить на лицо, исключая область глаз.

Брови. Чтобы брови всегда выглядели красиво, их нужно каждое утро расчесывать старой зубной щеткой, смоченной в касторовом масле. Раз в неделю делать массаж бровей по направлению к вискам. Если выщипываете, лучше перед этой процедурой протереть кожу кусочком льда.

Ресницы. Чтобы они росли гуще, смазывайте их раз в неделю касторовым маслом и два раза в месяц — луковым соком. Чтобы ресницы не выпадали, никогда не спите с макияжем, и не трите глаза.

Отшелушивание. Хороший результат дает обработка распаренной кожи обычной зубной щеткой, смоченной в крепкой чайной за-

варке. Массировать следует осторожно, не нажимая.

Шея. После ванны смазать шею растопленным салом и обернуть лоскутом старой ткани на 30 минут. С утра протирать кожу шеи смесью молока и меда ²/₁.

Чтобы не было мешков под глазами. Очень помогает лавровый лист, если сварить его в кипятке, отвар остудить и пить на ночь. 1 листок на 1 стакан воды.

Целлюлит. Жировые бугорки уменьшатся, если ставить на проблемные места обычные горчичники один-два раза в неделю на 20—30 минут.

Витаминовый коктейль. 1 лимон, 2 яблока, 2 свежих огурца, 2 моркови, все это прокрутить через мясорубку, добавить полстакана воды, перемешать и отжать через марлю. Пить каждое утро.

Витаминовая маска. 1 пучок укропа, 2 редиски, 1 яблоко, 1 лимон, 2 чайные ложки меда. Овощи прокрутить через мясорубку, смешать с медом и накладывать на лицо каждый день на 15 минут.

Для рук. Чтобы кожа на руках оставалась молодой и гладкой, нужно каждый вечер делать массаж кистей с помощью растительного масла, смешанного ²/₁ с сырым яичным белком.

Для локтей. Чтобы кожа на локтях не грубела и не собиралась мор-

щинками, локти следует два раза в неделю распаривать в ванной, а потом тщательно растирать смесью соли и пищевой соды $1/1$.

Ногти. Они не будут слоиться и трескаться, если каждый день на ночь делать молочную ванночку. Молоко подогреть до температуры 40 градусов и держать в нем пальцы 15 минут.

Вены на ногах. Чтобы избежать варикоза, нужно раз в неделю растирать ноги растительным маслом с красным жгучим перцем.

Домашний массажер. Прибейте к стене старые счеты с деревянными костяшками, и можно в любой момент хорошо размять себе спину без посторонней помощи.

Усталый взгляд. Чтобы глаза не были потухшими и утомленными, надо каждый час закрывать их на 2 минуты и быстро вращать глазами яблоками сначала по часовой стрелке, потом против.

Аллергия. Во время приступа аллергии (особенно на цветение трав), если нужно куда-то идти, смажьте края ноздрей и область за ушами раствором новокаина, на 2—3 часа это снимет все симптомы.

После простуды и насморка.

Когда внешность еще далека от здоровой, умойтесь теплой водой с молоком и настоем календулы, вотрите в кожу лица немного сметаны, снова умойтесь, но уже прохладной водой, и разотрите щеки (только щеки) жестким полотенцем.

Быстрый способ привести себя в порядок. Низко наклонив голову, умойтесь холодной водой, присядайте, потрясите головой из стороны в сторону, расчешите (а лучше вымойте) волосы, помассируйте лицо кусочком яблока, выпейте холодной воды.

Удаление нежелательных волос. В ванне, когда распарите кожу, слегка потрите ее круговыми движениями с куском пемзы сначала в одну сторону, потом в другую. Волоски скатаются в шарики, и их можно удалить мочалкой. После процедуры смазать обработанные места слабым раствором уксуса.

Грудь. Для поддержания груди упругой, надо каждый день по 10 минут изо всех сил сжимать ладонями (на уровне грудной клетки) резиновый мяч. Два раза в неделю кожу груди быстро протирать льдом или ополаскивать холодной водой.

Универсальное упражнение.

Придает тонус всему организму. Сразу после подъема встать, широко расставив ноги, наклониться как можно ниже (не сгибая коленок), опереться руками в пол и плавно перенести вес тела на руки, потом обратно, так 10 раз. После окончания упражнения лечь на спину и полежать 5 минут, максимально расслабившись.

Вот видите, простые рецепты. А главное, совершенно бесплатные. Попробуйте, вдруг и вас лет через пятьдесят внучка спросит: «Как это тебе удается так здорово выглядеть?» Будьте красивыми! □

Знаменитый английский драматург Бернард Шоу прославился не только талантливыми и тонкими пьесами, но и верными, феерически остроумными афоризмами. Не упустил он возможности поиздеваться и над людской слабостью к одежде. Но ведь что сказал! «Следовать моде

Будем модными, веселыми и счастливыми

смешно, не следовать — глупо». Просто ужас какой-то, думай теперь, как жить дальше, — ни смешной, ни глупой прослыть не хочется. Но выглядеть и соответствовать тоже надо. Да и страсть ведь как хочется новую тряпочку купить!

Поэтому игнорируем классика и бегом по магазинам. Но сначала определим, что ни в коем случае не подходит этим летом. Рукава «летучая мышь», расшитые блестками джинсы и блузончики, очень короткие шортики, нелепые камуфляжные штаны — это выбрасываем. Впрочем, большинство тенденций в моде остаются теми же, что предлагалось на весну. Прежде всего, обратим внимание на цвет. Известный знаток моды и коллекционер одежды Александр Васильев уверяет, что «сейчас во всем мире — депрессия. Поэтому, с одной стороны, в моде — очень яркие цвета, с другой — очень темные». Некоторые дизайнеры тоже говорят, что этим летом надо носить черную одежду. Но, честно говоря, больше на душу ложится но-

вось о том, что актуален и белый цвет — можно сказать, главный цвет сезона. И черный в сочетании с белым радостно заиграет. Белый также сочетается со всеми другими красками, и, как несколько лет назад, хороши и все его оттенки — от ярко-белого до слоновой кости. Не бойтесь, если вам кажется, что белый полнит. Ничего подобного, на-

оборот, часто делает недостатки фигуры незаметными. Главное, фасончик правильно подобрать.

Продолжайте носить красное. Этот цвет притягивает взгляды мужчин, такая у них психология. Неплохо будут смотреться малиновый и темно-розовый. Золотой и серебряный блеск пока еще достаточно актуальны. Также в моде яркие, контрастирующие полоски, самая разнообразная клетка, и очень моден горох — от традиционного, классического мелкого, до крупного. Какой бы ни выбрали, все равно не промахнетесь.

Длина юбок и платьев остается разнообразной: от микромини до макси. Юбки предпочтительны пышные, много сборок, складок. Модные силуэты включают также и трапецию, клеш, «бочонок» с заложенными на пояске складками и «тюльпан». Но имейте в виду, что носить пышный низ можно только с облегающим верхом. Кроме того, модельеры предлагают шить джинсовые юбки с оборками, «трехэтажные» со сборками и украшенные яркой тесьмой и кружевами.

Переходим к важнейшему предмету одежды этого летнего сезона — платьям. Нас обрадовали — носить можно все, но при этом не забывая, что главный стиль — женственность и романтичность. Поэтому шьем или покупаем платьица из легких, воздушных тканей с широкой юбкой до колен, или немного ниже. Рукава должны быть пышными. Остро актуален фасон «фонарик», даже короткий, почти на плечах, но должен быть в сборочку на резинке. Еще вошел в моду элегантный рукав «три четверти», предпочтительно узкий. И не только у платьев, но и у жакетов, и даже у пальто.

Платья-футляры тоже модны, и при этом ткань должна туго облегать плечи, талию и бедра.

Горловины при любом силуэте — сложные, фигурные. Например, овал или сердечко, можно скошенный угол или больших размеров каре. Вообще, все предложенное возвращает нас в сороковые-пятидесятые годы. Если кому-нибудь приходилось видеть журналы мод тех лет, то именно такие силуэты, рукава и другие детали были главными. И женщины в этой одежде смотрелись замечательно.

Вообще, современные дизайнеры единодушно вводят в свои коллекции силуэт «песочные часы», подчеркивая талию. Действительно, все соскучились по женственности.

Опять становятся популярны платья и костюмы в стиле «сафари», но более романтичные и непринужденные, чем прежде. Важная деталь — жакеты и блузы носят с укороченными брюками. С ними фасон выглядит более веселым и озорным. Четкая линия плеча, погончики, накладные карманы и обязательно — подчеркнута талия. Можно верх костюма комбинировать с узкими пестрыми и цветными юбками, а брючки и юбки — с веселенькими романтичными блузками. Но основная цветовая гамма, конечно, оливково-песочная.

Одежду «сафари» хорошо подвязывать красивыми кушаками разнообразных цветов и рисунков. Их располагают на талии, под грудью или на бедрах. Материалы — драпированные или щедро украшенные тафта, шелк, атлас.

Из предыдущего весеннего сезона переходят разнообразные банты, пояса-шарфы с длинными кистями. И самый писк моды — стилизованные японские пояса-оби, которые

ми японки обматывают кимоно. Они должны быть широкими, перехваченными толстыми витыми шнурами. Обматываться этими оби долго и довольно сложно. Но чего не совершишь ради моды.

Еще одна модная вещь в этом году: сарафаны. Давно мы их не носили. Летние, нарядные, с летящей юбкой, с поясами и бантами. Шьют их из разных тканей, тонких и плотных, что кому нравится. Похоже, сарафаны займут прочное место надолго.

Какие нам пригодятся в летнем сезоне ткани? Во всех показанных российских и зарубежных коллекциях доминируют мягкие и уютные. Из них шьют все, от пальто до шортиков. Кашемир, муслин, джинсовка предлагаются теплых оттенков — молочного, телесного, жемчужного, светло-серого, розоватого. Можно носить вещи из алых, зеленых, голубых, темно-синих тканей.

Кстати, не забыть бы еще и об этнографическом стиле, который очень актуален сейчас, и, естественно, к нему подойдут рисунки вроде индийских «огурцов», японских «веток и цветов сакуры», много вообще цветочков, ягудок. Лето на дворе, и мы во флоре. И все при этом с воланами, рюшечками, оборочками. Располагать их можно, где угодно — по подолу, у ворота, на рукавах, на талии, на них ткани не жалейте.

В прохладные летние дни приятно надеть модные и красивые жакетки и туники. Из плотного шелка, полотна или шифона, можно по бокам сделать разрезы. Длинные разрезы хорошо смотрятся с узкими юбками и брюками. А если с пышной юбкой надеть короткий жакетик, длиной до талии, то можно изящно смотреться в этом ансамбле.

Теперь поговорим об обуви, без нее же ни один костюм не будет смотреться. У нас новость — наде-

ваем лакированные туфли. Можно просто лодочки, а лучше, если с перепонками на подъеме. И не только лакированные, но и любую другую кожу. Цвета — красные, белые, пестренькие, еще золотые и серебряные. Каблуки — небольшая платформа или устойчивые, невысокие, округлые, сужающиеся книзу. Если есть перепонка, то с таким фасоном предлагают надевать яркие или белые носки, гольфы и гетры. А с мини-юбочкой будет выглядеть очень стильно.

В летние прохладные дни, которые в нашем климатическом поясе встречаются нередко, хорошо надеть сапожки с прямыми широкими голенищами на круглых каблуках или танкетке. Носок должен быть или закругленным или удлинненным, но ни в коем случае не острым. Цвета — яркие и озорные.

Сапоги неплохо смотрятся не только с летней юбкой, но и с короткими брюками: от «капри» до шорт. Брюки вообще будут носить и очень широкими, расклешенными от бедра, и длинными, и до колен.

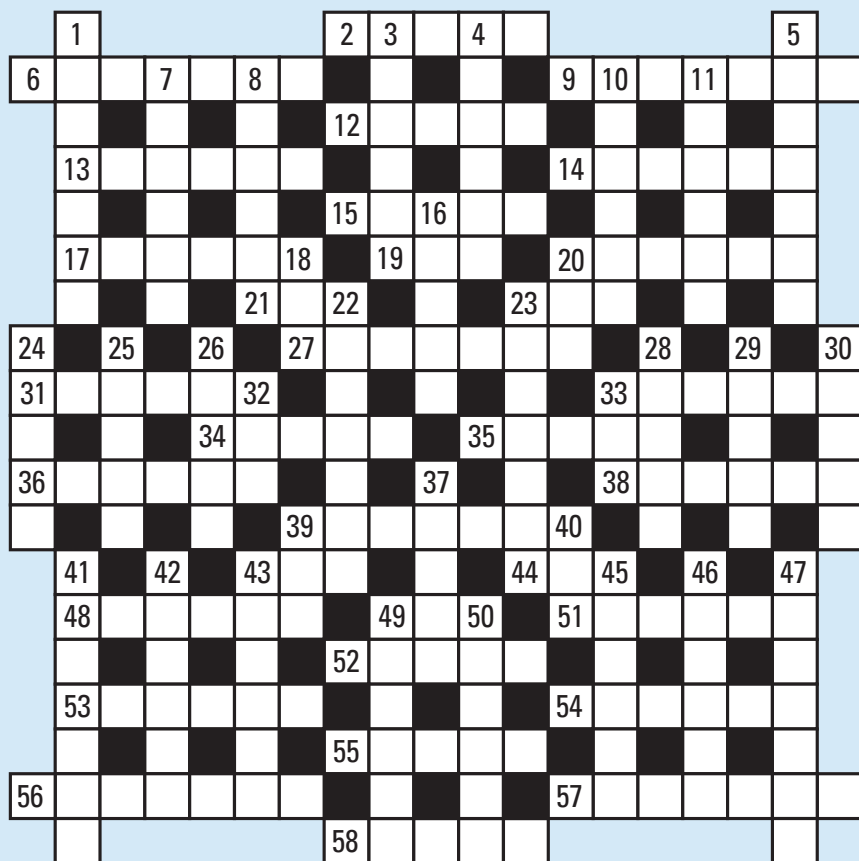
В те же прохладные дни дизайнеры советуют не только привычные российским глазам куртки, но и тренчи, которые также плавно переходят из весны. Между прочим, иногда тренч может использоваться как платье. Цвета — самые разные, ткани — тонкие вплоть до золотой парчи. И еще входят в моду маленькие пальтишки, силуэта трапеция или балахон. Карманы — накладные, воротник маленький или стойка, нарядные пуговицы в тон ткани. Их шьют без подкладки.

А удел мужчин, как консервативной группы населения, носить брюки, рубашки, пиджак, с некоторыми вариациями на тему курток, маек и так далее. Так вот, им предлагается все, что может быть в стиле «ретро». И следите за журналами мод.

Так, а что там Бернард Шоу говорил о моде? Смешно, да? Ну и пусть, зато весело.

С наступающим вас летом! □

К Р О С С В О Р Д

По горизонтали. **2.** Легкая сафьяновая обувь у башкир, татар. **6.** Сигнал флажком или фонарем встречному судну на реке. **9.** Охотник-разведчик в казачьих войсках на Руси. **12.** «Шкурный» обитатель вивария. **13.** Писатель, у которого позади «Время жить и время умирать». **14.** Мотоциклисты, сопровождающие машину с важной особой. **15.** Заплечная ноша ходока за образованием. **17.** Подведение под монастырь. **19.** Не задирай ... перед

человеком со слабым зрением. **20.** «На цифре 37 один шагнул под пистолет» (в песне В. Высоцкого). **21.** «Эй, баргузин, пошевелейвай...» (из песни о беглеце на Байкале). **23.** Самое крупное из поющих животных. **27.** Ударный инструмент невропатолога. **31.** Небольшой олень, легко переплывающий Амур или Енисей. **33.** «Упаковка» для осторожного героя в рассказе А.Чехова. **34.** Положение Н. Костомарова в Кинбургском драгунском пол-

ку. **35.** Костяной котелок. **36.** Большой ломоть хлеба с корочкой. **38.** Бессемейный одинокий человек. **39.** Среднеазиатское дерево, закрепитель песков. **43.** Массовое собрание дубин. **44.** Немецкий композитор, написавший в числе прочего кантату о кофе. **48.** Артист балета, впервые поставивший «Щелкунчик». **49.** Запряжка гуском. **51.** Самое аллергенное дерево. **52.** Несладкий ингредиент беэ. **53.** «...Герхардт» — роман Т. Драйзера. **54.** Русский пейзажист, репродукции картин которого в СССР были везде, даже на конфетных фантиках. **55.** Способ извлечь звук из струны и вопль из человека. **56.** Величина, в быту измеряемая литрами, а в электротехнике — фарадами. **57.** Адвокатское умение (не без взяток) освободить преступника от наказания. **58.** Женский слет в горной местности.

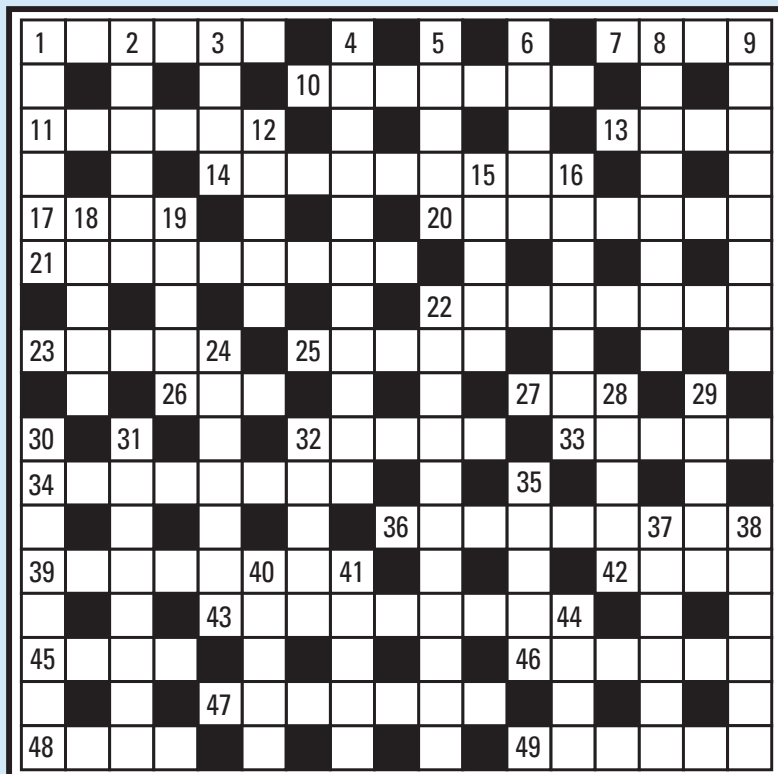
По вертикали. **1.** Столбняк при замешательстве или испуге. **3.** Азербайджанская конно-спортивная игра, созданная больше тысячи лет назад. **4.** Греческий бог, сопровождавший души умерших в Аид. **5.** Одиавшая домашняя лошадь в прериях Америки, теперь почти истребленная. **7.** Героиня балета Н. Черепнина по сценарию А. Бенуа. **8.** Двенадцатый в истории шахмат чемпион мира. **10.** Кусок, отрезок

земли, кожи, ткани. **11.** Заключительный знак препинания. **16.** Характер не без взрывков. **18.** Двуногий грязевой гейзер. **20.** Время, когда в автобусной давке происходит самое анекдотическое. **22.** Ловец женских сердец. **23.** Советский ас, трижды Герой Советского Союза. **24.** Дочь ничегонеделания. **25.** Писанный закон воинской службы. **26.** Пощечина. **28.** Украинская мужская одежда, которую легко встретить в произведениях Н. Гоголя. **29.** Большой обломок глины, камня, льда. **30.** Обмен соображениями вручную. **32.** Весьма рыбная река в Якутии. **33.** «Блистающее» имя Аполлона. **37.** Капитан в казачьих войсках. **39.** Процесс зарывания той или иной культуры в землю. **40.** В Таллине — марка, в Риге — ... **41.** Драгоценный обруч, знак монаршего достоинства. **42.** Пожар в небе от земного пожара. **43.** Прирученные очки. **45.** Певец, способный сачкануть во время выступления. **46.** Город, куда, по советскому анекдоту, свозили все продукты и товары, а население страны само в нем их разбирало. **47.** Голубику в народе называют гонобобелем, дурилой-ягодой. Еще одно название. **49.** Земля, радующаяся, что пока обойдена цивилизацией. **50.** Если она пустая, то ей и полный карман не поможет.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 5

По горизонтали. **7.** Экзарх. **10.** Мархур. **13.** Лазер. **14.** Ареал. **15.** Чемодан. **16.** Ойстрах. **17.** ...помин... **19.** Китон. **20.** Тесак. **22.** Жанен. **23.** Устье. **24.** ...по-боище... **26.** Обмен. **28.** Индюк. **31.** Анфас. **35.** Удоев. **36.** Иисус. **38.** Стервец. **39.** Валидол. **40.** Такин. **41.** Целом. **42.** Валент. **43.** Ибикон.

По вертикали. **1.** Глазомер. **2.** Бареттер. **3.** Склеп. **4.** Охрана. **5.** Ямайка. **6.** Чулан. **8.** Замот. **9.** Редис. **11.** Арсин. **12.** Харон. **18.** Остроумие. **21.** Кузовок. **22.** Женщина. **25.** Шноркель. **27.** Василиса. **28.** Идеал. **29.** Девин. **30.** Ювента. **32.** Ниацин. **33.** Филеб. **34.** Судок. **35.** Уттар... **37.** Сомов.

По горизонтали. **1.** Торба, из которой возчики в пути кормили лошадей овсом. **7.** Венгерский писатель и поэт, чьи лучшие романы не названы в «Краткой литературной энциклопедии». **10.** Старая харчевня, нынче возрожденная, но на другом уровне. **11.** Группа русских художников-авангардистов — учеников М. Матюшина, исследовавшая «цветоформы». **13.** «Черта богов» (Б. Шоу). **14.** Советский физик, один из разработчиков термоядерного реактора «ТОКАМАК». **17.** Цветок, символ страданий Богоматери по Сыну. **20.** Ладей с роскошными каютами, на которой Цезарь с Клеопатрой три месяца плыл вверх по

Нилу. **21.** Сельхозкультура, впервые привезенная в Европу с острова Чилоэ пиратом Ф. Дрейком. **22.** Сфабрикованная картина, мошеннически выдаваемая за оригинал. **23.** Курительный предмет пушкинского хана Гирея. **25.** Речная рыба с челюстным «замком». **26.** Мать-земля, рожденная вслед за Хаосом (греческая мифология). **27.** Быстрый, легкий, марафонский, тяжелый. **32.** Исследователь Антарктики, у которого В. Каверин заимствовал («Два капитана») девиз: «Бороться и искать, найти и не сдаваться». **33.** Манок, особенно на препелов. **34.** Женский народ, чью царицу Антиопу похитил Тесей. **36.** Объявление

имен жениха и невесты в церковном обряде. **39.** Между полковником и генерал-майором в русской армии XVIII века. **42.** Роковая женщина-обольстительница. **43.** Лоскутное устройство государства по национальному признаку, чреватое распадом. **45.** Крест католический в отличие от православного. **46.** Сиг, живущий в Норильских озерах. **47.** Выбор между плохим и очень плохим. **48.** Святилище в античном храме. **49.** Мельчайшая частица заварки.

По вертикали. **1.** Мастер камней. **2.** Горная порода, чье название в переводе значит «красная». **3.** Дурак ... завяжет — умный не распутает (поговорка). **4.** Архитектор, создавший купол над собором Санта Мария дель Фьоре, чье величие, по словам Л. Альберти, «осенило народы Тосканы». **5.** Дугласова пихта или, скажем, тсуга в наших посадках. **6.** Южный плодовый кустарник, хороший закрепитель склонов. **8.** Итальянский композитор, начавший творческий путь с «Любовной ошибки». **9.** Фокусник в астрологии, магии или ясновидении. **12.** Родной город Я. Вермеера и К. Фабрициуса. **15.** Почти «баранье» название скопца в старину. **16.** Русский философ, которому Бог, видимо, недаром дал задранный нос. **18.** Пейзажист, друг А. Иванова; у москвичей был известен как остроумный карикатурист. **19.** Судно, широко использованное Петром 1

при осаде Азова и Нарвы. **22.** Знак пятиконечной звезды, которому в средние века приписывали магическую силу. **24.** Античная гробница для сгинувшего на чужбине или того, чьи останки не нашли. **28.** Писатель и философ, в книге «Русский Эрос» назвавший себя «Василием при Василисах». **29.** Древнегреческий грамматик, прозванный человеком с бронзовыми внутренностями (т.е. с неукоsmithительным прилежанием). **30.** Стреляющее отравленными стрелами духовое ружье у южно-американских индейцев. **31.** Дворцовый ансамбль, не принятый у В. Баженова Екатериной II, поскольку архитектор запечатлел в нем немало мasonicких символов. **32.** Сверхпроводящее квантовое устройство для измерения слабых магнитных полей. **35.** Территория как убежище для преследуемых властью в средневековых мусульманских городах. **37.** Поэт, называвший своим литературным и крестным отцом А. Плещеева. **38.** Одежда древнерусских воинов-святых и всадников на иконах. **40.** Первая возлюбленная Тибулла, воспетая им под этим вымышленным именем. **41.** Северная птица, чье гнездо на границе леса и болота часто бывает на кочке. **44.** Московская река, по которой в кинокомедии плыли «верные друзья», а теперь плывет всякое дерьмо.

Ответы на «Эрудит», напечатанный в № 5

По горизонтали. **3.** Обряд. **7.** Ясень. **10.** Люрик. **11.** Игра. **12.** ...ездок. **13.** Бурло. **14.** Хижка. **15.** ...счет... **18.** Нона. **21.** Юность. **22.** Навь. **23.** Вюляр. **24.** Мавр. **26.** Банник. **27.** Руина. **28.** ...жила. **30.** Шпиц. **33.** Кана. **39.** Иней. **40.** Жулев. **41.** Япония. **42.** Гоби. **44.** Валун. **45.** Хрущ. **46.** Плучек. **47.** Ухаб. **50.** Ауру. **53.** Ренан. **54.** Этана. **55.** Черта. **56.** Мунк. **57.** Уличи. **58.** Орфей. **59.** Иоанн.

По вертикали. **1.** Алехандро. **2.** Крыжовник. **3.** Океан. **4.** Радон. **5.** Дикс. **6.** Грие. **8.** Стукотня. **9.** Налетчик. **16.** Чайник. **17.** Тюрбан. **19.** Оса. **20.** Авр. **24.** Маш. **25.** ...воин. **29.** Ладло. **31.** Пивяка. **32.** Целлер. **34.** Ажи. **35.** ...Флоренция... **36.** Священник. **37.** Эпилятор. **38.** Значение. **42.** Гну. **43.** Бра. **48.** Хырка. **49.** Браун. **51.** Узук. **52.** Очки.

Ледниковый период 2 Глобальное потепление

(«Ice Age 2: The Meltdown»)
Режиссер: Карлос Салдана
Жанр: комедийный мультфильм
Длительность: 90 мин
Год выхода: 2006
Страна: США
Роли озвучивали: Рэй Романо, Джон Легуизамо, Дэнис Лири, Денни Диллон.

Кто же не знает знаменитую белку Скарт из первой части Ледникового Периода и коротенького трейлера, который бродил по интернету под названием Ice Age 2, но полноценная вторая серия вышла только сейчас. Основной сюжет многим не интересен — главное посмотреть на новые забавные злоключения саблезубой белки. Как известно, ледниковый период начался с белки, и с нее же началось потепление. Героям предстоит новые приключения, в которых они должны помешать очередной глобальной катастрофе. Мультфильм будет интересен как взрослым, так и детям. И самое главное — смех полезен для здоровья.

Добрыня Никитич и Змей Горыныч

Режиссер: Илья Максимов
Жанр: комедийный мультфильм
Длительность: 80 мин
Год выхода: 2006
Страна: Россия
Роли озвучивали: Екатерина Гороховская, Андрей Толубеев, Сергей Маковецкий.

Год назад был Тугарин Змей, а сейчас уже и до Змея Горыныча добрались. Первый мультфильм оставил очень много положительных эмоций и хорошо рассмешил своими курьезами, особенно лошадю, которая уж больно сильно смахивала на осла из Шрека. Но тем не менее это наш родной мультфильм, и новая серия не менее интересная и забавная. Ориентирована как на детей, так и на взрослых. Все началось с того, что украли племянницу киевского князя — Забаву Путятичну. Что же делать? Естественно, отправиться на поиски и навестить всем, кто виноват. Так и случилось — Добрыня, услышавшись князя, отправляется выручать несчастную вместе с ее женихом...

Босиком по мостовой

«Barfuss»

Режиссер: Тиль Швайгер

Жанр: мелодрама

Длительность: 118 мин

Год выхода: 2005

Страна: Германия

В главных ролях: Тиль Швайгер, Джоанна Вокалек, Стеффен Винк, Майкл Мендл.

Невозможное — возможно! Таким девизом можно охарактеризовать этот фильм. Перед нами — новая душещипательная мелодрама, поэтому перед просмотром запаситесь платочками, а кому мало — тазиками. Фильм на редкость хороший и смотрится на одном дыхании. Главному герою все время не везет с работой, места меняются, как перчатки, в него никто не верит, кроме мамы. И вот он случайно спасает девушку Лайлу от самоубийства, когда работал уборщиком в психиатрической больнице. С этого все и началось. Она выследила его и как-то вечером появилась на пороге его дома — босиком и в ночной сорочке. Выгнать не удалось, потому что девушка решила остаться с ним навсегда...

Моя ужасная няня

(«Nanny McPhee»)

Режиссер: Кирк Джонс

Жанр: Комедия, Фэнтези

Длительность: 97 мин

Год выхода: 2005 (в России 2006)

Страна: США, Франция, Великобритания

В главных ролях: Эмма Томпсон, Колин Ферт, Келли МакДональд, Селия Имри.

Новый сказочный фильм для детей, но после просмотра выясняется — это слишком громко сказано, так как детского в нем не так уж и много. Но в целом — неплохая история, которая выделяется на фоне остальных. Сюжет достаточно прост — к вдовцу мистру Брауну приходит на помощь фея-няня, чтобы помочь управлять с семерыми его хулиганистыми детьми. 17 няня они уже выжили — и 18-ю — не проблема, но не тут-то было — фея быстро их приструнила и взяла контроль над ситуацией в свои руки. Но это еще не конец фильма — вдруг выяснилось, что плохое поведение детей начало волшебным образом приводить к неприятным последствиям...

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

